ДБ
400
К80

"Крестьянские движения 1902 года"

М.-Пг., 1923.

DB
400
K80

ЦЕНТРАРХИВ

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ 1902 ГОДА

(НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

ИЗДАНИЯ ЦЕНТРАРХИВА Р. С. Ф. С. Р.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ СБОРНИКИ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ:

1) Империалистической войны. (Русско-французские отношения, Антанта и временное правительство, русско-японская война по материалам архива С. Ю. Витте, А. Н. Куропаткина и др.).
2) Революционного движения. (С. Г. Нечаев. 1905 г. Процесс Каракозова. 60-ые годы).
3) Культуры и быта. (Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову, материалы по истории цензуры и др.).

Кроме того, в скором времени выйдет в свет:

Красный Архив, т. III.

Подготовляются к печати:

Материалы к романам Достоевского: „Преступление и Наказание", „Идиот", „Подросток", „Бесы", „Братья Карамазовы". Письма Достоевского.

Печатаются:

Материалы к роману „Идиот".
Русские писатели и Достоевский в переписке.

ИЗДАТЕЛЬСТВОМ ЦЕНТРАРХИВА ВЫПУЩЕНЫ КНИГИ:

1) Русско-германские отношения (сборн. секретных документов).
2) Достоевский. Исповедь Ставрогина. (Неизданные главы из ром. „Бесы") и Житие великого грешника (план романа).
3) Сборник материалов и статей. Вып. I. Москва, 1921 г.
4) Красный Архив, т. I и II. 1922.
5) Лейтенант П. П. Шмидт (новые материалы).
6) Тургенев (новые материалы).
7) Материалы по истории крестьянских движений, в. III.
8) Архивное Дело, т. I. 1922 г.

Книжный склад и лавка Центрархива: Воздвиженка, 8 (против ЦКРКП).

Книгопродавцам скидка.

СКЛАД ИЗДАНИЙ ЦЕНТРАРХИВА.

Воздвиженка, 8.

На складе имеются: Русско-германские отношения (сборник секретных документов). М. 1922 г. Красный Архив, т. I и II. 1922. Архивное Дело, т. I и др.

Издания Центрархива: Ф. М. Достоевский. Сборник архивных материалов. Описи и описания архивных фондов, Исторический Архив, т. I и др.

Издания Истпарта: «Пролетарская Революция»; «От группы Благоева к Союзу Борьбы»; «Из эпохи Звезды и Правды»; Д. Сверчкова—«На заре революции»; «Бюллетени Истпарта»; Лелевич—«В дни самарской учредиловки»; Л. Б. Каменев—«Обзор с.-д. литературы»; П. Н. Лепешинский—«На повороте» и др.

Издания Госиздата, „Московского Рабочего", „Новой Москвы", в большом количестве провинциальные издания.

Кроме того, имеются книги по социализму, истории, археологии, искусству.

Книжный склад берет поручения по подбору библиотек для советских, партийных, культурно-просветительных учреждений и частных лиц, в особенности для провинции.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Б. Б. ВЕСЕЛОВСКОГО, В. И. ПИЧЕТА и В. М. ФРИЧЕ

Выпуск III

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

1902 ГОДА

ДБ
400
R80

ОБЪЕДИНЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
И. К. П.
190482

2899

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Р. Ц. № 3392. Печ. 120 экз. Зак. № 1702.
Государственный Трест „Петропечать“ — Тип. „Пропагандист“, Петроград, Измайл. 29.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящий сборник архивных материалов по истории «крестьянских беспорядков», имевших место в Харьковской и Полтавской губерниях весной 1902 года, представляет первый по времени выхода выпуск из намеченных Научно-издательской Коллегией Центрархива к изданию «Материалов по истории крестьянского движения в России в XIX и XX вв.». Подготавливаются к печати материалы по истории крестьянского движения, непосредственно предшествовавшие реформе 1861 г., а также по истории движения в XX веке (движение в Саратовской губернии в 1901—02 гг., волнения 1905—06 гг. и революционные выступления 1917 года).

Публикуемые в настоящем сборнике материалы почерпнуты из архива Сената и включают в себя лишь материалы судебного следствия и т. п., не полицейского характера. Последние едва ли представляют что-либо ценное, если судить по ссылкам, приводимым в этом сборнике на данные жандармского расследования. «Беспорядки» в Харьковской и Полтавской губ. в 1902 году явились полной неожиданностью для администрации и для революционных кругов. Имевшая место революционная пропаганда носила совершенно кустарный характер и, несомненно, не соответствовала эффекту самих беспорядков, вспыхнувших скорее стихийно на почве до крайности обостренных экономических отношений. В частности надлежит отметить, что пропаганда партии с.-р. и образовавшейся тогда аграрной лиги при этой партии ничем не проявилась в этом движении, в противоположность Саратовской губернии (1901—02 гг.), где как раз партия с.-р. в то время делала свои первые шаги по части пропаганды в крестьянстве (особенно в Балашовском и Саратовском уездах) и где пропаганда велась чрезвычайно интенсивно.

Материалы по Харьковской губернии устанавливают определенную связь между крестьянским движением в этой губернии и происходившими в то время студенческими беспорядками (популярность среди крестьян «студентов», пропаганда одиночек-студентов в деревне и т. д.).

По принятой в свое время терминологии крестьянские беспорядки в Харьковской и Полтавской губ. в 1902 году были лишены

«политического» характера; политическая идеология крестьянства продолжала пребывать на уровне, который проявился при восстаниях в 50-х и 70-х годах XIX столетия. Тон всему движению дали напряженные социальные отношения, в связи с угнетенным и бесправным положением крестьянства вообще. Правительственная власть, руководимая В. К. Плеве, не поняла смысла этой вспышки, предвозвестницы движения 1905 года, и все свое внимание в дальнейшем сосредоточила на культивировании мероприятий полицейского характера.

О разрешении аграрного вопроса вспомнили опять лишь тогда, когда снова грянул гром крестьянских волнений осенью 1905 года.

В состав редакции «Материалов по истории крестьянского движения» вошли Б. Б. Веселовский, В. И. Пичета и В. М. Фриче. Настоящий сборник выпускается под редакцией Б. Б. Веселовского; материалы для сборника выбраны из архива Сената проф. И. Ф. Цызыревым.

Редакция.

Москва.
Октябрь 1922 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемый ниже матёриал извлечен из 5-томного дела 1-го д-та министерства юстиции (2 уголовное отделение, 2 делопроизводство, № 822/1902 г., архивные №№ 9342—9346), под заголовком: «О нападении крестьян на экономии помещиков Павловского, Константиноградского и Волковского уездов». Материалы эти хранятся ныне в 1 отд. II секции Е. Г. А. Ф. в Петрограде.

Заголовок дела, конечно, неправилен. Вместо «Павловского», нужно читать «Полтавского», а вместо «Волковского» — «Валковского». События, о коих повествуют эти материалы, отделены от нас двадцатилетием. Они не разлились широкой волной, локализировавшись на довольно скромной площади четырех уездов (Полтавского, Константиноградского, Валковского и Богодуховского), и даже не охватив и их целиком; они вспыхнули на весьма краткий срок, будучи подавлены вооруженной силой и жестоким массовым телесным наказанием, но вспыхнули они очень ярко, дружно и успели дать грозный результат, исполненный глубокого значения для тех, кто обладал бы государственным взором, чтобы видеть, и политическим смыслом, чтобы понимать. Качеств этих явно не оказалось на правящих высотах, и тем интереснее вспомнить теперь эту историческую полосу, что в ней по справедливости следует видеть первый грозовой удар наступавшего для России нового, чреватого революцией, века.

Самое развитие и фактический ход «крестьянских беспорядков» 1902 г., пожалуй, достаточно знакомы, и нижеследующие материалы не дают чего-либо существенно нового по сравнению с тем, что стало известно о них русскому обществу чрез посредство повременной печати и правительственных сообщений того времени; но если задаться целью проследить главнейшие исторические причины, обусловившие этот судорожный взрыв, и заинтересоваться той совершенно своеобразной психической атмосферой, в которой происходило это первое «революционное выступление» крестьянства в новейшее время, то казалось бы, что официальные документы, предлагаемые ниже вниманию читателей, представляют собой изобильный источник для поучительней-

ших сопоставлений и выводов. В этом их несомненный исторический интерес.

Беспорядки грянули, как удар грозы при безоблачном небе, так по крайней мере выходит по отзывам представителей местной высшей администрации. При этом и все течение их было столь же быстро, как громовой удар. «С 31 марта по 5 апреля отчетного года, — пишет харьковский вице-губернатор Азанчевский во всеподданнейшем за 1902 г. отчете (Дело под арх. № 132, с копией всеподданнейшего отчета о состоянии Харьковской губ. за 1902 г., по департаменту общих дел м-ства вн. дел, секретарской части, хранящееся в 2 отд. II с. Е. Г. А. Ф. в Петрограде), — в Валковском и Богодуховском уездах происходили беспорядки, выразившиеся в массовом нападении крестьян на владельческие экономии. Крестьяне грабили движимое имущество помещиков, как-то: хлеб, корм для скота, живой и мертвый сельско-хозяйственный инвентарь, предметы домашней обстановки и т. п., в отдельных же случаях даже поджигали экономические постройки. Беспорядки застигли местную администрацию совершенно врасплох. Казалось бы (!) народному движению столь необычной формы и также размаха должно было предшествовать известное движение в крестьянской среде...». Пред этим фактом неожиданности беспорядков составитель отчета останавливается в смущении: «как полиция, так и землевладельцы... были совершенно спокойны, не усматривая в настроении крестьян тревожных признаков». И надо же было случиться еще, что первой мишенью для революционного удара оказалась усадьба не кого другого, как местного земского начальника Глушкова! «Такова рознь между сельской интеллигенцией и простым народом — это два лагеря, живущих рядом, но совершенно друг другу чуждых», — добавляет представитель губернской власти.

Чем же объяснить, однако, эту неожиданную, никем не предчувствовавшуюся грозу? Кто зажег этот деревенский пожар? «Не подлежит никакому сомнению, — авторитетно удостоверяет полтавский губернатор, в должности шталмейстера, князь Николай Урусов, — что беспорядки были вызваны главным образом подпольной агитацией среди народа. Один из студентов, поселившись с своими единомышленниками в д. Лисичной, в доме своей матери, систематически подготовлял наиболее развитых молодых крестьян к противоправительственной пропаганде, а последние уже действовали с своей стороны на народ непосредственно, распространяя среди односельчан зловредные убеждения и подпольные брошюры» (Дело МВД., деп. общ. дел с копией всеподд. отчета о состоянии Полтавской губ. за 1902 г., арх. № 95, хранится во 2 отд. II с. Е. Г. А. Ф. в Петрограде).

Князь Урусов, высказывая свое предположение ex post, уже по миновании событий, только повторяет то, что было выставлено и с особой настойчивостью подчеркнуто при самом развитии событий. В секретном, собственноручно написанном, письме

министру юстиции от 1 апреля 1902 г. (приводимом ниже) А. А. Лопухин (тогда прокурор харьковской суд. палаты) категорически заявляет: «Крестьянские бунты, наблюдаемые здесь в настоящее время, являются результатом революционной пропаганды и должны быть рассматриваемы, как первое проявление социально-революционного движения в крестьянской среде в России». В последующем своем письме от 15 апреля того же года он ставит беспорядки в прямую связь с широким распространением в Полтавской губ. и особенно на границе с Харьковской революционных прокламаций и с развитием штундистского учения, проповедующего, между прочим, передел земли.

Это нарочитое внимание к «политической крамоле», как главной причине беспорядков, видимо оказалось близко сердцу и прибывшего на место «временщика», только что принявшего в 1902 г. кормило внутреннего управления Империей. По свидетельству А. А. Лопухина, он внимательно и благосклонно воспринимал эти доклады. «Внимание ко мне министра внутренних дел, — пишет Лопухин, — было весьма подчеркнуто им и выразилось, между прочим, в том, что я был единственным из должностных лиц г. Харькова, приглашенным министром завтракать с ним». Всю значительность этого факта, о котором прокурор суд. палаты считает долгом оповестить министра юстиции, оценит всякий, кто знал личность В. К. Плеве. Впрочем, имеется и другой, пожалуй, более веский симптом. Немедленно после этого «завтрака» Лопухину был вверен департамент полиции м-ства вн. дел.

Не подлежит никакому сомнению, что и для Лопухина, да и для самого Плеве было ясно, что искра не может произвести взрыва, если не падет на порох, но, кажется, не в заданиях тогдашней политики было заниматься серьезно выдумыванием этого пороха и его исследованием. «Нужно» было не это, а другое. Нужно было раздуть искру и занять верховное внимание только ею. Остальным будет время заняться потом. Вот почему объяснение причин беспорядков, данное Лопухиным, несмотря на его очевидную однобокость, оказалось столь симпатичным и своевременным. Да, бесспорно пропаганда была. Приводимые ниже документы это удостоверяют. Было обнаружено 16 случаев распространения «преступных воззваний». В деле фигурируют их образцы. Схвачены были и некоторые прикосновенные к агитации лица. Но поистине изумительно, что государственные деятели того времени так легко и просто склонны были ограничивать свой кругозор, подходя к вопросу о причинах беспорядков. Несомненно, что все понимали, где настоящая причина, а не внешний повод взрыва. Но так как наверху о ней загадочно молчали, то и у подчиненных не хватало мужества говорить правдиво.

К чести этих подчиненных можно констатировать, однако, что смелые и честные люди в их среде все же нашлись. Из числа помещенных ниже документов заслуживают особого внимания две записки: одна члена консультации Семенова и другая ис. об.

обер-прокурора Коваленского. Обе они посвящены выяснению причин беспорядков. Последняя же из них, в связи с письмами С. С. Манухину, о ходе заседания особого присутствия суд. палаты по аграрным делам, рисует особенно полно, ярко и искренно всю картину происшедшего, не скрывая от взоров власти самой горькой и неприкрашенной правды.

Не революционная пропаганда, как таковая, сожгла амбары, расхитила хлеб и корм для скота и даже кой-где тронула помещичьи гнезда. Революционеры, конечно, были на месте и не дремали. Но была еще более мощная революционизирующая сила, удостоверенная авторами упомянутых записок. Это — быт населения, его повседневная жизнь из года в год, с безземельем, голодовками, одичалостью, заброшенностью и полной беспомощностью перед возмутительной, возведенной в норму эксплоатацией.

Сельский староста дер. Максимовки, Иван Гайдук, в показании своем суд. следователю, говорит: «до меня никаких слухов о книжках [1]) не доходило... И думаю, что если бы нам лучше жилось, никакие книжки, что бы там в них ни написано, не имели никакого значения. Страшны не книжки, а то, что есть нечего».

«Часть крестьянского населения, — пишет Семенов, — как, например, в имениях Лисичьей и Максимовке Константиноградского уезда, при освобождении от крепостной зависимости вовсе не получила надела. Земельные наделы других, по мере увеличения народонаселения, раздроблялись до такой степени, что в настоящее время в некоторых селениях приходится не более половины и даже четверти десятины на душу». В то же время земли вокруг сосредоточились в руках немногих крупных помещиков. «Недостаток земли и отсутствие пастбищ у крестьян поставили их в полную экономическую зависимость от соседних землевладельцев». «Арендная плата достигла в некоторых местностях 18 р. за десятину. Если же земля сдается не за деньги, а за обработку..., то, например, за пользование 30 десятинами выгона крестьяне обязуются убрать и свезти помещику хлеб с 60 десятин. За одну десятину, взятую под посев, крестьянин принимает на себя обязательство обработать землевладельцу 2, а иногда и 3 десятины». «Крестьяне со всех сторон окружены владельческими землями и стеснены до такой степени, что, по их выражению, курицы некуда выпустить».

Вот официальное свидетельство об экономическом положении местного сельского населения. В нем выразительно все, вплоть до крылатого слова, повторяющего знаменитый аргумент 3-го мужика из «Плодов просвещения».

К этим «постоянным неблагоприятным условиям» присоединился «недород». «Администрация, недостаточно, повидимому, осведомленная (!),— пишет тот же Семенов, — о степени крестьянской нужды, не принимала соответствующих мер к ее облегчению.

---

[1]) Т.-е. о революционных брошюрах и прокламациях.

Земство продовольственной помощи не оказывало». У ближайших соседей-помещиков крестьяне встречали «безучастное отношение». Помещики безусловно отказывались делиться своими запасами корма для скота. «По убеждению крестьян,—замечает автор цитируемой записки,—делалось это с целью искусственно возвысить цены на сельскохозяйственные продукты».

Совершенно ту же картину, но еще более полную и убедительную, благодаря обоснованности ее на точных статистических данных, рисует в своей записке и Коваленский. Констатировав безвыходную материальную нужду местных крестьян, зажатых в тиски среди крупного помещичьего владения и голодающих на нищенских надельных участках, Коваленский касается бесплодности тех паллиативов, которыми правительство рассчитывало смягчить остроту создавшегося положения, удостоверяя, со ссылкой на мнения местных людей, что ни переселенческая политика того времени, ни политика Крестьянского Банка не приводили к ощутительным результатам, оставляя за бортом как раз наиболее нуждающиеся слои населения и обращаясь только в сторону более зажиточных крестьян.

Коваленский, суммировав эти факты, хорошо иллюстрирует и отражение их в психике крестьян. Мрачная озлобленность, сознание безвыходности и то, что нечего терять, отчаяние, — вот что окутало крестьянский люд, — вот то взрывчатое вещество, тот порох, на который пали искры революционного внушения.

«Беспорядки» грянули. «Бунтовщики» двинулись толпами к помещичьим усадьбам. Но какие это странные были беспорядки! Какие удивительные бунтовщики! Конечно, никто не станет отрицать достоверность тех отдельных фактов, когда помещичье имущество вообще истреблялось или расхищалось, когда над отдельными лицами учинялись насилия. Было бы совершенно невероятно, если бы в атмосфере накаленной толпы вовсе отсутствовали грубые эксцессы, нерассудительные, бесцельные поступки. Но составляло ли такое массовое «буйство», хотя бы и движимое накопившимся чувством справедливой мести угнетателям, главную характерную черту движения? Приходится на это ответить категорически отрицательно.

Два мотива проявились в настроении толпы. Один мотив «крайней необходимости». «Есть нечего, дайте хлеба», «дети пухнут», «наши отцы работали панам, работаем и мы, а пропадаем с голоду, никто нам не поможет». (Записка Семенова.)

Другой мотив, особенно интересный и поучительный. Это мотив внутренней правоты учиняемого, мотив, развернутый в целую идеологию, мотив, ищущий себе формальной опоры и потому отлившийся в легендарные формы некоторой внешней лойяльности. И у Семенова, и у Коваленского собрана целая коллекция указаний на это любопытнейшее обстоятельство. Дело в том, что на помещичий хлеб существует у крестьян «право».

Это право освятил «царский указ». И если, по другому варианту, оттого плохо крестьянам, что царь уехал куда-то («к теще») и все оставил «управляющему», то все варианты внезапно сходятся в одном утешительном известии: наследник Михаил Александрович («управляющий») стоит во главе движения и руководит им. Он тут где-то: «ходит в шинели, а под ней царские медали». От него идет «сияние». У него дело организовано, при нем «генералы», а помогают «студенты»...

Это не просто досужья бабья болтовня. Это крепкая иллюзия, наложившая реальный отпечаток на деятельность «преступной толпы». Еще раз надо оговориться, что бывали исключения всякого рода, но вот что может быть констатировано, как типичное поведение аграрников. Брали только хлеб и корм для скота. Остальное брать было «не по закону». Останавливались смущенными перед замками на амбарах и не сразу решались их сбить (можно ли «по закону»?) и совершенно спасовали, когда в одной усадьбе, где помещичий хлеб оказался заложенным в банке, увидали на дверях амбара печати с государственным орлом. Решили, что это «казенное», брать нельзя. Почти везде толпа, являвшаяся в усадьбу, не сразу принималась действовать, а стояла в ожидании... прибытия «генерала», который даст «приказ»... Один находчивый становой удачно сыграл на этом настроении толпы, ссылавшейся на «царский указ», заявив, что послал в город за «указом» и прося потерпеть, «пока привезут». Толпа терпеливо ждала, пока дождалась... не того, что ожидала.

Быть может, скажут, что приведенные факты не важны и неинтересны. Что другое выражается ими, как не недоразвитость, забитость, приниженность крестьянской массы? Протекшие с тех пор двадцать лет не прошли для нее даром. Иллюзии изжиты. Нечего и вспоминать об этих симптомах жалкого политического младенчества. Однако, не все в таком суждении было бы справедливо. Факты эти сохраняют и интерес и ценность, если на них взглянуть глубже. «Указ», «генералы» и пр., — это только привычные, сами собой явившиеся, за неимением иных, моменты оформления того, что переживалось массовым сознанием, как подлинная, сущая справедливость, что было неподдающимся вытравлению, из века в век, от поколения к поколению переливавшимся убеждением крестьянина в «праве на землю» *только того, кто ее обрабатывает*.. Это правовое убеждение — вторая натура русского крестьянства, его неотъемлемый атрибут. И то, что с формально законной точки зрения квалифицировалось деянием, предусмотренным 269[1] ст. Ул. о н., то в действительности в глазах толпы являлось актом народной совести, не грабежом, а осуществлением права, а потому и должно было происходить не как-нибудь, а «по закону», не хаотическим сбродом, а организованно. Организация снизу кой-где и была на-лицо. Но этого было мало — нужна целостность и красота для столь грандиозного и правого дела. Нужно особое увенчание его. Народная фантазия выполнила

это средствами ей доступными, своими «указами», «генералами» и таинственными «сияющими» благодетелями «в шинелях и медалях».

Суровая действительность разбила все мечты. С беспорядками, несмотря на их интенсивность и грозный размах, справились в несколько дней. В отдельных случаях дело доходило до залпов, но в большинстве случаев оказалось достаточно «экзекуции». Последняя практиковалась везде. К ней, под давлением сверху, прибег неудачливый полтавский губернатор. Ею блеснул вовсю (с правом «передоверия» кому угодно) стяжавший себе «славу» в правительственных кругах губернатор харьковский. Начались затем суд да дело.

По официальным свидетельствам, крестьяне тотчас же «раскаялись». Они стали составлять покаянные приговоры, стояли на коленях, возвращали награбленное. Что же больше? Но вот что читаем в одном из писем Коваленского (писем, необыкновенно интересных по свежести мысли и чуткой наблюдательности). «Присматриваясь к длинному ряду лиц, проходивших пред моими глазами на суде и вне суда... прислушиваясь к их показаниям и говору, я выношу убеждение, что крестьяне устрашены, но вовсе не убеждены. Крестьяне меня поражают еще... не то своей одичалостью, не то особой сосредоточенностью. Во всяком случае недоверчивость к начальству и полная от него отчужденность проглядывают во всем» (письмо от 22 сентября 1902 г. из Валок). Нет, «раскаяния» не было. Была горечь пред торжеством официально законной кривды над обманувшей, но все же дорогой правдой.

Ограничивалось ли такое подавленное настроение только скамьей подсудимых, не сообщалось ли оно и судьям? Вопрос рискованный, на него трудно ответить. Но материалы дают намеки и на это. Уже одно то, что сплошь и рядом при разборе дела оказывалось, что крестьяне, совершенно одинаково проявлявшие себя в «преступной толпе», волей слепого случая оказывались то на скамье подсудимых, то в числе свидетелей по тому же делу, не могло, в связи с подавляющей массой этих однотонных производств, не производить на судейскую совесть обескураживающего впечатления чего-то бесцельного, мертвого и в сущности никому не нужного. Колесо судебной машины вертелось, ибо нужно же было государству «реагировать» на столь грозное, преступное явление. Однако, крупный обвинительный результат и высокий размер репрессии, пожалуй, и не были столь уж интересны и желательны. В т. 1 цитируемого дела м-ства юстиции на листе 298 имеется без всякого заголовка и без подписи отрывок, начинающийся словами: «но, постановляя этот приговор, суд. палата не могла не принять во внимание нижеследующих обстоятельств настоящего дела»..., и кончающийся формулой ходатайства суда пред императором о смягчении наказания подсудимым в размере, выходящем из пределов суд. власти. В промежутке приведены все

:аргументы, какие только можно привести в пользу подсудимых аграрников, изложенные притом столь абстрактно, что они могут быть применены к обстоятельствам любого конкретного дела. Если сопоставить эту редакцию со многими приговорами суд. палат, имеющимися в деле, то является гипотеза, не служил ли этот отрывок камертоном м-ства, по которому равняться должны были карающие органы.

Приводимая ниже справка об исходе дел, решенных суд. палатами, казалось бы, подтверждает мысль о сравнительно мягком ликвидировании аграрных дел.

Казалось бы, при таком настроении суда особенно выгодна была позиция защиты. Увы, по сущей справедливости, ее добром помянуть не за что. Лучшие представители адвокатуры (в числе их некоторые из тех, кто метеорами сверкнули у нас через двадцать лет спустя в эпоху «Временного Правительства») взялись за эти дела. Но, повидимому, не участь подзащитных интересовала их, а политический характер дел. Дело защиты на суде (в виде общего правила и не без счастливых исключений) не доводилось до конца. Перед завершением судебн. следствия защитник, следуя условленной тактике, предлагал вопрос, подвергались ли его подзащитные административной властью телесному наказанию и в каком размере. Председатель «энергично» останавливал защиту. Тогда последняя торжественно уходила из зала в самый боевой момент процесса и подавала палате письменный протест, ссылаясь на «невозможность» исполнять свои обязанности при таком отношении к ней суда. А подсудимые поступали под крыло назначенных от суда кандидатов на судебные должности, которые должны были выступать, надо полагать, без особой подготовки с защитительными речами по столь сложным делам. Правда, если верить прокурорским донесениям м-ру юстиции, это были какие-то исключительные кандидаты, ибо они всегда и неизменно «справлялись вполне удовлетворительно со своими обязанностями».

В материалах есть маленький штрих о том, как подсудимые оценили описанный «политический жест» своих защитников. В письме от 10 октября из Константинограда Коваленский сообщает, что у одного из «подзащитных» вырвалось следующее замечание: «нам не нужно вольных, хотим казенных защитников, а то эти уходят, а нас бросают, потому что мы бедны и нечем платить; а дай мы им по 50 коп. на человека, наверно бы остались»...

Так или иначе, но судебная машина выполнила свое дело. Фемида, плотно завязав свои глаза, покарала тех, кто «попался» под ее карающий меч. Однако, было слишком очевидно, что совершенно столь же виновно было и все сельское население двух губерний. С другой стороны, «потерпевшие ущерб» заботились не об этом фиктивном правосудии, а о возмещении своих убытков. И вот эпилогом ко всей этой трагической истории является именной указ пр. сенату от 11 мая 1902 г., которым отпускается из

госуд. казначейства 800.000 р. «на вознаграждение потерпевших землевладельцев», с тем, чтобы для возмещения казне этого отпуска «установить с сельских обществ и селений, крестьяне коих принимали участие в беспорядках, дополнительный к существующим окладной сбор». Указ мотивирует такую чрезвычайную меру ответственности этих сельских обществ и селений тем, что таковые «своим преступным попустительством способствовали развитию беспорядков». Указ этот детально развивается в особом положении комитета министров (Собр. Узак. 1902 г., № 56, ст. 597).

«Это есть карательный закон,—характеризует эти меры проф. Н. И. Лазаревский («Ответственность за убытки. причиненные должностными лицами», стр. 703), изданный ad hoc, к специальному случаю, и притом карательный закон, которому придано обратное действие, который применяется к деяниям, имеющим место до его издания». Тот же ученый справедливо заметил, что для возложения на крестьян целой губернии круговой друг за друга ответственности нет ни малейшего ни юридического, ни житейского основания. Полная произвольность царила и в способах исчисления убытков и разверстки между отдельными обществами. Впрочем, указ этот просуществовал недолго. Установленный им новый окладной сбор был сложен манифестом 11 августа 1904 г. и на деле, насколько известно, почти не поступал.

Так ликвидированы были полтавские и харьковские беспорядки. А что же малоземелье, голодуха, эксплоатация соседями помещиками? Первый грозовой удар оказался еще слаб. Правительство упорно хотело видеть в происшедшем только «эпизод». Заикаться о «расширении крестьянского землевладения» в ту пору еще не полагалось. И даже об «усовершенствовании способов» крестьянского землевладения и землепользования задумались и заговорили серьезно только после второго, более сурового предупреждения 3 года спустя.

Ив. Цызырев.

Перечень документов, вошедших в данный выпуск.

1. а - в. Разбор шифрованных телеграмм А. А. Лопухина на имя министра юстиции из Полтавы, Харькова, Искровки (л. д. 5 и 7 — 8).
2. Письмо А. А. Лопухина С. С. Манухину от 1 апр. 1902 г. (л. д. 21 — 26) и таблица распространенных «требуемых воззваний» (л. д. 27).
3. Рапорт прокурора Харьковской суд. палаты от 11 апр. 1902 г. № 886, министру юстиции (л. д. 45 — 51).
4. Прокламация, подписанная «Студентом» (52).
5. Прокламация на украинском языке (л. д. 78 и об.).
6. Письмо А. А. Лопухина Н. В. Муравьеву от 15 апр. 1902 г. (л. д. 60 — 70).
7. Письмо мин-ра ю. мин-ру вн. дел, от 11 сент. 1902 г. № 35547 (л. д. 198, 199) о порядке производства секретных дел в закрытых заседаниях.
8. Рапорт мин-ру ю. прокурора Харьковской суд. палаты от 19 сент. 1902 г. № 2966, о поведении защиты на суд. разбирательстве (л. д. 227 — 228).
9. Заявление защитников суд. палате (л. д. 229 и об.).
10. Справка прокурора Харьковского окр. суда о случаях изнасилования крестьянок казаками (л. д. 241 — 242).
11. Письмо с приложениями директору д-та полиции прокурора Харьковской суд. палаты от 16 окт. 1902 г. № 3267, о воззваниях местных соц.-дем. комитетов (л. д. 292 — 295 об.).
12. а - б. Письма состоящего за об. прок. столом во 2-м д-те сената Коваленского С. С. Манухину, о заседаниях ос. прис. Харьковской суд. палаты в Валках (л. д. 341 — 348).
13. То же (л. д. 353 — 356 об.).
14. а - б. Письма Коваленского Манухину из Константинограда от 4 и 10 октября 1902 г. (л. д. 380 — 381 об. и 390 — 391 об.).
15. Показание сельского старосты дер. Максимовки Гайдука, (л. д. 398 — 399).
16. Записка о причинах беспорядков, происходивших в конце марта и начале апреля 1902 г. среди крестьян Полтавской и Харьковской губ. члена консультации Семенова (л. д. 71 — 76 об.).

17. Записка о причинах, вызвавших кр. беспорядки в марте и апреле 1902 г. в некоторых уездах Харьковской и Полтавской губ. — ис. об. об.-прокурора пр. сен. Григория Коваленского (т. V, л. д. 1 — 67).
18. Суд над крестьянами (т. V, л. д. 143).
19. Справка о количестве лиц, преданных суду, осужденных и оправданных по делам о кр. беспорядках в Полтавской и Харьковской губ., разрешенных Харьковской и Киевской суд. палатами (т. V, л. д. 364—365 — и т. I, л. д. 199—200).
20. Выписка из заключения о дальнейшем направлении произведенного отдельного корпуса жандармов ротмистром Беклемишевым формального дознания о преступной пропаганде среди крестьян Полтавской и Харьковской губ. (т. V, л. д. 230—234).
21. Письмо директора д-та полиции от 23 сентября 1903 г. № 42359 прокурору Харьковской суд. палаты о результатах всеподданнейшего доклада мин-ра юстиции по ходатайствам суд. палат об облегчении участи осужденных (т. V, л. д. 384).

Материалы по истории крестьянских движений 1902 года в Харьковской и Полтавской губерниях.

№ 1—а.

Разборъ шифрованной телеграммы, полученной на имя Его Превосходительства Господина Управляющаго Министерствомъ Юстиціи изъ Харькова 3 апрѣля 1902 года.

За нѣсколько дней до 28 марта, крестьяне нѣсколькихъ селеній Константиноградскаго уѣзда являлись въ экономіи просить хлѣба, часть требованій удовлетворялась; теперь крестьяне селенія Максимовки заявили Товарищу Прокурора Вигуръ, ранѣе обращались за помощью властямъ, не получили. Двадцать восьмаго Максимовскіе насильно забрали нѣсколько тысячъ пудовъ картофеля изъ Карловской экономіи Герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, послѣ чего движеніе охватило другія селенія. Въ настоящее время Полтавскомъ, Константиноградскомъ уѣздахъ ограблено около 50 экономій, были случаи поджоговъ, серьезныхъ насилій надъ лицами не было. Вчера Ковалевкѣ, Полтавскаго уѣзда, войска вынуждены были стрѣлять, убито два, ранено пять крестьянъ. Полтавскій Губернаторъ [1]), еще 28 марта, имѣлъ свѣдѣнія о готовящихся безпорядкахъ, двадцать девятаго получилъ телеграмму министра донести, принялъ мѣры только тридцатаго. Теперь, имѣя пять батальоновъ, оставилъ безъ войскъ Константиноградскій уѣздъ, гдѣ безпорядки были послѣ ихъ ухода. Свѣдѣній из Валковскаго уѣзда мало. Харьковскій губернаторъ [2]) телеграфируетъ: засталъ вчера утромъ безпорядки въ имѣніи генерала Перлика, арестовалъ. Получена вечеромъ телеграмма помощника исправника: въ десяти верстахъ отъ города грабежи, поджоги. Въ городѣ начинается паника, но къ утру сегодня безпорядки Валковскомъ уѣздѣ, повидимому, локализированы Оболенскимъ, которому, по требованію вчера вечеромъ и ночью высланы еще батальонъ и сотня казаковъ. Въ предвидѣніи надобности, Полтаву вызваны изъ Харькова 200 казаковъ. Въ Харьковѣ спокойно, гарнизона остается достаточно. Къ слѣдствію въ обѣихъ губерніяхъ

приступлено своевременно, работаютъ безъ полиціи, потому мало успѣшно. Мною указано дѣлать что можно, установить общую картину движенія, дабы къ окончанію безпорядковъ быть свободными перейти къ привлеченію виновныхъ. Въ настоящее время несомнѣнно установлено, что безпорядки создались на почвѣ революціонной пропаганды, своевременно не остановленной. И. д. Прокурора Палаты Лопухин [3]).

(т. I, л. 7—8).

№ 1—б.

Разборъ шифрованной телеграммы, полученной на имя Его Превосходительства Господина Управляющаго Министерствомъ Юстиціи изъ Харькова 2 апрѣля 1902 года.

Харьковскій Губернаторъ словесно сообщилъ, что нѣкоторые изъ Московскихъ студентовъ, приговоренныхъ по Высочайшему повелѣнію въ тюрьму, вмѣсто Архангельска имѣютъ прибыть Харьковъ, Полтаву. Въ виду крупныхъ крестьянскихъ безпорядковъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, повидимому революціоннаго характера, можно ожидать, что мѣстные кружки будутъ пользоваться каждымъ поводомъ для организаціи безпорядковъ. Доношу, ходатайствуя пріостановить отправку студентовъ, по возможности, во весь округъ Палаты. Среди молодежи Харькова по этому поводу идутъ обсужденія демонстрацій. И. д. Прокурора Лопухин.

(т. I, л. 5).

№ 1—в.

Разборъ шифрованной телеграммы, полученной на имя Его Превосходительства Господина Управляющаго Министерствомъ Юстиціи изъ Харькова 4 апрѣля 1902 года.

Вслѣдствіе телеграммы доношу Вашему Превосходительству, что утвержденіе (?) основано на появленіи въ февралѣ и мартѣ въ деревняхъ Полтавскаго и Константиноградскаго уѣздовъ значительнаго количества революціонныхъ воззваній; одно (?) возбуждало противъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, опредѣленно указывая ихъ: Харитоненко, Дурново и другихъ. Была возможность произвести разслѣдованіе своевременно, если бы обратили вниманіе на характеръ воззваній, направленіе ихъ въ сравнительно небольшой районъ, количество обнаруженныхъ случаевъ. Крестьяне, нападая на усадьбы, заявляли «пора панамъ перестать пановать, у насъ такіе листки есть, что все должно быть наше». Вернувшійся сегодня Харьковскій губернаторъ сообщилъ, у одного арестованнаго на мѣстѣ преступленія крестьянина найдено воззваніе, другой успѣлъ сжечь, и что въ Валковскомъ уѣздѣ, въ нѣсколькихъ случаяхъ,

въ деревняхъ появились подозрительныя лица, повидимому, переодѣтыя, указывали крестьянамъ, въ какую усадьбу когда собираться для грабежа. Сегодня въ Валковскомъ были двѣ попытки грабежа, своевременно остановленныя; вчера казакъ, отстрѣливаясь отъ напавшей на него толпы, убилъ одного, ранилъ двоихъ. Губернаторъ выѣдетъ завтра въ Валки съ полкомъ пѣхоты, расквартируетъ въ уѣздѣ. Слѣдствіе ведется безостановочно, далъ указанія, если обнаружатъ агитаторовъ, передавать жандармскому управленію. И. д. Прокурора Палаты Лопухинъ.

№ 2.

Письмо А. А. Лопухина С. С. Манухину.

Милостивый Государь,
Сергѣй Сергѣевичъ [4]).

Ваше Превосходительство безъ сомнѣнія изволили обратить вниманіе на телеграмму и донесенія Прокурора Полтавскаго Суда о крестьянскихъ безпорядкахъ въ Полтавскомъ и Константиноградскомъ уѣздахъ, а затѣмъ и на телеграмму мою о распространеніи этихъ безпорядковъ на Валковскій уѣздъ Харьковской губерніи. Вполнѣ понятная въ настоящую минуту бѣдность свѣдѣній по этому поводу ставитъ меня въ невозможность представить Вашему Превосходительству такія данныя, которыя могли бы служить необходимымъ освѣщеніемъ событій, ихъ возникновенія. Но у меня по этому вопросу есть предположенія. Если они оправдаются, то не могутъ не получить значенія первостепенной важности, доносить о нихъ оффиціально я не рѣшаюсь, ибо они могутъ оказаться плодомъ моей личной мнительности, но и умолчать о нихъ не смѣю и потому позволяю себѣ довести объ нихъ до свѣдѣнія Вашего Превосходительства частнымъ письмомъ. Дѣло в томъ, что, вступивъ въ должность, я получилъ отъ полицейскихъ чиновниковъ нѣсколькихъ уѣздовъ Полтавской губерніи донесенія о появленіи въ различныхъ ея мѣстностяхъ революціонныхъ воззваній. Распространеніе ихъ въ деревняхъ — явленіе совершенно новое и потому я обратился къ его ближайшей исторіи и увидѣлъ, что за февраль и мартъ въ шести уѣздахъ Полтавской губерніи полиціей обнаружено распространеніе воззваній въ шестнадцати мѣстахъ. Такая интенсивность революціонной дѣятельности полтавскихъ кружковъ и содержаніе воззваній, которыя были разсчитаны на воздѣйствіе на крестьянское населеніе, заставили меня дать Полтавскому Прокурору Томашевскому, явившемуся ко мнѣ по дѣламъ, указанія о томъ, чтобы каждый случай распространенія прокламацій былъ подвергнутъ тщательному изслѣдованію формальнымъ дознаніемъ самостоятельнымъ, если воззваніе выпущено группой неизвѣстной агентурному наблюденію,

или дознаніями, присоединенными къ производящимся уже при Полтавскомъ жандармскомъ управленіи «о Полтавскомъ комитетѣ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи» и «о кружкѣ украинофиловъ» (группа чисто революціонная съ націоналистической окраской) въ зависимости отъ того, кѣмъ изъ этихъ организацій прокламаціи изданы. Изъ представляемой при семъ таблицы распространенія воззваній, [5]) Ваше Превосходительство благоволите усмотрѣть, что изъ упомянутыхъ выше 16 случаевъ распространенія воззваній в пяти прокламаціи были найдены въ Константиноградскомъ уѣздѣ, а въ одномъ онѣ обнаружены разбросанными на границѣ этого уѣзда и Полтавскаго (по дорогѣ между станціями Кочубеевка и Лисичья). Фактъ этотъ я не могу не сопоставить съ тѣмъ, что произведенныя 28-го и 29-го марта крестьянами нападенія на помѣщичьи экономіи имѣли мѣсто какъ разъ на границахъ Константиноградскаго и Полтавскаго уѣздовъ и имѣютъ характеръ не случайно вспыхнувшихъ, а организованныхъ. Последнее, мнѣ кажется, явствуетъ изъ того, что насилія со стороны крестьянъ не остановились на первой разграбленной усадьбѣ, а пошли дальше, охватили значительный районъ, перешли въ Харьковскую губернію и, судя по послѣднимъ (впрочемъ, частнымъ) свѣдѣніямъ, грозятъ дальнѣйшими распространеніями. Такимъ образомъ, мое предположеніе заключается въ томъ, что крестьянскіе бунты, наблюдаемые здѣсь въ настоящее время, являются результатомъ революціонной пропаганды и должны быть разсматриваемы, какъ первое проявленіе соціально-революціоннаго движенія въ крестьянской средѣ въ Россіи. Если я не ошибаюсь въ моихъ сопоставленіяхъ, то данныя событія по своимъ послѣдствіямъ имѣютъ несравненно большее значеніе, чѣмъ Черниговскіе безпорядки восьмидесятыхъ годовъ *), ибо, во-первыхъ, они свидѣтельствуютъ объ огромномъ успѣхѣ современной революціонной пропаганды и, во-вторыхъ, творятся въ народѣ, относящемся съ большимъ, чѣмъ прежде, сознаніемъ къ вопросамъ общественной жизни.

По полученіи первой телеграммы отъ Полтавскаго Прокурора о безпорякахъ, я было рѣшилъ ѣхать на мѣсто, но дальнѣйшія свѣдѣнія показали, что пока мнѣ надо остаться въ Харьковѣ, для сосредоточенія у себя всѣхъ свѣдѣній по двумъ губерніямъ, охваченнымъ безпорядками. Повидимому Полтавскія власти упустили моментъ, благопріятный для пресѣченія дальнѣйшаго распространенія движенія. Успѣхъ теперь зависитъ отъ Харьковскаго губернатора. Кн. Оболенскій, уѣзжая сегодня ночью на мѣсто, высказывалъ предположенія о томъ, что для прекращенія безпорядковъ ему придется прибѣгнуть къ тѣлесному наказанію главныхъ виновныхъ, если таковые будутъ обнаружены на мѣстѣ преступленія, но при этомъ заявилъ, что къ сѣченію, какъ къ карѣ по окончанію безпорядковъ, ни подъ какимъ видомъ прибѣгать не будетъ.

---

*) Рѣчь, очевидно, идет о Чигиринском движении 70-х годов. *Ред.*

Прокурору Харьковскаго Суда Деларову, отправившемуся вмѣстѣ съ Губернаторомъ, я далъ инструкцію немедленно возбудить слѣдствіе и въ отношеніи обвиняемыхъ иной мѣры, кромѣ заключенія подъ стражей, не принимать. Какъ организуетъ онъ веденіе дознанія и слѣдствія — еще не знаю, но мною указано ему донести мнѣ немедленно, если понадобятся новыя силы, съ тѣмъ, чтобы я командировалъ ему отсюда кандидатовъ на судебныя должности и Товарищей Прокурора. Въ Полтавскомъ же округѣ слѣдственная работа организована правильно, ибо тамъ дѣло ведется двумя слѣдователями съ однимъ кандидатомъ и параллельно производятся дознанія подъ наблюденіемъ двухъ Товарищей Прокурора.

Въ г. Харьковѣ въ учебныхъ заведеніяхъ въ данную минуту все спокойно, но можно опасаться, что революціонные кружки воспользуются настоящимъ моментомъ для того, чтобы организовать безпорядки по каждому поводу. Съ этой точки зрѣнія представляется опаснымъ появленіе въ Харьковской, Полтавской и Екатеринославской губерніяхъ, а можетъ быть и сосѣднихъ, какъ Курская и Воронежская, гдѣ аграрныя отношенія весьма обострены, студентовъ, разсылаемыхъ изъ Москвы для отбытія наказанія, по Высочайшему повелѣнію. Въ студенческихъ кружкахъ уже ходятъ толки о необходимости устроить арестантамъ этой категоріи сочувственныя манифестаціи при ихъ проѣздахъ черезъ Харьковъ. Г. Харьковъ остался безъ администраціи: Губернаторъ уѣхалъ на мѣсто безпорядковъ, вице-губернаторъ въ отпуску, полиціймейстеръ боленъ, губерніей управляетъ Управляющій Казенной Палатой. Кн. Оболенскій вчера вечеромъ, передъ отъѣздомъ, пригласилъ начальника жандармскаго управленія и меня, просилъ насъ вмѣстѣ съ временно-управляющимъ губерніей разрѣшать всѣ крупные вопросы, если они возникнутъ, а сегодня мы обратились въ сущности во временный комитетъ по управленію губерніей, такъ какъ управляющій губерніей обратился ко мнѣ за совѣтомъ по вопросамъ, не вызывающимъ надобности въ совмѣстномъ обсужденіи, на что я иду съ охотой.

О дальнѣйшемъ ходѣ безпорядковъ и другихъ крупныхъ событіяхъ почту долгомъ безъ замедленія доносить Вашему Превосходительству.

Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство принять увѣренія въ глубокомъ почтеніи и искренней преданности покорнаго слуги Вашего

А. Лопухинъ.

(т. I, л. 20—26).

Харьковъ.
1 апрѣля 1902 г.

Таблица распространенія преступныхъ воззваній въ предѣлахъ Полтавской губерніи.

Уѣзды.	Названія селеній.	Время появленія воззваній.
Кременчугскій	г. Кременчугъ . . .	18 февраля
	„	въ ночь на 19 февр. и 19 февр. утромъ
	„	21 февраля
	„	22 февраля
	„	24 марта
Лубенскій	Нѣкоторыя селенія Лубенскаго уѣзда . . .	21 февраля
Константиноградскій.	По дорогѣ отъ ст. Кочубеевки до ст. Лисичьей на границѣ Полтавск. уѣзда . .	Между 8 и 11 февр.
	с. Карловка	19 февраля
	с. Варваровка	20 февраля
	с. Старицковка . . .	22 марта
Прилукскій	Ольшанская волость I-го стана	19 февраля
	с. Великая Дѣвица . .	около 15 марта
Кобелякскій	с. Новые Сенжары . .	14 февраля
	Въ 3 станѣ	20 февраля
	Во 2 станѣ	10 марта
Золотоношскій	Дер. Макѣевка Кропивнянской вол. . .	2 марта

I, л. 27).

№ 3.

Рапортъ Прокурора Харьковской Судебной Палаты отъ 11 апрѣля 1902 г., № 886, Министру Юстиціи.

На копіи сего рапорта рукою Господина Министра Юстиціи написано: «Государь Императоръ изволилъ разсматривать 17 апрѣля 1902 г. въ Царскомъ Селѣ».

Вѣрно: Управл. Отд. (подпись).

Секретно.

Его Высокопревосходительству
Господину Министру Юстиціи
Прокурора Харьковской Судебной Палаты

Рапортъ.

Въ цѣломъ рядѣ телеграммъ, отправленныхъ съ 30 марта по 7 число текущаго мѣсяца, я имѣлъ честь донести Вашему Высокопревосходительству о ходѣ производившихся въ то время крестьянами Полтавской и Харьковской губерній нападеній на помѣщичьи усадьбы. Донесенія эти заключали въ себѣ лишь свѣдѣнія о наиболѣе крупныхъ событіяхъ выше упомянутыхъ дней. Въ настоящее же время, когда, съ водвореніемъ порядка, появилась возможность приступить къ покойному изслѣдованію и таковое уже добыло данныя, рисующія общую картину возникновенія и развитія движенія, а также причины, его вызвавшія, считаю долгомъ представить Вашему Высокопревосходительству имѣющійся у меня по сему поводу матеріалъ, причемъ имѣю честь доложить, что матеріалъ этотъ частью выясненъ путемъ предварительнаго слѣдствія, отчасти собранъ лицами прокурорскаго надзора и чинами отдѣльнаго корпуса жандармовъ.

Съ начала второй половины минувшаго марта мѣсяца, въ примыкающемъ къ Полтавскому уѣзду раіонѣ уѣзда Константиноградскаго, мѣстные крестьяне стали являться группами въ помѣщичьи экономіи и, ссылаясь на недостатокъ продовольствія, просить хлѣба себѣ и корма для скота. За отсутствіемъ в прошломъ году въ данной мѣстности неурожая такого, который ставилъ бы народонаселеніе въ бѣдственное положеніе и вынуждалъ его къ массовому обращенію къ благотворительности, означенныя просьбы крестьянъ не имѣли серьезныхъ основаній, но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ удовлетворялись въ незначительныхъ размѣрахъ. Вскорѣ отъ просьбъ крестьяне перешли къ требованіямъ, и хотя послѣднія еще не сопровождались прямыми угрозами насиліемъ, но рядомъ съ требованіями уже раздавались воз-

гласы: «все равно скоро все наше будетъ», а непосредственно затѣмъ, приходя въ усадьбы все большими и большими группами, крестьяне заявляли, что въ случае отказа въ хлѣбѣ, возьмутъ его силой. Всѣ эти явленія группировались около крупныхъ земледѣльческихъ экономій, расположенныхъ въ кругѣ съ радіусомъ въ нѣсколько десятковъ верстъ и съ центромъ около станціи Кочубеевки Харьково-Николаевской желѣзной дороги, причемъ интенсивность ихъ замѣтно развивалась съ приближеніемъ къ центру. Грозное значеніе упомянутыхъ явленій уже къ двадцатымъ числамъ марта представлялось для мѣстныхъ обывателей настолько яснымъ, что 23 марта Константиноградскій уѣздный предводитель дворянства, въ присутствіи Полтавскаго губернскаго предводителя, предупредилъ Полтавскаго губернатора Бельгарда о томъ, что въ мѣстности, которую при этомъ указывалъ дѣйствительному статскому совѣтнику Бельгарду на картѣ, должны произойти крупные крестьянскіе безпорядки и грабежи помѣщичьихъ усадебъ. 28 марта толпа крестьянъ деревни Максимовки и отчасти жителей сосѣднихъ деревень пріѣхала на подводахъ въ одинъ изъ хуторовъ имѣнія герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго «Карловка», подъ угрозой насилія получила отъ управляющаго ключи амбаровъ и вывезла изъ нихъ нѣсколько тысячъ пудовъ картофеля, не тронувъ остальнаго имущества экономіи. Съ этого момента движеніе вспыхнуло и разрослось. Крестьяне той же деревни Максимовки и другихъ стали цѣлыми обозами, иногда до 300—400 подводъ, нападать на усадьбы помѣщиковъ и богатыхъ казаковъ, отнимать у хозяевъ и управляющихъ ключи отъ кладовыхъ и опустошать ихъ, увозя хлѣбъ, кормъ для скота, сельскохозяйственный инвентарь, иногда угоняя скот. Нѣкоторыя усадьбы подверглись полному разоренію,—въ нихъ не только изъ амбаровъ, но даже изъ помѣщичьихъ домовъ увозилось все, до дверныхъ ручекъ и печныхъ вьюшекъ включительно, расхищалась сбруя, экипажи, посуда, книги. Двѣ усадьбы были подожжены и сгорѣли.

Въ ночь на 30 марта Полтавскій губернаторъ получилъ отъ Константиноградскаго уѣзднаго исправника телеграмму о необходимости присылки войскъ на мѣсто мятежа и отправился туда съ пятью баталіонами пѣхоты. Появленіе властей и войска не удержало возстанія. Въ обоихъ уѣздахъ Полтавской губерніи грабежи продолжались, и 31-го въ Константиноградскомъ уѣздѣ была въ числѣ другихъ разграблена крупная экономія землевладѣльца Волика, откуда увезено около 20,000 пудовъ хлѣба. Въ тотъ же день безпорядки перешли въ Валковскій уѣздъ Харьковской губерніи. 2 апрѣля безчинства крестьянъ въ Константиноградскомъ уѣздѣ стали стихать, но распространились на западъ къ г. Полтавѣ, гдѣ 2-го и 3-го апрѣля толпы грабили усадьбы подъ самымъ городомъ. 3 апрѣля произошла новая вспышка бунта въ Константиноградскомъ уѣздѣ. Вечеромъ этого числа крестьяне напали на Кирилловское управительство Карловской экономіи

герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, но были отбиты экономическими рабочими, а въ слѣдующую ночь ограбили три другія управительства той же экономіи. Затѣмъ новыхъ случаевъ грабежей въ Полтавской губерніи не появлялось.

Число ограбленныхъ усадебъ до сего времени точно не выяснено, но уже о 54 нападеніяхъ производится предварительное слѣдствіе.

По полученіи донесеній Прокурора Полтавскаго Окружнаго Суда о вышеописанныхъ событіяхъ, я не могъ не обратить вниманіе на несвоевременность мѣръ, предпринятыхъ Полтавскимъ губернаторомъ къ прекращенію безпорядковъ, и потребовалъ отъ Прокурора Полтавскаго Суда доставленія мнѣ свѣдѣній по сему поводу. Надворный Совѣтникъ Томашевскій донесъ мнѣ, что, какъ упомянуто выше, еще 23 марта Полтавскій Губернаторъ былъ вполнѣ авторитетнымъ лицомъ предупрежденъ о неминуемости нападенія крестьянъ на усадьбы помѣщиковъ, что самъ Томашевскій о насиліяхъ, чинимыхъ крестьянами въ двухъ уѣздахъ, узналъ отъ губернатора Бельгарда, который для сообщенія объ нихъ пригласилъ его къ себѣ въ ночь на 30 марта и при этомъ показалъ Надворному Совѣтнику Томашевскому полученныя имъ, губернаторомъ, 28 марта отъ помѣщиковъ и уѣздныхъ властей телеграммы о грабежахъ. Допустивъ бездѣйствіе власти въ отношеніи предупрежденія безпорядковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бельгардъ проявилъ также недостатокъ распорядительности и по прибытіи на мѣсто. Не озаботясь вызовомъ кавалеріи, онъ отправился въ охваченный волненіемъ районъ съ пятью баталіонами пѣхоты и съ этимъ большимъ, малоподвижнымъ отрядомъ передвигался отъ одной подвергавшейся грабежу усадьбы къ другой, не оставляя въ пройденныхъ поселеніяхъ необходимыхъ для предупрежденія новыхъ вспышекъ возстанія карауловъ, и, вслѣдствіе этого, нѣсколько случаевъ нападенія на экономіи произошли въ тылу у него, въ покинутыхъ мѣстностяхъ. Въ виду чего необходимо признать, что въ Полтавской губерніи насилія и грабежи не были подавлены властью, а прекращены самими грабителями.

31 марта волненія изъ Полтавской губерніи перенеслись въ Харьковскую и начались съ усадьбы помѣщика Глушкова Валковскаго уѣзда. Донесенія о нихъ были получены Харьковскимъ губернаторомъ, княземъ Оболенскимъ, около 10 часовъ вечера 31 числа. Вслѣдъ за симъ на мѣсто безпорядковъ отправились баталіонъ пѣхоты, сотня казаковъ и выѣхалъ губернаторъ. Утромъ 1 апрѣля онъ засталъ грабителей въ имѣніи генерала Перлика, отбилъ у нихъ награбленное имущество, наказалъ виновныхъ и арестовалъ около 50 человѣкъ. Захвативъ затѣмъ крестьянъ на грабежахъ въ двухъ сосѣднихъ усадьбахъ Полтавской губерніи, князь Оболенскій узналъ о разграбленіи большого свеклосахарнаго завода купца Молдавскаго въ селѣ Ново-Ивановскомъ Валковскаго уѣзда, но успѣлъ прійти съ отрядомъ лишь къ оконча-

нію нападенія. Съ завода этого было расхищено до 30,000 пудовъ сахару и всевозможная утварь, разобраны по частямъ и увезены машины и уведено 150 головъ скота. Толпа дошла до такого неистовства, что во время опустошенія складовъ сахара подъ нимъ были засыпаны и задавлены на смерть два грабителя. Разграбивъ заводъ и его экономію, толпа кинулась на заводскую больницу, похитила всѣ медикаменты изъ аптеки, вырывала и уносила тюфяки изъ-подъ больныхъ, среди которыхъ были тифозные. На эту сцену прибылъ губернаторъ съ своимъ отрядомъ, задержалъ значительное количество мятежниковъ и произвелъ экзекуцію. 1 и 2 апрѣля нападенія продолжались въ разныхъ населенныхъ мѣстахъ Валковскаго уѣзда, нѣкоторыя были застигнуты губернаторомъ, другія ему удалось предупредить своевременнымъ появленіемъ въ экономіяхъ, обреченныхъ крестьянами на расхищеніе. 1 числа толпа разграбила усадьбу помѣщицы Гаевской, оставивъ изъ числа движимости не тронутымъ одно старое кресло, и сожгла строенія; только домъ Гаевской уцѣлѣлъ отъ пожара. Въ тотъ же день подверглась нападенію богатая усадьба Кантакузовка землевладѣльцевъ Яхонтовыхъ. Въ ней разграблены амбары, уведенъ скотъ, расхищена вся дорогая движимость дома, брилліанты и цѣнная библіотека, по подсчету владѣльцевъ всего на сумму до 200,000 рублей. Въ имѣніи Духовскаго Осиково крестьяне, расхитивъ всю движимость, разобрали по бревнамъ домъ и всѣ части его увезли съ собой. Съ вечера 1 апрѣля отъ города Валокъ началось встрѣчное движеніе грабежей. Въ городѣ появилась паника, жители стали сдавать цѣнности въ казначейство и полицейское управленіе. 2-го на улицахъ города показались группы крестьянъ, пришедшихъ для разбоя, но прибытіе губернатора и войскъ спасло городъ. Поздно вечеромъ 2 числа, введя въ Валки утомленный отрядъ и приступивъ къ его расквартированію, князь Оболенскій узналъ, что в двухъ верстахъ народъ грабитъ усадьбу богатаго казака Корсуна. Посланный немедленно взводъ казаковъ разогналъ бунтовщиковъ, но дерзость ихъ дошла до того, что, пользуясь возвращеніемъ казаковъ въ Валки, они черезъ часъ разграбили и сожгли экономію, изъ которой только что были выгнаны.

Въ Валковскомъ уѣздѣ землевладѣльческихъ усадебъ и экономій разграблено 20, приблизительно въ такомъ же количествѣ случаевъ разбои были предупреждены принятыми губернаторомъ мѣрами.

31 марта въ прилегающей къ Валковскому уѣзду мѣстности Богодуховскаго уѣзда были разграблены двѣ экономіи помѣщиковъ при селѣ Рядковой и хуторѣ Благодатномъ, хуторъ же Мирный подвергся нападенію, но былъ во время спасенъ.

По сообщеннымъ мнѣ губернаторомъ княземъ Оболенскимъ свѣдѣніямъ, подтверждающимся и точными данными, процессъ нападенія творился во всѣхъ случаяхъ болѣе или менѣее однообразно. Въ деревню приходили два—три крестьянина другихъ

селъ, иногда какія-то никому неизвѣстныя подозрительныя лица, сообщали жителямъ о томъ, чтобы они на слѣдующее утро къ опредѣленному часу пріѣзжали въ усадьбу помѣщика или богатаго казака на грабежъ, вѣсть объ этомъ разносилась по деревнѣ и сосѣднимъ хуторамъ и мужчины всѣхъ возрастовъ, женщины, дѣти въ назначенное время пріѣзжали на подводахъ въ указанное мѣсто, предъявляли требованіе о добровольной выдачѣ имущества, говоря, что у нихъ есть на то грамоты и листки, а затѣмъ приступали къ грабежу.

Въ настоящее время, вслѣдствіе оповѣщенія народонаселенія, по распоряженію губернатора о послѣдующемъ снисходительномъ отношеніи суда къ тѣмъ, кто добровольно возвратитъ награбленное, крестьяне Валковскаго уѣзда толпами приносятъ въ волостныя правленія и владѣльцамъ похищенное имущество, просятъ помилованія и составляютъ о томъ общественные приговоры.

Вышеописанное крестьянское возстаніе в Полтавской и Харьковской губерніяхъ по однимъ внѣшнимъ своимъ признакамъ носило характерный отпечатокъ явленія, не сложившагося естественнымъ путемъ нарожденія на почвѣ экономической, а привитаго извнѣ, созданнаго посредствомъ преувеличенія кѣмъ-либо въ глазахъ народа значенія имущественнаго неравенства между нимъ и крупными землевладѣльцами. Въ дальнѣйшихъ моихъ наблюденіяхъ предположеніе о революціонной пропагандѣ нашло себѣ подтвержденіе, а въ настоящее время по сему поводу, въ распоряженіи моемъ имѣются опредѣленныя указанія.

По прекращеніи возстанія, принося повинныя, крестьяне Валковскаго уѣзда стали заявлять о ходившихъ между ними толкахъ, будто Царь прислалъ простому народу сказать, что обиженные помѣщиками крестьяне имѣютъ право силой отбирать у нихъ имущество; появились указанія на циркулировавшія среди крестьянъ передъ возникновеніемъ разбоевъ воззванія. И дѣйствительно, 3 апрѣля въ селѣ Ковягахъ Валковскаго уѣзда, жандармскимъ унтеръ-офицеромъ сосѣдней желѣзнодорожной станціи былъ задержанъ человѣкъ, который наканунѣ разсказывалъ мѣстнымъ жителямъ, что присланъ изъ Петербурга объявить имъ объ ихъ правѣ на ограбленіе землевладѣльческихъ усадебъ (человѣкъ этотъ, предъявившій паспортъ на имя крестьянина Вятской губерніи, Яранскаго уѣзда, деревни Лужковки, Василія Николаева Лощилова, 28 лѣтъ, содержится нынѣ въ Харьковской тюрьмѣ въ порядкѣ положенія объ охранѣ), а затѣмъ въ деревнѣ Синолицовкѣ Богодуховскаго уѣзда задержано лицо, повидимому, не интеллигентное (званіе и имя его еще не установлено), имѣвшее при себѣ революціонныя прокламаціи, обращенныя къ сельскому населенію, одно воззваніе, призывавшее къ грабежамъ, отобрано у случайно нашедшаго его крестьянина (въ копіи при семъ представляется). Нѣкоторые изъ допрошенныхъ нынѣ судебнымъ слѣдователемъ Богодуховскаго уѣзда въ качествѣ обвиняемыхъ въ ограбленіи усадебъ заявили, что шли на грабежи по примѣру

крестьянъ Полтавской губерніи и что въ Полтавскомъ и Константиноградскомъ уѣздахъ студенты уже давно раздавали народу книжки и листки, подбивавшіе на возстаніе, а когда таковое началось, становились во главѣ отдѣльныхъ отрядовъ крестьянъ и вели ихъ на усадьбы землевладѣльцевъ. Наконецъ, командированные въ Валковскій уѣздъ два офицера отдѣльнаго корпуса жандармовъ собрали свѣдѣнія о томъ, что въ Константиноградскомъ уѣздѣ революціонная пропаганда сосредоточилась около села Лисичьяго, расположеннаго близъ станціи Харьковско-Николаевской желѣзной дороги Кочубеевки, отъ которой, какъ сказано выше, какъ отъ центра разошелся крестьянскій бунтъ.

Въ селѣ Лисичьемъ, въ декабрѣ минувшаго года, поселились два брата Анатолій и Александръ Александровы Алексѣенко, исключенные изъ Харьковскаго университета, воспитанниками коего они были, за участіе въ происходившихъ 3 декабря въ г. Харьковѣ безпорядкахъ. Съ ихъ переѣздомъ въ Лисичье совпало появленіе въ сосѣднихъ селеніяхъ огромнаго количества преступныхъ брошюръ и воззваній. Такъ, по имѣвшимся въ канцеляріи моей ранѣе и нынѣ поступившимъ свѣдѣніямъ, въ районѣ, окружающемъ с. Лисичье, обнаружено распространеніе воззваній въ февралѣ и мартѣ въ девяти селеніяхъ. Обо всѣхъ этихъ случаяхъ чины Константиноградской полиціи доводили своевременно до свѣдѣнія Начальника Полтавскаго Губернскаго Жандармскаго управленія. 8-го февраля отношеніемъ за № 890 Начальникъ Харьковскаго Губернскаго Жандармскаго управленія, полковникъ Мавринъ, на основаніи агентурныхъ свѣдѣній, увѣдомилъ начальника Полтавскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія, генералъ-маіора Гангарда, что братья Алексѣенко въ окружающихъ с. Лисичье деревняхъ ведутъ революціонную пропаганду, возбуждаютъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и въ большомъ количествѣ распространяютъ преступныя изданія. 13 февраля за № 41 Константиноградскій уѣздный исправникъ представилъ генералу Гангарду свѣдѣнія объ агитаторской дѣятельности Анатолія Алексѣенко въ с. Лисичьемъ. Наконецъ, 30 марта Анатолій Алексѣенко былъ арестованъ Начальникомъ Полтавскаго Жандармскаго управленія въ порядкѣ положенія объ усиленной охранѣ. Свѣдѣнія о томъ, предполагается ли о преступной дѣятельности Анатолія Алексѣенко возбудить формальное дознаніе, у меня не имѣется, но затребованы мною.

Немедленно по полученіи Полтавскимъ и Харьковскимъ прокурорами судовъ извѣстій о воззстаніяхъ крестьянъ въ означенныхъ округахъ, оба прокурора, отправясь на мѣсто происшествій, возбудили о нихъ предварительныя слѣдствія по 269[1] ст. улож. наказ. Слѣдствіями этими установлена въ настоящее время общая картина движенія, по округу Харьковскаго Суда обвиняемыхъ уже привлечено въ Валковскомъ уѣздѣ 64 и въ Богодуховскомъ уѣздѣ 41, а по Полтавскому округу имѣетъ быть приступлено въ ближайшемъ будущемъ къ привлеченію виновныхъ. По Валков-

скому и Богодуховскому уѣздамъ мною указано ограничиваться пока привлеченіемъ лишь тѣхъ крестьянъ, которые будутъ изобличены въ подстрекательствѣ къ нападеніямъ на усадьбы и руководительствѣ грабежами, тѣхъ, которые, добровольно не возвративъ похищеннаго, уличены въ участіи не въ одномъ, а нескольких разбояхъ, и, наконецъ, всѣхъ сельскихъ должностныхъ лицъ, участвовавшихъ въ нападеніяхъ на помѣщичьи усадьбы. Что же касается участниковъ въ единичныхъ случаяхъ грабежей, то вопросъ о порядкѣ ихъ привлеченія будетъ разрѣшенъ по окончаніи привлеченія лицъ перечисленныхъ выше категорій, въ зависимости отъ соображеній практическихъ, связанныхъ съ доказательной стороной дѣла и количествомъ виновныхъ. По округу Полтавскаго суда вопросъ этотъ представляется болѣе сложнымъ, ибо группировка виновныхъ, подобная той, которая допустима въ Харьковскомъ округѣ, тамъ неумѣстна, въ виду отсутствія среди крестьянъ лицъ, принесшихъ повинную въ грабежахъ и возвратившихъ награбленное. Означенный вопросъ въ отношеніи предварительныхъ слѣдствій, производящихся по Полтавской губерніи, будетъ разрѣшенъ мною по выясненіи слѣдствіями матеріала, могущаго служить основаніемъ для какой-либо классификаціи участниковъ грабежей, что, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, можетъ быть окончено въ теченіе предстоящей недѣли.

Къ изложенному долгомъ считаю присовокупить, что и въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ должностныя лица судебнаго вѣдомства, несущія трудъ изслѣдованія, дошли до такого напряженія силъ, которое грозитъ поставить ихъ въ невозможность продолжать работу болѣе или менѣе успѣшно, въ виду чего командированіе имъ въ помощь старшихъ кандидатовъ на судебныя должности, о чемъ я телеграммой отъ 3 сего апрѣля имѣлъ честь ходатайствовать передъ управляющимъ въ то-время Министерствомъ Юстиціи тайнымъ совѣтникомъ Манухинымъ, представляется настоятельно необходимымъ.

Исправляющій должность Прокурора Судебной Палаты
Лопухинъ.

(т. I, л. 46—51).

11-го апрѣля 1902 года
№ 886.

№ 4.

Прокламація, подписанная «Студентовъ».

Копія с копіи.

Православные крестьяне разрѣшается вамъ усемъ чтобы вы де хотити пахайте де хотити сейти де хотити пазьбу занимайте на экономическому и на крепостному и гдѣ даже ваши души пожелаютъ судовъ тоже нибуды. А почему потому что есть бедные

крестьяне по напрасно отвѣчаютъ даже больше понапрасно отвѣчаютъ а оно грѣшно. А теперь такъ будетъ за воровство либо за что другое такъ поймай и тогда такой ответъ буды у котораго онъ уворовалъ, то онъ буды ему целой годъ работать за великою вешь пять годъ а за малую одинъ годъ за душегубство целой месяца есть ны подозволяется. А земля уся у панов отберется и разделится каждому равни что бедному хохлу то и пану ввобще усем равно.

Студентовъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Секретарь при Прокурорѣ Харьковской Судебной Палаты
Дубровинъ.

(т. I, л. 52).

№ 5.

Прокламація на украинскомъ языкѣ.

41 рик назад 19 февраля люды вызволылысь з панскои неволи. Ничого казаты, що то за лыхо панщына, а видкиля вона взялась у нас на Украини? Право володиты крипаками давалы панам цари, котры самы малы тысячи крипакив и роздавалы вильных людей та землю своим помищныкам, панам, генералам. Може чулы, добры люди, як царыця Катерина пораздавала вильны степы запорожьски своим генералам. Крипаки не раз бунтувалысь проты панив, та цараськее вiиско завше усмыряло их, а попы лякалы пеклом и казалы, що так Бог призначив, щобо одын чоловик був паном, а другыи крипаком. Попы завше ховають правду вид людей и кажуть так, як велыть начальство. Цилы столиття була панщина, аж покы царь Олександр другiи з помищныками надумалы даты волю крипакам. Царь так казав панам: «Крипаки бунтують, и колы мы не дамо им воли, воны самы ii возьмуть, так подумаимо, яку даты волю». А паны и придумалы дуже хытро: даты волю та мало даты земли, щоб мужык личыв себе вольным, а все такы ишов до пана на роботу, бо мужык без земли, як рыба без воды. Ще за крипакив и грошы взялы паны з казны, котри мы доси выплачуем, що выкупными звуться. Та що це за воля? Час подуматы, чы справжню волю дав нам царь з панами, чы такой воли нам треба? Мы вильни тилько здыхать з голоду або тикаты в Сибир. Щоб маты кусок чорствого хлиба, мы примущени арендуваты за страшенну плату полему панив, блухаты по Таврiи та Кубани, або иты на сахороварни та заводы, де нас заставляють робыты через силу, а платять мало.

От вам, добри люди, нова панщына и крипацтво.

У кого земля и все добро? Одын панн Броницкии мае 100 тысяч десятин, а скильки таких як Харитоненко, Кочубеи, шо мають десяткii тысяч десятин. А хиба паны самы обробляють землю?

Оброблялы ii диды та батькы наши, а топерь мы, значiть земля не паньска, а наша. Деж на Украини е таке мисто, щоб селянин був не голодныи, щоб иого не личылы паны за быдло? Нема и не буде, пока мы мовчатымемо и потуратымемо нашим ворогам. Раниш мы булы крипаками тильки у панив, а теперь и у царски казны. З нас деруть за землю, мы в тры дорого платым за силь, сирныки, карасыну, казенну горилку, бо казна бере велыку частыну грошеи з тых товарив (акциз). То хиба це не крыпацтво? А куда казна дива наши гроши? Цареви виддае 15 милiонов рубли, щоб вин прогуляв та пропыв, на вiиско иде страшна сыла 420 милiонов. Страшно богато иде на жалованье та на запомогу офицерам, чиновныкам, земскькым, становым та генералам.

А нам що? Мы тилькы платым, а нас за це бьют ризками, продають за подати останню худобу, а колы у нас не хватыть силы терпиты, начальство заставыть наших же братив, та сынив, що у вiиску, стрелеть на нас. Наименше грошеи дае казна на наши школы, де нашых дитеи вчать чужою мовою, нашу ридну мову звуть мужицькою, не дають чытаты кныжок, писанных по нашему. Вся правда про наше лихе життя напысана в книжках та газетых, але тых кныжок начальство не пуска в село, щоб люды не взналы правды, хто хоче розказаты людим правду, того хапають, сажають в тюрьму, засылають в Сибир. По велыких городах, як Кыив, Харьков робитныкы почалы доходыты правды, воны зрозумiлы, що царь и паны нехотять даты справжньои воли и думають дистать ii самы. 19 февраля та 1 мая, кынувши усi роботы, воны выходять на вулици и голосно балакають, якои воли им треба и як ii добувать, а потим спивают писни про те саме, хочь начальство и хвата их, сажа по тюрмам, засыла в Сибир. За останi пять лит по тюрмах и в Сибиру перебуло 10 тысяч чоловикив та жинок, але робитныкы робляться все смиливиши та сыльниши. Чого ж мы мовчымо? Хиба и мы не люды и не можемо постояты за себе? Будем же мы 19 февраля, що року, збиратысь та голосно розмовляты, чого им треба, щоб мы булы вильными людьмы. Не треба нам ни земських ни другых панив начальникiв, а щоб в земстви и дальше, де выдаются законы, назначаються подати, булы наши выборни люды, щоб не одни паны орудовалы казною, щоб нас не былы ризками, щоб дитим нашым давалы освиту даром по всих школах и не на чужii, а на ридниi мови, а головне, *щоб вся земля була громадська.* Колы мы уси зрозумiем, хто нас ворог и як треба бороться за кращу долю, тоди не будуть нам страшни и паны и начальство и попы бо нас богато, мы *сыла*...

Почынаимо, браты, бороться, переможем воиско и добьемось правды и справжньои воли.

Вильна Громада У. С. Р.

(т. I, л. 78).

№ 6.

Письмо А. А. Лопухина Н. В. Муравьеву.

Милостивый Государь,

Николай Валерьяновичъ [5]).

Сего дня, въ 10 часовъ утра, въ Харьковъ прибылъ изъ Москвы Министръ Внутреннихъ Дѣлъ статсъ-секретарь Плеве [6]), причемъ Прокуроръ Харьковскаго Суда Деларовъ и я пріѣхали на вокзалъ къ встрѣчѣ Министра, а передъ самымъ приходомъ поѣзда Харьковскимъ Губернаторомъ была получена телеграмма о томъ, что Министръ въ часъ дня приметъ должностныхъ лицъ всѣхъ вѣдомствъ, кромѣ меня, котораго желаетъ видѣть у себя въ 11 часовъ утра. Въ назначенный часъ я былъ принятъ и удостоенъ бесѣды, которая продолжалась немного болѣе часа. О содержаніи ея считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, сообщивъ о своемъ знакомствѣ съ представленными мною Вашему Высокопревосходительству свѣдѣніями о разграбленіи крестьянами усадебъ помѣщиковъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, просилъ меня изложить весь ходъ событій, мое мнѣніе о причинахъ, ихъ вызвавшихъ, и сказалъ, что попроситъ моего «прокурорскаго заключенія» по вопросу о порядкѣ разсмотрѣнія дѣла. Я предварительно изложенія имѣющагося у меня матеріала счелъ долгомъ просить Министра не осудить меня за допущеніе въ разсказѣ ссылки на главные факты, которые, давая освѣщеніе событіямъ, не могутъ не служить основаніемъ для оцѣнки дѣятельности главы администраціи, ибо съ извѣстнаго момента дѣятельность эта имѣла рѣшающее значеніе въ отношеніи въ однихъ мѣстностяхъ прекращенія безчинства крестьянъ, а въ другихъ его распространенія. На это Министръ отвѣтилъ, что ждетъ съ моей стороны полной откровенности. Затѣмъ я изложилъ Министру почти дословно все то, что имѣлъ честь представлять Вашему Высокопревосходительству въ рапортѣ отъ 11-го апрѣля. Къ свѣдѣніямъ, въ немъ приведеннымъ, я добавилъ лишь то, что узналъ 12-го апрѣля изъ разсказовъ Предсѣдателя Валковской уѣздной земской управы Енишерлова и Непремѣннаго члена Харьковскаго Губернскаго Присутствія Деконора. Лица эти по приказанію Харьковскаго Губернатора кн. Оболенскаго вечером 12-го апрѣля были у меня для того, чтобы посвятить меня въ то, что ими было сдѣлано, по порученію Губернатора для окончательнаго умиротворенія жителей Валковскаго уѣзда. По этому поводу ничего новаго для меня они мнѣ не сообщили: въ Валковскомъ уѣздѣ въ настоящее время все спокойно, по настоянію крестьяне возвратили все награбленное, въ 35 селеніяхъ, участвовавшихъ въ безпорядкахъ, составили приговоры о своемъ раскаяніи, а въ небольшомъ количествѣ осталь-

ныхъ составляютъ такіе приговоры. Бесѣдой съ Енишерловымъ я воспользовался для того, чтобы узнать взглядъ его на происхожденіе крестьянскаго движенія, взглядъ, интересовавшій меня потому, что Енишерловъ, будучи рекомендованъ мнѣ за человѣка очень разумнаго, хорошо знакомъ не только съ Валковскимъ, но и съ Константиноградскимъ уѣздами. Енишерловъ сообщилъ мнѣ, что возбужденіе крестьянскаго движенія приписываетъ революціонной пропагандѣ, удачно упавшей на благопріятную почву крестьянскаго малоземелья и ряда недородовъ хлѣбовъ. Это объясненіе давалось событіямъ и мною, но Енишерловъ обратилъ мое вниманіе еще на то, что весь районъ, окружающій село Лисичье и составляющій территорію пропаганды и развитія крестьянскаго движенія, издавна охваченъ штундой, которая здѣсь, какъ и вообще на югѣ Россіи, носитъ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, политическій оттѣнокъ, проповѣдуя необходимость всеобщаго передѣла земли. Этому сообщенію г. Енишерлова я нашелъ подтвержденіе вчера, 14-го апрѣля, въ словахъ Вице-Директора Департамента Полиціи Пояркова, который, возвратясь изъ Полтавы, разсказалъ мнѣ объ обнаруженныхъ тамъ фактахъ, совпадающихъ съ сообщеннымъ мнѣ Енишерловымъ. Объ нихъ, не имѣвъ возможности донести Вашему Высокопревосходительству ранѣе, я и довелъ до свѣдѣнія статсъ-секретаря Плеве. Затѣмъ Министръ спросилъ мое мнѣніе о дѣятельности Харьковскаго и Полтавскаго губернаторовъ при прекращеніи безпорядковъ, и я высказалъ, что насколько дѣятельность перваго была разумна, цѣлесообразна и энергична, настолько второй проявилъ недостатокъ пониманія значенія происходившаго среди крестьянъ Полтавской губерніи броженія, затѣмъ возникшихъ безпорядковъ и допустилъ въ прекращеніи ихъ большую нераспорядительность. Сообщивъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ свѣдѣнія о настоящемъ положеніи предварительныхъ слѣдствій о крестьянскихъ безпорядкахъ по обѣимъ губерніямъ, я изложилъ упомянутую въ рапортѣ моемъ на имя Вашего Высокопревосходительства отъ 11-го программу привлеченія виновныхъ. Затѣмъ вопросъ перешелъ на политическое дознаніе по данному дѣлу. По этому вопросу я высказалъ, что, по моему мнѣнію, дознаніе должно быть ведено одно, общее для двухъ губерній, причемъ сосредоточить его слѣдовало бы въ Харьковѣ, какъ въ виду недостатковъ, достаточно проявленныхъ, личнаго состава Полтавскаго губернскаго жандармскаго управленія, такъ и вслѣдствіе необходимости производства дознанія подъ личнымъ моимъ наблюденіемъ. Министръ на это отвѣтилъ, что техническая сторона этого вопроса для него не ясна до ознакомленія со свѣдѣніями, которыя онъ разсчитываетъ получить въ Полтавѣ, и при этомъ сказалъ, что желалъ бы видѣть меня въ Полтавѣ и переговорить со мною о томъ же на мѣстѣ. Министръ ѣдетъ туда сегодня вечеромъ и пробудетъ тамъ до 12 часовъ дня 18-го апрѣля. Я счелъ долгомъ отвѣтить, что пріѣду въ Полтаву завтра къ вечеру, ознакомлюсь со слѣдственнымъ матеріаломъ и въ среду,

17-го числа, буду къ его услугамъ. Наконецъ, послѣдній заданный мнѣ по дѣлу о безпорядкахъ вопросъ касался порядка разсмотрѣнія этого дѣла. Я высказалъ, что не вижу основаній для внѣсудебнаго его разсмотрѣнія и сослался на примѣръ извѣстнаго Чигиринскаго дѣла 1878 года, которое осложнялось обвиненіемъ въ преступленіи государственномъ, тогда какъ мы ведемъ дѣло по 269[1] ст. Улож. о нак., отнеся матеріалъ политическаго характера къ дознанію жандармскому.

На этомъ бесѣда о крестьянскихъ безпорядкахъ закончилась. Во время нея былъ поднятъ одинъ вопросъ общаго свойства, а послѣ нея Министръ спросилъ меня объ одномъ изъ дѣлъ, возникшихъ въ Петербургѣ во время моей службы тамъ. О томъ и о другомъ прошу разрѣшенія Вашего Высокопревосходительства доложить при личномъ представленіи.

Затѣмъ я просилъ Министра не отказать въ командированіи въ распоряженіе мое для производства дознанія по дѣлу о безпорядкахъ нѣсколько человѣкъ опытныхъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ. Министръ удовлетворилъ мою просьбу и приказалъ тотчасъ же послать объ этомъ телеграмму Товарищу Министра кн. Святополкъ-Мирскому.

Докладывая обо всемъ вышеизложенномъ, считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства, что вниманіе ко мнѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ было весьма подчеркнуто имъ и выразилось, между прочимъ, въ томъ, что я былъ единственнымъ изъ должностныхъ лицъ г. Харькова, приглашеннымъ Министромъ завтракать съ нимъ.

Пользуюсь случаемъ, чтобы просить Ваше Высокопревосходительство не отказать принять увѣренія въ совершенномъ почтеніи и неизмѣнной преданности Вашего покорнаго слуги

А. Лопухинъ.

Харьковъ.
15 апрѣля 1902 г.

(т. I, л. 60—70).

№ 7.

Письмо Министра Юстиціи Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Милостивый Государь,

Вячеславъ Константиновичъ *).

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу моему объ устраненіи публичнаго разсмотрѣнія въ Харьковской и Кіевской судебныхъ палатахъ, съ участіемъ сословныхъ представителей, дѣлъ о 1092 лицахъ, преданныхъ суду 2, 7 и 9 августа теку-

*) В. К. Плеве, министр внутр. дел.

щаго года за участіе въ крестьянскихъ безпорядкахъ, произведенныхъ в мартѣ и апрѣлѣ 1902 года въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, въ 11 день сентября сего года Высочайше повелѣть соизволилъ примѣнить къ означеннымъ дѣламъ порядокъ, указанный въ §§ а и б п. 3 ст. 17 Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (Св. Зак. т. XIV уст. пред. прест., прилож. I къ ст. I (прим. 2), изд. 1890 года, съ тѣмъ, чтобы въ судебное засѣданіе были допущены, кромѣ лицъ, указанныхъ въ § б. п. 3 ст. 17 помянутаго положенія, должностныя лица, коимъ присутствованіе въ залѣ засѣданія будетъ особо разрѣшено старшими предсѣдателями Харьковской и Кіевской судебныхъ палатъ, по принадлежности [8]).

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, мною вмѣстѣ съ симъ предложенномъ старшимъ предсѣдателямъ Харьковской и Кіевской судебныхъ палатъ къ исполненію, имѣю честь увѣдомить Ваше Высокопревосходительство для свѣдѣнія.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и совершенной преданности.

Подписалъ Н. Муравьевъ.

Сентября 11 дня 1902 года
№ 35547.

(т. I, л. 198—199).

№ 8.

Рапортъ Министру Юстиціи Прокурора Харьковской Судебной Палаты.

Довѣрительно.

Весьма спѣшно.

Его Высокопревосходительству
Господину Министру Юстиціи
Прокурора Харьковской
Судебной Палаты

РАПОРТЪ

Въ дополненіе къ телеграммѣ отъ 18 текущаго сентября доношу Вашему Высокопревосходительству, что, при разсмотрѣніи того же числа на сессіи 15—25 сентября Особымъ Присутствіемъ Харьковской Судебной Палаты перваго (за отложеніемъ дѣла Перлика) изъ дѣлъ о крестьянскихъ безпорядкахъ о разграбленіи усадьбы казака Дегтяря, одинъ изъ защитниковъ подсудимыхъ Присяжный Повѣренный Тесленко, уже послѣ допроса многихъ свидѣтелей, сталъ предлагать вызванному въ качествѣ свидѣтеля, старостѣ дер. Горчаковки вопросы о тѣлесномъ наказаніи, которому были подвергнуты подсудимые, причемъ защитникъ былъ

тотчасъ же энергично остановленъ предсѣдательствующимъ д. ст. сов. Крестьяновымъ [9]), объявившимъ, что, на основаніи 611 ст. уст. угол. суд. [10]), онъ устраняетъ эти вопросы, какъ не имѣющіе отношенія къ дѣлу. Вслѣдъ за симъ другой защитникъ присяжный повѣренный Муравьевъ сталъ предлагать тому же свидѣтелю вопросъ о насиліяхъ солдатъ при военномъ постоѣ, но также былъ остановленъ предсѣдателемъ. Послѣ этого защитники просили перерыва «для совѣщанія между собой». Послѣ перерыва одинъ изъ защитниковъ подалъ предсѣдательствующему отъ имени своихъ товарищей прилагаемое при семъ коллективное ихъ заявленіе объ отказѣ отъ защиты, послѣ чего защитники удалились изъ залы засѣданія. При этомъ выяснилось, что защитники, подписавшіеся на указанномъ заявленіи, пытались оказать давленіе на назначенныхъ казенныхъ защитниковъ по этому дѣлу, кандидатовъ на судебныя должности Андронова и Горвица, настаивая, чтобы они также подписали ихъ заявленіе, послѣдствіемъ чего было бы оставленіе подсудимыхъ безъ защиты и вѣроятное отложеніе дѣла слушаніемъ. Но я, узнавъ объ этомъ, разъяснилъ названнымъ кандидатамъ всю неумѣстность подобнаго поступка со стороны лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, и они уклонились отъ солидарности съ прочими защитниками. Засѣданіе могло продолжаться, причемъ защитники кандидаты вполнѣ удовлетворительно исполнили свои обязанности. О неправильныхъ дѣйствіяхъ защитниковъ, отказавшихся отъ защиты, будетъ Судебною Палатою сообщено на разсмотрѣніе подлежащихъ Совѣтовъ Присяжныхъ Повѣренныхъ.

Изъ указанных лицъ присяжные повѣренные: Тесленко и Муравьевъ состоятъ при Московской Судебной Палатѣ; Раппъ и Моревъ — при Харьковской, помощники присяжныхъ повѣренныхъ: Федоръ Волькенштейнъ и Бѣлоусовъ, повидимому, при С.-Петербургской, кандидатъ же правъ Кальмановичъ, по свѣдѣніямъ, которыя я провѣряю, кажется, состоитъ частнымъ повѣреннымъ въ округѣ Саратовской Судебной Палаты. Всѣ защитники адвокаты защищали подсудимыхъ по соглашенію съ ними, за исключеніемъ Морева, назначеннаго Палатой, но заявившаго, что внѣ постояннаго пребыванія Палаты онъ также считаетъ себя защитникомъ по соглашенію. Едва ли отъ Совѣтовъ Присяжныхъ Повѣренныхъ можно ожидать энергичной репрессіи описанной неприличной демонстраціи и уклоненія защитниковъ отъ своего профессіональнаго долга: поэтому, вѣроятно, потребуется принесеніе протестовъ въ Судебныя Палаты на постановленія Совѣтовъ.

Къ изложенному имѣю честь присовокупить, что при разсмотрѣніи дѣла о нападеніи на усадьбу Дегтяря, между прочимъ, были получены указанія на то, что староста дер. Горчаковки (не грамотный) принесъ полученную отъ какого-то писаря волостнаго правленія преступную прокламацію, которая была прочтена нѣкоторыми крестьянами и, повидимому, вселила въ нихъ убѣжденіе о дозволенности разграбленія усадебъ.

Объ этомъ обстоятельствѣ, въ видахъ выясненія лицъ, передавшихъ эту прокламацію сельскому старостѣ, мною вмѣстѣ съ симъ сообщается на зависящее распоряженіе отдѣльнаго корпуса жандармовъ ротмистра Беклемишева, производящаго, въ порядкѣ 1035 ст. уст. угол. суд. [11]), дознаніе о пропагандѣ, вызвавшей крестьянскіе безпорядки въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ.

Копія резолюціи по дѣлу Дегтяря мною вмѣстѣ съ симъ препровождена въ Первый Департаментъ Министерства Юстиціи, согласно отношенію отъ 11 сего сентября за № 35439, а о приведенномъ инцидентѣ объ отказѣ упомянутыхъ адвокатовъ отъ защиты мною довѣрительно сообщается для свѣдѣнія, на случай могущаго быть повторенія подобной же демонстраціи, Старшему Предсѣдателю Кіевской Судебной Палаты.

Прокуроръ Харьковской Судебной Палаты Хрулевъ [12]).

(т. 1, л. 227—228).

Харьковъ
19 сентября 1902 года
№ 2966.

№ 9.

Заявленіе защитниковъ Судебной Палатѣ.

В Особое Присутствіе Харьковской Судебной Палаты.

Защитниковъ подсудимыхъ: Степана Лазенко, Павла Летюка, Федора Козерога, Петра Приза, Романа Кучеренко, Фомы Жимайло и Василія Скляренко, обвиняемыхъ по 269[1] ст. улож. о наказ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Защита убѣдилась въ томъ, что подсудимые прежде чѣмъ были преданы суду по обвиненію въ приписываемыхъ имъ дѣяніяхъ, потерпѣли за нихъ слѣдующія наказанія: 1) были подвергнуты тяжкому тѣлесному наказанію розгами, 2) въ мѣстахъ жительства подсудимыхъ былъ назначенъ постой войскъ, причемъ мужчины подвергались со стороны солдатъ и казаковъ побоямъ, а женщины изнасилованію, и 3) на счетъ подсудимыхъ содержались расквартированныя по селамъ и деревнямъ войска.

Защита находитъ, что по основному положенію уголовнаго права, никто не можетъ быть дважды наказанъ за одно и то же. Между тѣмъ, подсудимые за дѣяніе, составляющее предметъ настоящаго дѣла, подверглись карамъ, которыя несравненно превышаютъ кары, налагаемыя за то же дѣяніе по уголовнымъ законамъ.

Защита полагаетъ, что выясненіе тѣхъ наказаній, которымъ уже подверглись подсудимые, должно было повлечь за собой освобожденіе ихъ, въ случаѣ признанія виновными, отъ новаго вторичнаго наказанія за одно и то же дѣяніе. Значеніе наказаній, понесенныхъ подсудимыми по распоряженію административной власти, отчасти разъяснено и указано Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи по дѣлу Алимова 1873 года, № 32 [13]).

Защитѣ воспрещено г. предсѣдательствующимъ касаться обстоятельствъ, клонящихся къ выясненію понесенныхъ подсудимыми наказаній. Такимъ воспрещеніемъ изъ разсмотрѣнія Особаго Присутствія Палаты устранены доводы и соображенія, которыя должны были бы имѣть рѣшающее вліяніе на приговоръ. Это равносильно лишенію возможности защищать подсудимыхъ, а потому мы, нижеподписавшіеся, заявляемъ объ отказѣ отъ дальнѣйшаго нашего участія въ дѣлѣ въ качествѣ защитниковъ и настоящее заявленіе просимъ пріобщить къ дѣлу. Присяжный Повѣренный Н. Тесленко. Присяжный Повѣренный Н. К. Муравьевъ. Кандидатъ правъ С. Е. Кальмановичъ. Присяжный Повѣренный А. Сталь. Присяжный Повѣренный Н. Моревъ. Помощникъ Присяжнаго Повѣреннаго Ф. Волькенштейнъ. Помощникъ Присяжнаго Повѣреннаго А. Бѣлоусовъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Секретарь при Прокурорѣ Харьковской Судебной Палаты

Дубровинъ.

(т. I, л. 229).

№ 10.

Справка прокурора Харьковскаго Окр-го Суда.

Въ производствѣ Судебнаго Слѣдователя Харьковскаго Окружнаго Суда по Богодуховско-Валковскому уѣзду, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ н. г. возникло два дѣла об изнасилованіи женщинъ солдатами, отправленными въ Богодуховскій и Валковскій уѣзды для усмиренія крестьянъ, во время происходившихъ въ означенныхъ уѣздахъ безпорядковъ.

Обстоятельства каждаго изъ этихъ дѣлъ, какъ видно изъ добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ данныхъ, заключаются въ слѣдующемъ:

1) 7 апрѣля н. г., вечеромъ, шесть солдатъ квартировавшаго въ имѣніи Лингарта 2-го эскадрона 29-го Драгунскаго Одесскаго полка зашли въ селѣ Рябовкѣ, Рандавской волости, Богодуховскаго уѣзда, въ избу крестьянки Прасковьи Дорошенковой и попросили послѣднюю накормить ихъ ужиномъ. Послѣ ужина четыре драгуна ушли, въ избѣ остались два драгуна и Прасковья Дорошенкова с малолѣтними дѣтьми. Тогда одинъ изъ драгуновъ

вышелъ въ сѣни и приперъ снаружи дверь, другой же потушилъ лампу и изнасиловалъ Дорошенкову. Затѣмъ вошелъ въ избу бывшій въ сѣняхъ драгунъ и также изнасиловалъ Дорошенкову. Послѣдняя затѣмъ, по ея словамъ, впала въ безсознательное состояніе и, когда пришла въ себя, то никого уже въ избѣ не было. Судебно-медицинскимъ освидѣтельствованіемъ потерпѣвшей, имѣющей 30 лѣтъ отъ роду, не обнаружено никакихъ знаковъ насилія и слѣдовъ, подтверждающихъ фактъ изнасилованія, всѣ же изложенныя выше обстоятельства, происшедшія послѣ ухода изъ избы четырехъ драгунъ, кромѣ объясненія самой потерпѣвшей, никѣмъ не могли быть установлены, при этомъ сама потерпѣвшая объяснила, что лицъ драгуновъ она не разсмотрѣла настолько хорошо, чтобы могла ихъ узнать при предъявленіи. (Дѣло это возникло по жалобѣ мужа потерпѣвшей, заявленной 19 апрѣля 1902 года).

2) 1 апрѣля 1902 года въ сел. Коломакъ, Валковскаго уѣзда, прибыла 4 сотня 1 Оренбургскаго казачьяго полка. Жена мѣстнаго псаломщика Анна Заграфская, того же числа, около 12 часовъ ночи, отправила въ зданіе волостного правленія съ крестьянками Прасковьей Кущевой и Харитиной Яровой приготовленный для казаковъ ужинъ. Когда Кущевая и Яровая, отнесши ужинъ, возвращались домой, то за ними погнались два казака. Яровая успѣла убѣжать домой, а Кущевую, какъ объяснила эта послѣдняя, казаки схватили и отнесли на берегъ пруда, расположеннаго близь волостного правленія. Здѣсь одинъ изъ казаковъ зажалъ ей ротъ платкомъ, а другой изнасиловалъ ее, затѣмъ съ ней, противъ ея воли, имѣли половое совокупленіе еще три казака. Услыхавъ крики Заграфской, узнавшей о случившемся отъ Яровой и разыскивавшей Кущевую, казаки разбѣжались. Заграфская тогда же отправилась въ волостное правленіе заявить о случившемся командиру сотни, но ей казачій урядникъ объяснилъ, что командиръ спитъ, и что она можетъ заявить о случившемся на слѣдующій день, но въ 5 час. утра, на слѣдующій день, Заграфская узнала, что казаки уже выступили изъ сел. Коломакъ. Ни Кущевая, ни Яровая не замѣтили лицъ казаковъ и объяснили, что при предъявленіи ихъ узнать не могутъ. Судебно-медицинскимъ освидѣтельствованіемъ потерпѣвшей, имѣющей 15 лѣтъ отъ роду, фактъ изнасилованія подтвердился. Дѣло это возникло по жалобѣ дяди потерпѣвшей, Ивана Гречки, заявленной 2 мая 1902 года.

Первое изъ означенныхъ дѣлъ опредѣленіемъ Суда, состоявшимся 14 іюня, и второе — опредѣленіемъ Суда, состоявшимся 13 іюля 1902 года, прекращены, за необнаруженіемъ виновныхъ.

Прокуроръ Суда (подпись).

23 сентября 1902 г.

(т. I, л. 241—242).

№ 11.

Письмо (съ приложеніями) Прокурора Харьковской Судебной Палаты Директору Деп. Полиціи.

Совершенно секретно.

Прокуроръ
Харьковской
Судебной Палаты.

Милостивый Государь,
Александръ Алексѣевичъ *).

Имѣю честь препроводить Вашему Превосходительству копіи обнаруженныхъ 11 и 14 текущаго октября на улицахъ городовъ Харькова и Полтавы воззваній мѣстныхъ соціалъ-демократическихъ комитетовъ «Судъ надъ крестьянами» и «Ко всѣмъ Полтавскимъ жителямъ», въ виду того, что названныя преступныя изданія имѣютъ отношеніе къ дѣламъ о крестьянскихъ безпорядкахъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ.

При этомъ имѣю честь присовокупить, что подлинныя воззванія препровождены мною во Временную Канцелярію при Министерствѣ Юстиціи по производству особыхъ уголовныхъ дѣлъ 14 и 16 сего октября, за № 3246 и 3262.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ къ Вамъ уваженіи и искренней преданности.

Ст. Хрулевъ.

Его Превосходительству
А. А. Хвостову.

Харьковъ,
Октября 16 дня 1902 г.
№ 3267.

(т. I, л. 292)

1-е приложеніе къ № 11.

Судъ надъ крестьянами.

Судятъ крестьянъ, крестьянъ обиженныхъ и униженныхъ, голодныхъ и темныхъ, безправныхъ и нищихъ. И судятъ не въ Харьковѣ, гдѣ десятки тысячъ рабочихъ и тысячи студентовъ, а подальше отъ смѣлыхъ и честныхъ людей, умѣющихъ судить самихъ судей — ихъ судятъ въ захолустныхъ городишкахъ, въ Валкахъ и Константиноградѣ. Ихъ судятъ не судомъ присяжныхъ, судомъ

*) Хвостов.

общества, а судомъ нѣсколькихъ чиновниковъ, царскихъ холоповъ, при участіи сословныхъ представителей: городского головы, —купца, предводителя дворянства — помѣщика и волостнаго старшины, безгласнаго «при господахъ». Словомъ, ихъ судятъ своимъ судомъ, всѐ «свои люди». Мало того. Ихъ судятъ при закрытыхъ дверяхъ, и даже, вопреки законамъ, не пуская въ залъ по три родственника отъ каждаго обвиняемаго, которые могли бы видѣть, что творится правое дѣло, а не насиліе. Словомъ, ихъ судитъ правительство, то правительство, которое является единственнымъ преступникомъ во всемъ происшедшемъ. За что же ихъ судятъ? Ихъ судятъ за то, что они въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ «противозаконно участвовали въ публичномъ скопищѣ и соединенными силами учинили похищеніе и поврежденіе имущества помѣщиковъ изъ побужденій, проистекающихъ изъ экономическихъ отношеній». Такъ гласитъ законъ, и поэтому самому ихъ сошлютъ въ Сибирь. Такое тяжкое наказаніе имъ дадутъ по суду. А до этого суда ихъ же царскій палачъ Оболенскій запарывалъ до полусмерти, до этого суда на цѣлыя деревни наложили пеню въ 800.000 р. *). Зачѣмъ же этотъ судъ, когда можно было казнить людей и безъ суда? Только для того, чтобы доказать, что у насъ, вопреки всякимъ законамъ, съ одного и того же обвиняемаго можно трижды взыскивать за одну и ту же вину. Но у крестьянъ не было и одной вины. Крестьяне оказались безъ вины виноватые. Они пытались отобрать землю у сосѣдей помѣщиковъ и подѣлить между своими братьями; они увозили изъ экономій хлѣбъ на свои дворы, и за это ихъ казнятъ. Отчего же не казнятъ то правительство и тѣхъ дворянъ, которые обезземеливали крестьянъ, которые за ростовщическіе проценты отымали у нихъ весь урожай, за подати уводили послѣднюю корову? Или это не грабежъ? Развѣ в 1861 году беззаконное правительство и грабители помѣщики не «освободили крестьянъ» от лучшей земли? Вѣдь тогда пятая земли была у крестьянъ отнята. Освобожденныхъ рабовъ заставили выкупать ту землю, которую они сотни лѣтъ поливали своимъ потомъ и кровью. Мало того, полтора милліона дворовыхъ были выгнаны на улицу, въ чемъ мать родила, около полумилліона получили нищенскій надѣлъ въ четверть десятины. Крѣпостные мелкопомѣстные не получили ничего. Сотни тысячъ стариковъ были сосланы въ Сибирь за то, что могли получить надѣлъ, а помѣщикамъ это было невыгодно. И въ результатѣ этого дневного разбоя, знаете, что получилось? А то, что по счету ученыхъ людей, на одного помѣщика-дворянина, десять лѣтъ тому назадъ, приходилось 640 дес. земли, на одного купца-капиталиста — 755, на одного мужика — страшно подумать — меньше одной десятины. Это не ложь, это тѣ показанія, которыя дали теперь на судѣ противъ крестьянъ земскіе начальники и урядники. По словамъ

*) Имеется в виду указ 11 мая 1902 г., о котором сказано во вводной статье.

одного изъ нихъ, «бунтовали крестьяне изъ жадности», т. к. земли имѣли достаточно, около $^4/_5$ десятины на мужицкую душу. Выходитъ, что помѣщикъ имѣетъ земли в 700 разъ больше, чѣмъ одинъ крестьянинъ. И земля досталась помѣщику не потомъ и кровью, а грабежемъ у крестьянина. Округляютъ свои помѣстья дворяне, строятъ милліонныя фабрики купцы, вооружаетъ милліоны солдатъ правительство, и все это на тѣ деньги, которыя дерутъ съ крестьянъ. А у этихъ голодныхъ и нищихъ жалкій клочекъ истощенной земли перестаетъ родить, и семья пухнетъ отъ голоду. Гдѣ же взять хлѣба? Прежде давало его земство и интеллигенція, теперь правительство запретило это и само взялось помогать крестьянамъ и помогло до того, что сотни изъ нихъ умирали отъ голода. 40 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянинъ молчалъ какъ убитый, истекая кровью, изнемогая отъ голода и непосильной работы, страдая отъ тьмы, и молчалъ. Теперь онъ заговорилъ. Воронежская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Ставропольская, Курская и Саратовская губерніи объяты волненіемъ. Русскій народъ судитъ правительство и дворянъ, судитъ открыто и гласно, судитъ грозно и праведно. Отъ этого суда голодныхъ, избитыхъ и обобранныхъ труженниковъ никуда не убѣжать безчестнымъ и сытымъ насильникамъ. Самодержавіе падаетъ теперь на нашихъ глазахъ, какъ пало 30 лѣтъ тому назадъ крѣпостное право. Тогда при Николаѣ I крестьяне волновались по всей Россіи, при томъ проклятомъ царѣ было 536 бунтовъ, и Александръ II сказалъ: «лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, пока не отмѣнилъ его народъ снизу». Теперь снова идетъ отмѣна снизу, и Николаю II пора задуматься надъ вопросомъ, который ставитъ ему вся Россія: крестьяне, студенты, рабочіе. «Быть или не быть самодержавію».

Быть ли самодержавію, т.-е. грубой безсмысленной власти царя и чиновниковъ, попирающей благо народа и права личности, или быть земскому собору властью не царя, а всего народа, великаго, свободнаго и могучаго. Быть ли царству мрака, кнута и голодной смерти? Нѣтъ, не быть, на смѣну этого проклятаго царства, «вернется на землю любовь съ яркимъ свѣтомъ счастья въ очахъ и не будетъ ужъ больше ни слезъ, ни вражды, ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ, ни нужды безпросвѣтной, мертвящей нужды, ни мечей, ни позорныхъ столбовъ». Такъ рѣшилъ нашъ судъ, судъ науки, судъ любви, судъ жизни и передъ этимъ судомъ долженъ позорно умолкнуть судъ преступнаго правительства надъ невинными крестьянами. Но для того, чтобы приговоръ нашего суда, праваго и милостиваго «надъ неправдой лукавою грянулъ Божьей грозой», идите къ намъ въ ряды нашей партіи, въ ряды «погибающихъ за великое дѣло любви». Всѣ тѣ, кому нечего терять, кромѣ цѣпей, а пріобрѣсти есть надежда весь міръ, идите къ намъ, сплочивайтесь, просвѣщайтесь свѣтомъ истины, согрѣйтесь огнемъ самоотверженной любви и помните:

Нашъ мечъ — наука, нашъ щитъ — наше право, наше знамя — любовь къ человѣку, наша побѣда — счастье униженныхъ и обиженныхъ труженниковъ.

Идите къ намъ.

Харьковскій Комитетъ Россійской соціалъ-демократической партіи.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Помощникъ Секретаря при Прокурорѣ
Харьковской Судебной Палаты (подпись).

(т. I, л. 293—294).

2-е приложеніе къ № 11.

Ко всѣмъ полтавскимъ жителямъ.

Сегодня, 14 сентября, назначено въ Полтавѣ судебное разбирательство дѣла о крестьянскихъ безпорядкахъ. Безпорядки происходили весной этого года въ Полтавской губерніи. Что это были за безпорядки и почему они происходили, всѣ знаютъ.

Неурожай смѣнялся неурожаемъ. Нужда усиливалась, голодъ сдѣлался обычнымъ спутникомъ жизни крестьянской семьи. Гнетъ и произволъ властей и помѣщиковъ сталъ невыносимымъ. Въ лучшемъ случаѣ крестьянину говорили: «нѣтъ тебѣ пособія. Ты не нуждаешься». Это говорили въ то время, когда крестьянская семья пухла отъ голода. Измученные крестьяне не могли дольше терпѣть. Они потребовали хлѣба и взяли его у помѣщиковъ.

И вотъ за эти-то безпорядки, за то, что *голодные люди потребовали хлѣба,* они были жестоко наказаны. Наказаны розгами и взысканіемъ 800 т. р., не говоря уже о постоѣ солдатъ и долгомъ предварительномъ тюремномъ заключеніи.

Теперь же правительство творитъ судъ надъ голодными, чтобы въ третій разъ наказать этихъ несчастныхъ. Творя этотъ судъ, оно совершаетъ беззаконіе. Оно издѣвается надъ законами, имъ же самимъ изданными.

По закону:	*Въ дѣйствительности:*
Обвиняемый несетъ одно наказаніе даже при совокупности преступленій. Осн. Уг. Зак.	Судомъ крестьянъ хотятъ наказать въ третій разъ.
Наказаніе несетъ тотъ, кто совершилъ преступленіе. Ст. 15 суд. уст.	800-тысячное взысканіе распредѣлено на всѣхъ крестьянъ, не разбирая ни праваго, ни виноватаго.
Тѣлесное наказаніе налагается только волостнымъ судомъ, отъ него избавлены женщины и дѣти. Пол. о волостн. С.	Харьковскій и Полтавскій губернаторы самовольно перепороли поголовно населеніе нѣсколькихъ деревень.

За свои незаконныя дѣйствія при подавленіи безпорядковъ Харьковскій и Полтавскій губернаторы подлежатъ суду за превышеніе власти. Ст. 345 Ул. о нак.

Харьковскій Губерн. Оболенскій награжденъ орденомъ и Царской благодарностью, Полтавскій уволенъ отъ должности за недостаточную порку.

Ясно каждому, что у насъ законы обязательны только для бѣдныхъ и слабыхъ, а богатые и сильные могутъ попирать эти же законы, не неся никакой отвѣтственности. Можетъ ли такъ продолжаться дальше? Нѣтъ, долженъ сказать всякій честный человѣкъ и открыто выступить на путь борьбы съ правительствомъ за *политическую свободу*. Только при ней, участвуя въ законодательствѣ, можно добиться справедливыхъ законовъ и равенства всѣхъ предъ ними.

Полтавскій комитетъ Рос. Соц.-демократической партіи.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Помощникъ секретаря при Прокурорѣ
Харьковской Судебной Палаты (подпись).

(т. I, л. 2-5).

№ 12—а.

Письмо состоящего за об.-прокурор. столомъ во 2-мъ Д-тѣ Сената Коваленскаго С. С. Манухину.

Г. Валки, 17 сентября 1902 г.

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь,
Сергѣй Сергѣевичъ *).

Имѣю честь донести, что старшій предсѣдатель Е. А. Пушкинъ, члены г.г. Юрьевъ и Ананьевскій, Прокуроръ Палаты с. с. Хрулевъ прибыли въ г. Валки вечеромъ 15-го сего сентября. Немедля было осмотрѣно зданіе Народнаго дома, въ которомъ предположены засѣданія. Помѣщеніе оказалось весьма удовлетворительнымъ и по размѣрамъ и по расположенію комнатъ. Близость же тюрьмы облегчаетъ доставленіе на судъ арестантовъ. Администрація приняла чрезвычайныя мѣры по охраненію спокойствія въ городѣ (7 т. жит.), не вызываемыя, какъ кажется, никакими данными или обстоятельствами. Въ городѣ, кромѣ постоянно квартирующей батареи артиллеріи, поставленъ батальонъ пѣхоты и казачья сотня. Изъ Харькова вытребованы 20 городовыхъ, 2 околодочныхъ и приставъ, какъ мѣстная городская, такъ

*) Манухин, тов. мин. юст.

и часть уѣздной полиціи поставлены на ноги. Особенно на всѣхъ насъ производитъ удручающее впечатлѣніе въ это занятое для деревни время сборъ нѣсколькихъ десятковъ сельскихъ сотскихъ, разставленныхъ группами на улицахъ, перекресткахъ и площадяхъ. Населеніе такъ устрашено этой, какъ бы нарочито шумной демонстраціей власти, что буквально не показывается на улицахъ, уже не говоря о томъ, что пріѣздъ въ городъ, видимо, также ограниченъ. Вчера, проходя по этимъ невзрачнымъ, пустымъ улицамъ, мнѣ казалось, что здѣсь нѣтъ совсѣмъ жителей, здѣсь нѣтъ обычной гражданской жизни, здѣсь никого, кромѣ начальства, воинскихъ и полицейскихъ командъ нѣтъ... Къ чему введено это осадное положеніе и противъ кого, и мѣстный уѣздный членъ Окружнаго Суда и Харьковскій уѣздный предводитель дворянства кн. Голицынъ *), съ которыми мнѣ пришлось бесѣдовать, говорятъ, что крестьяне мирно заняты своими работами, совершенно спокойны и, наоборотъ, находятся послѣ содѣяннаго въ удрученномъ состояніи, совершенно исключающемъ возможность какихъ бы то ни было попытокъ произвести безпорядокъ. Единственный случай проявленія жизни со стороны крестьянъ, былъ слѣдующій, имѣвшій мѣсто въ день нашего пріѣзда (15). Двое родственниковъ обвиняемыхъ обратились къ священнику съ просьбой отслужить на площади молебенъ, «дабы, какъ они выразились, Господь смягчилъ сердца судей». Исправникъ просилъ благочиннаго разъяснить просителямъ, что молебны служатъ въ храмахъ, а не на площадяхъ. Этимъ инцидентъ и былъ исчерпанъ.

Никто изъ близкихъ родныхъ обвиняемыхъ не дѣлалъ досихъ поръ попытокъ получить разрѣшенія г. Предсѣдателя присутствовать въ засѣданіи. Передъ зданіемъ суда никогда никого не видно изъ постороннихъ.

Прокуроръ Палаты говорилъ мнѣ, что онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы казаки на улицахъ меньше показывались и чтобы совершенно убрали съ улицъ сельскую полицію. Это, конечно, нѣсколько улучшитъ положеніе. Если кто представляетъ опасность для спокойнаго теченія судебныхъ дѣлъ въ Валкахъ, такъ это скорѣй сонмъ повѣренныхъ, съѣхавшихся изъ разныхъ концовъ Россіи, а именно: Бѣлоусовъ (Москва), Вальцъ (Харьковъ), Волькенштейнъ (СПБ), Гонтаревъ (Харьковъ), Кальмановичъ (Саратовъ), Махновскій (Харьковъ), Моревъ (Харьковъ), Муравьевъ (Москва), Стааль (Москва), Роопъ (Харьковъ), Тесленко (Москва). Всѣ эти господа являются какимъ-то сплоченнымъ товариществомъ, привычнымъ къ дѣламъ данного рода. Нѣкоторые изъ нихъ фигурируютъ въ качествѣ защитниковъ, а когда нужно и поручителей за обвиняемыхъ, буквально во всѣхъ процессахъ, производящихся въ округѣ, по дѣламъ о крестьянскихъ и рабочихъ безпорядкахъ.

---

*) А. Д. Голицынъ—впослѣдствіи видный октябрист.

На 16 число подлежало разсмотрѣнію дѣло о 51 л., обвиняемыхъ въ ограбленіи экономіи генерала Перлика, на сумму 1300 р. Изъ числа обвиняемыхъ 17 ч. подъ стражей.

Старшій Предсѣдатель былъ озабоченъ тѣмъ, что г. Перликъ признанъ, кажется ошибочно, гражданскимъ истцомъ, такъ какъ имѣется Высочайшее повелѣніе, опредѣляющее способъ и порядокъ предъявленія такого рода претензій въ особыя, на сей предметъ, образованныя Комиссіи. Но, къ счастью, Перликъ, на судъ по болѣзни не явился и, такимъ образомъ, рѣчь объ его искѣ судебнымъ порядкомъ была исключена. По открытіи засѣданія, присяжные повѣренные Вальцъ и Махновскій, назначенные Палатой казенными защитниками всѣхъ обвиняемыхъ, заявили, что обвиняемые, по степени ихъ участія въ дѣлѣ, дѣлятся на нѣсколько группъ, интересы которыхъ взаимно другъ другу противорѣчатъ, почему они, повѣренные, вмѣстѣ со своими пріѣзжими товарищами, подѣлили защиту, по добровольному соглашенію съ каждымъ изъ обвиняемыхъ, но будто бы двое изъ послѣднихъ, Григорій Петренко и Иванъ Лаврикъ, отказались отъ этого соглашенія, почему просятъ: 1) отъ общей защиты, по назначенію, ихъ освободить и 2) означеннымъ 2-мъ лицамъ назначить защитникомъ кандидата на судебныя должности Андронова. Обвиняемые, очевидно, заранѣе подготовленные, изъявили на все это свое согласіе.

Палата уважила сказанное ходатайство.

Для чего нужно было г.г. повѣреннымъ создать такое положеніе вещей, я еще достовѣрно выяснить не смогъ и возвращусь къ этому случаю въ одномъ изъ послѣдующихъ моихъ донесеній Вашему Превосходительству.

Неявка свидѣтеля, бывшаго Валкскаго исправника Свѣтухина, хотя и получившаго повѣстку, но не представившаго свѣдѣній о законности отсутствія, явилось въ дѣлѣ чрезвычайнымъ обстоятельствомъ, во вниманіе къ тому, что изъ 51 обв. только относительно 19 имѣются уличающія ихъ, постороннія показанія; что же касается остальныхъ 32-хъ, то данными къ ихъ обвиненію является списокъ, составленный названнымъ Свѣтухинымъ, коимъ удостовѣряется, что въ числѣ лицъ, задержанныхъ казаками съ награбленнымъ имуществомъ, были именно значущіяся въ обвинительномъ актѣ лица, и, такимъ образомъ, показаніе этого неявившагося свидѣтеля является однимъ изъ наиболѣе существенныхъ.

Къ сожалѣнію, Палата отсрочила засѣданіе до 6 час. вечера, полагая получить къ этому времени отъ Харьковскаго полиціймейстера, которому прокуроръ послалъ срочную телеграмму, свѣдѣнія, въ предположеніи, что, быть можетъ, подтвердятся слухи о болѣзни Свѣтухина. Къ сожалѣнію, отвѣтъ получился неудовлетворительный. Какъ ни хотѣлось Палатѣ и Прокурору кончить дѣло и найти къ тому исходъ, но все же послѣ многихъ дебатовъ, единогласно рѣшили дѣло отложить. Свѣтухина оштрафовать въ

размѣрѣ 50 р., возложивъ на него издержки, и подвергнуть его приводу. Слѣдующее по этому дѣлу засѣданіе предположено въ г. Валкахъ, во второй очереди.

Повѣренные ходатайствовали объ измѣненіи мѣры пресѣченія по отношенію лицъ, содержащихся подъ стражей, въ виду того, что дѣло отложено не по ихъ винѣ, а между тѣмъ у обвиняемыхъ имѣются дома нуждающіяся семьи. Пом. прис. повѣреннаго Муравьевъ просилъ даже смягчить участь заключенныхъ по всѣмъ дѣламъ, подъ поручительство всѣхъ наличныхъ повѣренныхъ (10-ти).

Палата, выслушавъ заключеніе Прокурора, постановила освободить тѣхъ изъ заключенныхъ по настоящему дѣлу, кои не привлекаются по другимъ дѣламъ, подъ поручительство въ 100 р. каждому, а 2-хъ наиболѣе виновныхъ въ 200 р. каждому.

Очередное засѣданіе завтра 18-го, назначено два дѣла.

Вотъ все, что я, пока, могу представить на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства.

Прокуроръ Палаты просилъ меня доложить, что по каждому дѣлу онъ будетъ телеграфировать на имя Вашего Превосходительства о состоявшейся резолюціи Палаты.

Покорно прошу принять увѣренія въ моемъ къ Вамъ глубокомъ уваженіи и самой искренней преданности

Вашего Превосходительства Всепокорнѣйшій слуга

Григорій Коваленскій [14]).

(т. I, л. 344—346).

№ 12—б.

18 сентября 1902 г., г. Валки.

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь,

Сергѣй Сергѣевичъ.

Имѣю честь доложить, что сегодня закончено дѣло объ ограбленіи въ Валкскомъ уѣздѣ экономіи и жилого дома казака Дегтяря. Дѣло это представляетъ нѣкоторыя особенности по даннымъ, добытымъ на судебномъ слѣдствіи.

Подсудимые, въ числѣ 7 ч., признавая себя виновными, указывали, что дѣйствовали подъ вліяніемъ записки, привезенной ихъ сельскимъ старостой, которую имъ читалъ по его порученію грамотный, бывшій предсѣдатель волостного суда. Въ запискѣ этой (очевидно, прокламація) было сказано, что крестьянамъ предоставляются всякія, движимыя, имущества землевладѣльцевъ и, что суды останавливаются на 3 года.

Эти объясненія отчасти подтверждались показаніями свидѣтеля, потерпѣвшего Дегтяря, который видѣлъ эту записку, писанную красными чернилами у названнаго старосты. Романъ

Ивановъ Козерогъ (бывшій староста) на судѣ показалъ, что черезъ управляемое имъ селеніе лица, ограбившія передъ тѣмъ Задонскую экономію, начали возить награбленное имущество, прогонять скотъ, овецъ и лошадей, чѣмъ приводили въ волненіе и смущеніе населеніе, видѣвшее въ этой безнаказанности свое право на подобное; свидѣтель, въ виду такого неопредѣленнаго положенія отправился въ свое Никольско-Камышеватское волостное правленіе, гдѣ на вопросъ, какъ быть, ему вручилъ помощникъ волостного писаря, въ присутствіи старшины, названную разрѣшительную записку. Другой подобный экземпляръ былъ, по словамъ Козерога, и у мѣстнаго старосты. Свидѣтель не отрицалъ, что бумага эта была, по возвращеніи, прочитана односельцамъ. И, такимъ образомъ, грабежъ у Дегтяря былъ какъ бы санкціонированъ. Дальнѣйшее, послѣ сего, поведеніе свидѣтеля было въ этомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ странно. Онъ же, по словамъ Дегтяря (потерпѣвшій), совѣтовалъ ему уѣхать изъ экономіи, обѣщая приберечь добро. Но за часъ до начала грабежа свидѣтель уходитъ домой ложиться, якобы, спать и ничего не слышитъ и не знаетъ.

Нужно еще прибавить, что нѣкоторые изъ остальныхъ свидѣтелей, въ своихъ показаніяхъ на судѣ допустили существенныя разногласія съ тѣмъ, что показывали на предварительномъ слѣдствіи, чѣмъ было ослаблено впечатлѣніе, по отношенію части обвиняемыхъ, какъ подстрекателей.

Какъ конечный выводъ, получилась картина преступленія, совершеннаго по заблужденію, а не по злому умыслу, и этимъ можно объяснить снисходительный приговоръ Палаты.

Прокуроръ Палаты, присутствовавшій на засѣданіи (обвинялъ тов. пр. Юшневскій), просилъ меня доложить Вашему Превосходительству, что свѣдѣнія о бывшемъ старостѣ Козерогѣ будутъ переданы на разсмотрѣніе жандармскаго ротмистра Беклемишева, производящаго дознаніе о пропагандѣ, вызвавшей безпорядки крестьянскіе. Въ настоящемъ засѣданіи г.г. Повѣренные, о которыхъ я доносилъ въ прошломъ письмѣ, видимо желали поставить свою защиту на почву осужденія дѣйствій администраціи при усмиреніи бывшихъ безпорядковъ, почему, путемъ опроса свидѣтелей, пытались привести эти свои намѣренія въ исполненіе; но въ самомъ началѣ были остановлены Предсѣдателемъ Н. Н. Крестьяновымъ, который категорически заявилъ, что онъ касаться этихъ вопросовъ, какъ не относящихся къ дѣлу, не допуститъ.

Защитники, послѣ этого просили о перерывѣ, во время котораго, изготовили, а затѣмъ и подали, на имя Палаты, заявленіе въ копіи, при семъ, представляемое, послѣ чего, эти господа, оставили зало засѣданія. Къ этому считаю долгомъ присовокупить, что одинъ изъ обвиняемыхъ Федоръ Козерогъ, въ своихъ объясненіяхъ, между прочимъ, заявлялъ, что будто бы, послѣ бывшаго

у нихъ обыска, всѣмъ нынѣ подсудимымъ было дано, по распоряженію Станового Пристава, по 95 ударовъ розгами.

Покорно прошу принять увѣренія въ глубокомъ уваженіи и искренней преданности

Вашего Превосходительства всепокорнѣйшій слуга

Григорій Коваленскій.

(т. I, л. 347—348).

№ 13.

22 сентября 1902 г., г. Валки.

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь,
Сергѣй Сергѣевичъ.

Имѣю честь донести, что за время, съ 19-го — 22-ое сентября включительно, Особымъ Присутствіемъ Судебной Палаты разрѣшено 6-ть дѣлъ, изъ коихъ одно, о разграбленіи экономіи Кенига, кончилось оправданіемъ всѣхъ подсудимыхъ, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было уликъ. Защита продолжаетъ оставаться на отвѣтственности кандидатовъ на судебныя должности, такъ какъ г.г. присяжные повѣренные Округа не измѣняютъ ни своихъ пріемовъ, ни отношенія къ дѣлу. Являясь каждый день передъ открытіемъ засѣданія, находятся въ роли защитниковъ лишь до момента окончанія допроса свидѣтелей, а затѣмъ ходатайствуютъ о полученіи правъ изслѣдованія вопроса о дѣйствіяхъ администраціи при усмиреніи безпорядковъ, зная заранѣе, что имъ въ томъ откажутъ, и засимъ, демонстративно оставляютъ зало засѣданій.

Обращаюсь къ самому ходу засѣданій и къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя вынесъ по выслушаніи вышесказанныхъ дѣлъ. Я позволяю себѣ остановиться, прежде всего, на характерѣ самого движенія крестьянъ, какъ оно, постепенно, выясняется на судебныхъ слѣдствіяхъ. Конечно, выводы мои по этому вопросу никоимъ образомъ не могутъ считаться окончательными и представлять собой нѣчто цѣльное, ибо я вполнѣ увѣренъ, что много новаго впереди и Палата еще едва коснулась первой главы этой страшной эпопеи!

Но, во всякомъ случаѣ, собранный мною даже теперь матеріалъ даетъ мнѣ нѣкоторое право о немъ говорить. И я буду счастливъ, если нижеслѣдующія справки представятъ Вашему Превосходительству извѣстный интересъ.

Движеніе въ той части Валкскаго уѣзда, о которомъ идетъ рѣчь, основывалось, по мнѣнію моему, на исключительно экономической почвѣ; мы имѣемъ дѣло съ населеніемъ, поставленнымъ въ такія тяжелыя условія экономической жизни, при которыхъ

было бы ясно и всякому постороннему наблюдателю, что всегда возможны, при малѣйшемъ толчкѣ извне, всякія осложненія, если такой порядокъ вещей продлится далѣе. Въ развитіе моей мысли я буду говорить словами обвиняемыхъ и свидѣтелей, прошедшихъ передъ моими глазами длинными рядами на судѣ. Когда потерпѣвшій Фесенко обратился къ толпѣ, пришедшей его грабить, съ вопросомъ, за что они хотятъ его разорить, обвиняемый Зайцевъ сказалъ: «У тебя одного 100 д., а у насъ по 1 д. на душу, попробовалъ бы ты прожить на 1 д. земли, тогда бы посмотрѣлъ, какъ мы тебя бы кормили!?»

Когда свидѣтель Казенецъ обратился къ одному изъ подсудимыхъ, уже въ послѣдней стадіи грабежа въ экономіи Яхонтовой, съ увѣщаніемъ прекратить буйство, выражавшееся тѣмъ, что сказанный подсудимый выбивалъ стекла и рамы въ окнахъ дома управляющаго, тотъ отвѣчалъ: «Какъ ты думаешь, могу ли я жить на ¾ десятины?» И спокойно увезъ за симъ цѣлый возъ награбленнаго имущества.

Типичны также объясненія, данныя Палатѣ обвиняемымъ по дѣлу той же Яхонтовой крестьяниномъ Кіяномъ: онъ сказалъ, приблизительно, слѣдующее: «Позвольте разсказать Вамъ о нашей мужичьей несчастной жизни. У меня отецъ и 6-ть малолѣтковъ, безъ матери, дѣтей, и надо жить съ усадьбой въ ¾ десятины и ¼ десятины полевой земли. За пастьбу коровы мы платимъ арендатору Кузьминову 12 р., а за десятину, подъ хлѣбъ, надо работать 3 десятины уборки. И это все надо заработать двумя мужичьими руками?! Теперь уже даже и за такую высокую цѣну землю съ трудомъ найдешь. Жить намъ такъ нельзя, продолжалъ Кіянъ; мы въ петлѣ! Что же намъ дѣлать? Обращались мы, мужички, всюду. И у земскаго начальника были, ходили и въ земскую управу, нигдѣ насъ не принимаютъ, нигдѣ намъ нѣтъ помощи...».

Свое слово Кіянъ говорилъ, сильнымъ, страстнымъ голосомъ, въ которомъ вмѣстѣ съ нотами отчаянія слышались еще большія озлобленія.

Мнѣ казалось, что въ этой исповѣди Кіяна слышится вопль всего здѣшняго населенія.

Становой Приставъ Хорватъ показываетъ, что онъ на всѣхъ сборищахъ крестьянъ, на которыхъ ему, во время безпорядковъ, приходилось бывать, всегда слышалъ одни и тѣ же возгласы: «У насъ нѣтъ хлѣба, нѣтъ земли, нѣтъ покосовъ и толоки!»

Земскій начальникъ Глушковъ раскрылъ передъ судомъ такую безотрадную картину народнаго бѣдствія, что приходится сознаться, что крестьянамъ не только жить, а дышать нечѣмъ! Оказывается, напримѣръ, что, съ открытіемъ двухъ большихъ сахарныхъ заводовъ въ Богодуховскомъ и Валкскомъ уѣздахъ, площадь земель, предоставленная къ использованію землевладѣльцами крестьянамъ, еще болѣе сузилась, поднявъ, съ одной стороны, самыя арендныя земли въ цѣнѣ, въ виду спроса ихъ

подъ посѣвъ свекловицы, а, затѣмъ, вслѣдствіе дикаго вздорожанія всякихъ земельныхъ угодій и сельскохозяйственныхъ продуктовъ, побудившее землевладѣльцевъ лично эксплоатировать свои имѣнія, с другой. Имѣются такія мѣстности, гдѣ владѣльцы не даютъ крестьянамъ въ наймы ни полевой земли, ни пастьбы, ни выгоновъ для скота и это часто при наличности у крестьянъ 1 д. земли на ревизскую душу. Нуждается ли подобная картина въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ?

Перехожу затѣмъ къ вопросу о томъ, какую связь имѣла или могла имѣть революціонная пропаганда съ названнымъ движеніемъ крестьянъ, поскольку это выяснилось при разсмотрѣніи дѣлъ.

Въ дѣлѣ о разграбленіи экономіи казака Дегтяря имѣется указаніе, что даже мѣстный сельскій староста имѣлъ въ рукахъ прокламацію, полученную имъ въ стѣнахъ волостного правленія. Въ дѣлѣ ограбленія экономіи Фесенко одинъ изъ обвиняемыхъ показалъ, что онъ будто бы ходилъ въ усадьбу не грабить, а посмотрѣть на генераловъ, которые пріѣхали. Генераловъ подсудимый не видѣлъ, что не помѣшало ему, однако, унести кое-что изъ движимости владѣльца. Въ томъ же дѣлѣ имѣется намекъ на то, что крестьяне ожидали пріѣзда Кн. Михаила, который даетъ разрѣшительныя грамоты. Въ дѣлѣ о разграбленіи экономіи Яхонтовой одинъ изъ обвиняемыхъ будто бы объявлялъ, что у него есть пакетъ, санкціонирующій грабежъ, но пакета не показывалъ, а на судѣ тотъ же обвиняемый это обстоятельство отрицалъ и тѣмъ старался опровергнуть показаніе свидѣтеля.

Все это, вмѣстѣ взятое, при всей неопредѣленности даетъ основаніе предположить, что со стороны преступной партіи были попытки къ возбужденію крестьянъ къ активной дѣятельности. Но если эта пропаганда имѣла мѣсто, то она, видимо, была направлена въ предѣлы Полтавской губерніи, ибо здѣсь результаты ея получились только рефлективно, въ видѣ неопредѣленныхъ слуховъ, въ видѣ чего-то абстрактнаго, не облеченнаго въ реальную форму!

Пропаганда свое дѣло однако сдѣлала, явясь тѣмъ внѣшнимъ толчкомъ, о которомъ я говорилъ въ началѣ письма, попавъ на совершенно готовую почву, подготовлявшуюся рядъ годовъ, въ силу исключительно особыхъ экономическихъ причинъ. Но создавшееся движеніе ничего общаго съ антиправительственной агитаціей въ широкомъ смыслѣ не имѣетъ и имѣть не могло.

Случилось же вотъ что. Крестьяне восприняли отъ подстрекателей лишь ту часть пущенныхъ среди нихъ ложныхъ слуховъ, которая соответствовала только ихъ лично выработанному самосознанію на почвѣ создавшихся неудовольствій къ крупнымъ собственникамъ и недовѣрія къ начальству, не сумѣвшему пойти навстрѣчу дѣйствительной экономической бѣдѣ крестьянъ.

Разстроенное воображеніе на почвѣ все растущаго броженія рисовало имъ одну картину заманчивѣе другой! Такимъ обра-

зомъ создалась легенда о генералахъ, о кн. Михаилѣ и т. п. начальникахъ, съ помощью которыхъ всякое желаніе, какъ бы несбыточно оно ни казалось, могло быть удовлетворено. А рядомъ съ этимъ никакихъ сдерживающихъ элементовъ для этихъ порывовъ не было. Волостные старшины, занятые массой общихъ вопросовъ и сложной перепиской по волости, привыкли относиться пассивно къ нуждамъ и быту сельскихъ общинъ, а вся сельская власть была безусловно солидарна съ крестьянской массой.

Что же касается высшихъ уѣздныхъ властей и духовенства, то они даже не понимали, что подвѣдомственное имъ населеніе переживаетъ великій психологическій моментъ. И въ томъ ихъ великая вина! Такимъ образомъ, крестьянское населеніе этой мѣстности, предоставленное самому себѣ, не смогло справиться съ величиной задачи, не нашло въ себѣ достаточно силъ устоять отъ искушенія и выбродило то, чему мы еще недавно были свидѣтелями.

Окончательной же увѣренности въ своемъ правѣ присваивать чужую собственность у крестьянъ не было. Это наиболѣе явствуетъ изъ того, что всегда предшествовало разграбленіямъ экономіи. Крестьяне начинали волноваться лишь въ томъ случаѣ, когда воочію убѣждались въ возможности и въ безнаказанности грабежа путемъ свиданія съ кѣмъ-либо изъ участниковъ или же нахожденіемъ на селѣ награбленнаго. Съ начала крестьяне мѣстнаго владѣльца уговаривали отдать имъ имущество добровольно, склоняя его слѣдующими словами: «Лучше мы воспользуемся, чѣмъ чужіе, такой ужъ и приказъ вышелъ». Затѣмъ занимали выжидательное положеніе до тѣхъ поръ, пока въ ихъ среду не являлся человѣкъ, бывшій свидѣтелемъ какого-нибудь грабежа, который и принималъ роль вожака, а за нимъ уже шла толпа, постепенно разрастаясь и остервеняясь. Несомненно, чѣмъ больше разрасталось движеніе, тѣмъ оно принимало болѣе видъ стихійной силы, и толпа становилась яростной и требовательной; и, Богъ знаетъ, чѣмъ бы это все кончилось, если пожаръ не былъ бы въ первоначальномъ его развитіи потушенъ.

Но что въ началѣ движенія крестьяне шли ощупью и неувѣренно, это устанавливается многими свидѣтелями.

Присматриваясь къ длинному ряду лицъ, проходящихъ передъ моими глазами на судѣ и внѣ суда, причастныхъ къ этимъ дѣламъ, прислушиваясь къ ихъ показаніямъ и говору, я выношу убѣжденіе, что крестьяне устрашены, но вовсе не убѣждены! Крестьяне меня поражаютъ еще и незамѣчаемой въ годы моей бывшей службы на мѣстахъ не то своей одичалостью, не то особой сосредоточенностью. Во всякомъ случаѣ, недовѣрчивость къ начальству и полная отъ него отчужденность проглядываютъ во всемъ. Быть можетъ, Ваше Превосходительство изволите найти письмо мое слишкомъ полнымъ личными соображеніями, но я считалъ нравственнымъ долгомъ представить на Ваше благоусмотрѣніе, съ полной откровенностью, все то, что думаю по этому дѣлу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, покорнѣйше прошу простите меня, Ваше Превосходительство, за небрежное мое писаніе. Дѣло въ томъ, что съ 10 час. утра до 12½ час. ночи, съ перерывомъ въ 1½ час. на обѣдъ, Палата непрерывно засѣдаетъ; даже сегодня, воскресенье, рѣшили заниматься, и я только ночью имѣю возможность составлять свои донесенія, что и побуждаетъ меня просить о Вашемъ снисхожденіи.

При семъ имѣю честь представить 5-ть резолюцій Особаго Отдѣленія Судебной Палаты по рѣшеннымъ за эти дни дѣламъ, въ особомъ конвертѣ.

Покорно прошу принять увѣренія въ глубокомъ уваженіи и самой искренней преданности

Вашего Превосходительства покорный слуга

Григорій Коваленскій.

(т. I, л, 353—356).

№ 14—а.

1902 г. 4 октября, г. Константиноградъ.

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь,

Сергѣй Сергѣевичъ.

Разсмотрѣнное сегодня дѣло представляетъ такія особенности, что я считаю долгомъ немедленно о немъ доложить Вашему Превосходительству. Дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, касается разграбленія у трехъ сосѣднихъ между собой помѣщиковъ сѣна. Отношенія крестьянъ къ этимъ лицамъ были самыя дружескія. Одинъ изъ послѣднихъ, Костырко, даже слыветъ въ уѣздѣ народолюбцемъ. Несмотря на небольшое состояніе (150 д. з.), онъ, ограничивая свои личныя потребности, помогаетъ крестьянамъ и даже на свой счетъ открылъ для нихъ потребительскую лавку.

Костырко на судѣ такимъ образомъ охарактеризовалъ причины движенія: «Прогрессирующая изъ года въ годъ бѣдность, земли мало и много безземельныхъ, совершенная темнота и полное одиночество. Современнаго типа школа не вливаетъ въ массы просвѣщенія, такъ какъ школьники, возвращаясь домой, за отсутствіемъ книгъ, грамоту забываютъ». Вотъ на такую-то почву и пало сѣмя пропаганды!

Всѣ обвиняемые (ихъ 38, одинъ умеръ, другому не вручена повѣстка и о немъ дѣло выдѣлено) признали себя виновными, оправдываясь крайней бѣдностью и содержаніемъ доставленныхъ имъ книжекъ, разрѣшающихъ брать нужное изъ имущества владѣльцевъ. Далѣе, изъ судебнаго слѣдствія и нѣкоторыхъ свѣдѣній, полученныхъ мной отъ губернскаго предводителя дворянства Бразоль, усматривается, что задолго до начала безпорядковъ возлѣ села Лисичьяго, Бѣлуховской волости, поселился студентъ

Харьковскаго универ. Алексѣенко (племянникъ Полтавскаго городского головы) и началъ пропаганду среди мѣстнаго населенія. Къ нему пріѣзжали товарищи. Пособникомъ въ его дѣлѣ являлся, между прочимъ, и студентъ Губаревъ. Жандармское управленіе встревожилось и арестовало было Алексѣенко, но вскорѣ послѣдній былъ признанъ какимъ-то частнымъ врачемъ ненормальнымъ и возвращенъ на прежнее мѣсто жительства (Лисичья). Обвиняемые въ послѣднемъ своемъ словѣ говорятъ, что книжки къ нимъ шли изъ Лисичьей и возымѣли на нихъ особенное впечатлѣніе, когда было дознано, что пріѣзжавшая, по ихъ словамъ, комиссія никого не преслѣдовала.

Въ числѣ другихъ характерны еще и слѣдующіе отвѣты обвиняемыхъ, касающіеся ихъ экономическаго положенія: Гречка говоритъ: «У меня 6 дѣтей, мать и жена; вмѣстѣ со мной это составляетъ 9 душъ, ¾ д. земли! Кормить скота было нечѣмъ, взялъ немного сѣна». Загородный, давая объясненія, горько плакалъ. У него 4 дѣтей, а земли нѣтъ вовсе. Кто-то заявлялъ, что даже живетъ въ чужой избѣ! Весьма степенный старикъ Криворучка сказалъ: «Я прожилъ 60 лѣтъ, случалось, кормилъ свой скотъ соломой отъ крыши дома и не грабилъ, а вотъ теперь книжкамъ повѣрилъ и взялъ у владѣльца сѣна!»

Что деревня Лисичья была основнымъ пунктомъ пропаганды, доказывается и тѣмъ, что нѣкій крестьянинъ Левенко пріѣхалъ въ Смородшину за 25 вер. изъ дома и послѣ отъѣзда исправника, говорившаго съ народомъ на сельскомъ сходѣ, такъ убѣждалъ крестьянъ идти грабить Костырко: «Вы его не слушайте, такіе и къ намъ пріѣзжали, но мы ихъ въ шею выгнали, въ томъ ихъ служба!» Затѣмъ тесть старосты Гладкаго присылалъ ему изъ Лисичьяго же книжку, которую тотъ читалъ. Показаніе бывшаго исправника Андріевскаго проливаетъ также нѣкоторый свѣтъ на истинное положеніе вещей. Онъ говоритъ о крайней бѣдности крестьянъ, но не отрицаетъ и вліянія пропаганды. Особенно опасной онъ признаетъ брошюру «Дядько Омитро» (малороссийское заглавіе). Слѣдить за дѣйствіями пропаганды полиція не могла, во-первыхъ, по своей малочисленности, а во-вторыхъ, и потому, что крестьяне тщательно скрывали свои намѣренія. Прежде населеніе имѣло большее общеніе съ начальствомъ.

Потерпѣвшій Чамора показывалъ, что за мѣсяцъ до безпорядковъ начались поджоги, на что онъ тогда же обратилъ вниманіе, какъ на явленіе для той мѣстности необычайное. Книжки и прокламаціи появлялись и находились часто брошенными возлѣ колодцевъ или въ иныхъ укромныхъ мѣстахъ.

Потерпѣвшій Гриневичъ (бывшій предсѣдатель зем. управы, крупный землевладѣлецъ) получилъ рядъ анонимныхъ писемъ, требующихъ, чтобы онъ выѣхалъ изъ усадьбы, такъ какъ хозяйничать будутъ другіе, а если не исполнитъ, то грозили поджогами и проч. бѣдами.

Господа же земскіе начальники, какъ въ Валковскомъ уѣздѣ, такъ и здѣсь, отвѣчаютъ на всѣ вопросы суда, что они нигдѣ не были, ничего не слышали, а еще менѣе видѣли!

Обращаясь засимъ къ даннымъ дѣламъ, усматриваю, что крестьяне въ началѣ движенія, при исполненіи замысла дѣйствовали крайне неувѣренно, какъ бы ощупью. Взявъ сѣно у Чаморы, они сдѣлали попытку получить и зерна на посѣвъ, но, не заставъ потерпѣвшаго дома, мирно уходятъ съ его двора. У Костырко пытаются уговорить хозяина дать имъ пшеницы, но, получивъ отказъ, обрушиваются на его сѣно, да и то съ осмотрительностью. Горобецъ (одинъ изъ обвиняемыхъ) говоритъ толпѣ: «Братцы! всего сѣна не берите, у пана тоже есть скотина, которую надо кормить!». Такъ и сдѣлали, увезли половину скирда; у Гриневича же взято сѣно въ степи.

Обвиняемые, которыхъ я вижу на судѣ, производятъ на меня самое грустное впечатлѣніе. Это люди совершенно подавленные своимъ горемъ. Многіе плачутъ во время засѣданія. Одѣты они въ лохмотья и имѣютъ крайне изнуренный видъ. Ни тѣни озлобленія, которое замѣчалось по дѣламъ Валковскаго уѣзда, а, наоборотъ, полная потеря энергіи. Состояніе какого-то маразма.

Защитники ведутъ себя вполнѣ прилично, изъ вновь пріѣзжихъ пр. повѣр. Переверзевъ (СПБ).

Жандармскій офицеръ Александровъ, о которомъ писалъ въ прошлый разъ, вчера вечеромъ уже въ засѣданіи не появлялся.

Резолюція по этому дѣлу еще не объявлена и будетъ мной представлена дополнительно.

Покорно прошу принять увѣренія въ моемъ къ Вамъ глубокомъ уваженіи и самой искренней преданности

Вашего Превосходительства покорнейший слуга

Григорій Коваленскій.

(т. I л. 380—381).

№ 14—б.

10 октября 1902 г., г. Константиноградъ.

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь,

Сергѣй Сергѣевичъ.

Вчера, послѣ полуторадневнаго перерыва, возобновились засѣданія Особаго Присутствія Харьковской Палаты. Разсмотрѣнныя дѣла подтверждаютъ всѣ тѣ положенія, которыя я не разъ уже высказывалъ вамъ въ донесеніяхъ моихъ Вашему Превосходительству.

Безысходная нужда крестьянъ обрисовывается въ густыхъ краскахъ, съ каждымъ шагомъ впередъ. Большинство участни-

ковъ въ этихъ безпорядкахъ сидятъ на однихъ усадьбахъ или владѣютъ такимъ ничтожнымъ количествомъ полевой земли, что вынуждены идти на все, лишь бы добыть возможность посѣва и на наемныхъ земляхъ.

Такъ, напримѣръ, по дѣлу купца Воликова имѣется о томъ нѣсколько цѣнныхъ показаній. Приказчикъ Плахотниковъ говоритъ, что кр-не такъ тяжко живутъ, что въ 1901 г., приходя на поденщину, заявляли, что семьи ихъ голодаютъ. Одинъ изъ обвиняемыхъ, Глустъ, въ свою очередь, заявлялъ многимъ служащимъ въ экономіи передъ совершеніемъ преступленія: «Дайте хлѣба кр-намъ, имъ ни ѣсть, ни сѣять нечего! Вотъ я вѣдь и работаю и не пью водки, а я нищій!» Земскій начальникъ Старицкій удостовѣрилъ, что бѣдность среди кр-нъ изъ года въ годъ прогрессируетъ. Бывшій же исправникъ Андріевскій пролилъ еще больше свѣта на положеніе: кр-не, по его мнѣнію, были въ такомъ тяжеломъ экономическомъ состояніи, что, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ вынуждены были, за отсутствіемъ пастьбы, держать скотъ на привязи. Кр-не часто ему, исправнику, жаловались, говоря, что имъ такъ жить нельзя. Между владѣльцами той мѣстности существовало мнѣніе, что чѣмъ дороже взять за наемныя земли, тѣмъ лучше. Цѣна за 1 д. посѣвной земли доходила до 18 руб.

Сегодня идетъ дѣло, еще не оконченное разсмотрѣніемъ, — дѣло о грабленіи экономіи Павлова. Свидѣтелями установлено, что тамъ бѣдность кр-нъ была такая, что на работу шли за 5 коп. въ день, лишь бы пропитаться. Экономія только изъ сожалѣнія платила 15 к. От недоѣданія часть населенія страдала болѣзнью, именуемой «куриная слѣпота».

При наличности такихъ условій быта ясно, что пропаганда, а особенно ведомая искусной рукой, не могла не имѣть вліянія.

Положеніе усугублялось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что власти как бы сговорились предоставить населенію самому разбираться в эту трудную минуту его жизни.

Ни помощи, ни руководительства ждать было крестьянамъ неоткуда.

Изъ производящихся дѣлъ видно, какъ была насущна эта помощь и какъ судорожно само населеніе сначала пыталось ее найти: обвиняемый Курочка съ 3-мя товарищами ѣздили къ земск. нач. Чеснокову узнать, дѣйствительно ли предоставлено кр-намъ «разбирать» экономіи, но его не застали, а видѣлись только съ его матерью. Но и мы не видимъ, что сдѣлалъ въ этомъ дѣлѣ г. земскій нач., онъ блистаетъ своимъ отсутствіемъ. Далѣе, одинъ пріѣздъ въ экономію Павлова полицейскаго надзирателя Лутовинова остановилъ грабежъ, въ которомъ участвовали 5 деревень. Характерно, что Лутовиновъ не засталъ никакихъ властей на мѣстѣ (сельскихъ); всѣ они были въ Карловкѣ съ губернаторомъ. Кр-не говорили Лутовинову, что они совсѣмъ не знаютъ начальства, что никто къ нимъ не пріѣзжалъ, не наставлялъ ихъ, не указывалъ на

ложность того, что кругомъ нихъ говорятъ, пишутъ въ книжкахъ. Кр-не просили Лутовинова не уѣзжать, такъ какъ, если его не будетъ, то можетъ явиться другая шайка грабителей и тогда они за себя не отвѣчаютъ. Кр-не просили Лутовинова побудить помѣщика, чтобы онъ за землю такъ дорого не бралъ и тогда обѣщали никогда не повторять подобное. Толпа говорила Лутовинову, что они предполагали захваченный хлѣбъ везти въ волостное правленіе и тамъ его беречь, пока не пріѣдетъ губернаторъ, и тогда рѣшитъ, принадлежитъ ли этотъ хлѣбъ кр-намъ или нѣтъ. Кр-не жаловались на свою горькую долю, просили походить по домамъ и посмотрѣть на ихъ бѣдность. Лутовинову удалось останавливать попытки многочисленныхъ шаекъ произвести хищенія въ разныхъ пунктахъ имѣнія и, наконецъ, снарядить 100 подводъ изъ числа вчерашнихъ грабителей для подвоза войскъ.

Это показаніе Лутовинова говоритъ само за себя. Потерпѣвшій Шатило объяснилъ, что книжки, газеты и прокламаціи распространялись по деревнямъ задолго до начала безпорядковъ. Въ январѣ мѣсяцѣ два такихъ экземпляра даже препровождались къ земск. начальнику. Въ началѣ марта начались систематическіе пожары въ экономіяхъ. Свидѣтель 9 марта поѣхалъ къ исправнику, но тотъ отнесся к его заявленіямъ недовѣрчиво, увѣрялъ, что все благополучно и ничего худого ждать нельзя.

Шатило засимъ присовокупилъ, что, несмотря на явно замѣтное броженіе среди кр-нъ, власти тѣмъ озабочены не были. Всякіе розыски по пропагандѣ начались серьезно только послѣ безпорядковъ. Вотъ все, о чемъ я могу пока довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства.

Что же касается до гг. защитниковъ, то на-дняхъ самолюбіе ихъ было сильно уязвлено тѣми же кр-нами, интересы которыхъ они, якобы, своими выходками защищаютъ. Подсудимые выразились такъ въ одномъ изъ перерывовъ: «Намъ не нужно вольныхъ, хотимъ казенныхъ защитниковъ, а то эти уходятъ потому, что мы бѣдные и нечѣмъ платить, а дай мы имъ по 50 к. на человѣка, навѣрно бы остались». Это заявленіе комментируется всѣми даже въ Полтавѣ.

Покорно прошу принять увѣренія въ моемъ къ Вамъ глубокомъ уваженіи и самой искренней преданности

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
Григорій Коваленскій.

(т. I, л. 390—391).

№ 15.

Дѣло о разграбленіи въ Варваровскомъ управительствѣ Карловской экономіи 800 пудовъ сѣна.

Дѣло уголовнаго департамента Харьковской Судебной Палаты № 189. Столъ 2. 1902 г.

Показаніе сельскаго старосты дер. Максимовка Ивана Анисимова Гайдука. (Стр. 28 — 30).

Могу сказать, что причина грабежей — нужда во всемъ населеніи. До меня никакихъ слуховъ о книжкахъ *) не доходило, ни о томъ, что въ нихъ написано. О самыхъ книжкахъ я узналъ отъ урядника, который ѣздилъ въ Лисичье и спрашивалъ меня, нѣтъ ли запрещенныхъ книгъ въ Максимовкѣ. Такъ какъ я не грамотный, то ничего и не могъ отвѣтить уряднику, хотя онъ мнѣ потомъ и поручалъ дѣлать обыски, разыскивать книжку «Дядько Дмитро». Конечно искалъ, но ничего не могъ найти, такъ какъ, повторяю, я неграмотенъ. И думаю, что если бы намъ лучше жилось, никакія книжки, что бы тамъ въ нихъ ни написано, не имѣли бы никакого значенія. Страшны не книжки, а то, что ѣсть нечего ни тебѣ, ни скоту. Земли нѣтъ и хлѣба нѣтъ, сѣнокосовъ нѣтъ и выпаса для скота нѣтъ, а потому и рабочаго скота за послѣднее время очень уменьшилось. Напримѣръ, въ прошломъ году было штукъ 300 головъ, а теперь и 100 шт. не найдешь въ нашемъ обществѣ, а овецъ совсѣмъ даже нѣтъ. Земледѣльческихъ орудій, сколько-нибудь пригодныхъ для работы, мы не въ состояніи пріобрѣсти, потому и обработать землю какъ слѣдуетъ мы не можемъ. Удобрить землю навозомъ также не можемъ, потому что онъ у насъ идетъ на отопленіе. Вѣдь если разсматривать поводъ, послужившій толчкомъ къ грабежамъ, то опять-таки окажется что, главнымъ образомъ, была нужда, особенно въ прошломъ году, который былъ плохой, на хлѣбъ, а картофеля совсѣмъ не было.

Грабежи начались слѣдующимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ Максимовкѣ, какъ я знаю. Въ виду неурожая картофеля послѣдній сильно поднялся въ цѣнахъ, а въ Карловской экономіи, какъ было слышно, картофель продавался по 10 к. за пудъ. Пошелъ и я съ десятскимъ провѣрить этотъ слухъ въ Варваровское управительство. Управляющій подтвердилъ это и сказалъ, что бѣднѣйшимъ жителямъ моего общества будетъ выдано даромъ по 3 мѣры картофеля на человѣка. Собралось насъ сначала человѣкъ 8-мь, намъ выдали, за нами поѣхали и другіе, третьи и т. д. Управительство давало, пока можно, а затѣмъ, такъ какъ нуждающихся было все болѣе и болѣе, то начали уже брать не спросясь, т.-е. грабить. Слухъ о томъ, что намъ даромъ дали, быстро облетѣлъ всѣ села, и всѣ поѣхали, на томъ основаніи, что брать можно. Послѣ Варваровскаго начали брать въ Буртовскомъ управительстве, но не картофель, а уже сѣно; притомъ и въ данномъ случаѣ вышло, что нужда въ сѣнѣ была крѣпкая, особенно, когда настала весенняя пора работъ. Дѣло въ томъ, что Максимовцы сначала купили стогъ сѣна, а когда пріѣхали его забирать, то желающихъ было больше, чѣмъ сѣна, а потому забрали уже самовольно и второй стогъ сѣна. Услыхали это другіе и порѣшили, что значитъ сѣно брать можно, и продолжали сами. И чѣмъ дальше, тѣмъ

*) Разумеются революционные издания.

больше охватывала людей страсть воспользоваться, поживиться хоть чѣмъ-нибудь. В то время забывается, что оно чужое, что брать нельзя, что за это будетъ наказаніе. Всѣ были какіе-то взволнованные, вѣрили слухамъ, на слово. И грабежъ отъ картофеля перешелъ къ хлѣбу и ко всему, что попадалось подъ руку. Людей трудно было удержать, они не слушали и захватывали все, что случилось.

Послѣдніе годы особенно тяжело стало жить. Условія отдачи земли Карловской экономіи съ каждымъ годомъ становились все стѣснительнѣй. Вѣдь 10 лѣтъ тому назадъ за 100 д. толоки снимали 60 д., а теперь за 1 д. — 1, 1½ десятины уборки хлѣба, притомъ экономія обязываетъ насъ уничтожать овражковъ, даже штрафъ установила 200 р., если мы этого не исполнимъ. Въ весенній постъ этого года наше общество заключило условіе о наймѣ земли подъ толоку, причемъ за 160 д. мы обязаны скосить и свезти 180 или 190 д. хлѣба. Толока отдается намъ уже лѣтъ 40 на одномъ и томъ же мѣстѣ. Условия отдачи земли подъ посѣвъ таковы: за 1 д. земли нужно убрать 1½ д. экономическаго хлѣба и въ данномъ случаѣ экономія даетъ намъ худшую землю подъ посѣвъ, а раньше давали одну десятину за десятину и на выборъ. Условія обработки тяжелы еще и потому, что въ экономіи обыкновенно урожай хлѣба превосходный: бываетъ иногда 30—35 копенъ на десятинѣ, а потому на десятину земли, на которой часто и урожая не бываетъ, такъ какъ она уже распахана (истощена) и потому, что кр-не не въ состояніи хорошо обрабатывать, приходится иногда затрачивать 6—7 дней втроемъ работы (экономической) и получится все же, что при этомъ самъ хлѣбомъ не обезпеченъ, зато панскую землю обработалъ и хлѣбъ ему собралъ. Сѣнокосовъ Карловская экономія не даетъ и снимаетъ сѣно сама.

Я сказалъ, что въ прошломъ году былъ неурожай и потому не хватило на прокормленіе. Въ общемъ, у насъ ежегодно нехватаетъ на пропитаніе и всегда недоѣданіе, хватаетъ хлѣба не дальше декабря мѣсяца, такъ какъ при такихъ условіяхъ обработки трудно зарабатывать больше, не въ силахъ, какъ я выше сказалъ. Если зарабатывается какая копѣйка, то она нужна на уплату податей и на одежду. Плата, какъ въ Карловской экономіи, такъ и у Водяницкаго по 20 к. мужчинѣ въ день зимой, а женщинѣ 15 к. на экономическихъ харчахъ, лѣтомъ отъ 25 к. — 50 к. Водяницкій отдаетъ землю въ наймы въ весьма ограниченномъ количествѣ и почти на одинаковыхъ съ Карловцами условіяхъ. У Водяницкаго женщины получаютъ отъ 15—20 к.; но безъ кормовыхъ. Карловская экономія отдаетъ еще землю и на другихъ условіяхъ, вмѣсто уборки требуетъ выкопать изъ земли (одну десятину) картофеля или бураковъ по 2 ряда съ каждой сажени. Такимъ образомъ, нужно выкопать на 60-ти рядахъ длиной каждый 120 саж. Эта работа несравненно тяжелѣй, чѣмъ снимать хлѣбъ. Выселяться изъ Максимовки мало кому удается, такъ какъ всѣ народъ бѣдный. А для выселенія нужно 300—500 р. и болѣе или менѣе взрослый составъ

семьи, такъ что волей-неволей приходится сидѣть на мѣстѣ и оставаться все въ томъ же положеніи. За 7 лѣтъ въ селѣ Максимовкѣ я видѣлъ одинъ разъ земскаго начальника, который пріѣхалъ тогда, когда въ Максимовку пріѣхалъ губернаторъ. Въ Максимовкѣ въ прошломъ году и нынѣ существуетъ «куриная слѣпота». Въ грабеже по данному дѣлу принимали участіе только Максимовцы.

Допросъ производилъ вр. и. д. следователя канд. на суд. должн. Демченко.

(т. I, л. 398—399).

№ 16.

Записка о причинахъ безпорядковъ, происходившихъ въ концѣ марта и началѣ апрѣля 1902 года, среди крестьянъ Полтавской и Харьковской губерній.

Совершенно довѣрительно.

Не повторяя въ настоящей запискѣ тѣхъ подробностей, которыя извѣстны Вашему Высокопревосходительству изъ личнаго моего доклада и донесеній прокурорскаго надзора округа Харьковской судебной палаты, я считаю своимъ долгомъ остановить Ваше вниманіе, главнымъ образомъ, на причинахъ, вызвавшихъ крестьянскіе безпорядки.

Важнѣйшею изъ этихъ причинъ является, по моему мнѣнію, безотрадное экономическое положеніе крестьянъ той мѣстности, гдѣ безпорядки возникли. Часть крестьянскаго населенія, какъ, напримѣръ, въ селеніяхъ Лисичьемъ и Максимовкѣ, Константиноградскаго уѣзда, при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости вовсе не получила надѣла. Земельные надѣлы другихъ, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія, раздробились до такой степени, что въ настоящее время въ нѣкоторыхъ селеніяхъ приходится не болѣе половины и даже четверти десятины на душу. На-ряду съ обезземеленіемъ крестьянъ исчезла постепенно и мелкая земельная собственность и земли сосредоточились въ рукахъ сравнительно немногихъ крупныхъ помѣщиковъ. Недостатокъ земли и отсутствіе пастбищъ у крестьянъ поставили ихъ въ полную экономическую зависимость отъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ, которые нерѣдко пользуются своимъ исключительнымъ положеніемъ въ ущербъ крестьянамъ. Послѣдніе, нуждаясь въ землѣ, принуждены брать ее у помѣщиковъ на крайне невыгодныхъ условіяхъ. Арендная плата достигла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ 18 рублей за десятину. Если же земля сдается не за деньги, а за отработокъ, то аренда обставляется такими условіями, которыя, по своей стѣснительности, вполнѣ соотвѣтствуютъ указанной выше арендной платѣ. Такъ, напримѣръ, за пользованіе 30 десятинами выгона крестьяне обязуются убрать и свезти помѣщику хлѣбъ съ 60 десятинъ. За одну десятину, взятую подъ посѣвъ, крестьянинъ принимаетъ на себя

обязательство обработать землевладѣльцу 2, а иногда и 3 десятины и т. п. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что помѣщики обрабатываютъ большую часть земли сами, при помощи машинъ и небольшого числа рабочихъ, предоставляя въ пользованіе крестьянамъ лишь незначительное, далеко не отвѣчающее ихъ потребностямъ, количество земли плохого качества. Если принять въ соображеніе, что крестьяне со всѣхъ сторонъ окружены владѣльческими землями и стѣснены до такой степени, что по ихъ выраженію, «курицы некуда выпустить» и что многіе помѣщики практикуютъ въ широкихъ размѣрахъ систему неустоекъ, штрафовъ и судебнаго преслѣдованія за потравы, то не трудно представить себѣ картину того печальнаго экономическаго положенія, въ которое поставлены крестьяне. Ко всѣмъ этимъ постояннымъ, неблагопріятнымъ условіямъ крестьянской жизни присоединились въ настоящемъ году случайныя, совершенно подорвавшія благосостояніе сельскаго населенія. 1901 годъ былъ не изъ урожайныхъ. Урожай зерновыхъ хлѣбовъ былъ, правда, средній, но картофель, составляющій главную пищу крестьянъ, уродился плохо, а травъ совсѣмъ не было. Къ веснѣ всѣ запасы были истощены и крестьяне остались безъ хлѣба и безъ корма для скота. Полное бездорожье въ теченіе зимы 1901—1902 г.г. еще болѣе отягчило положеніе крестьянъ, лишивъ ихъ такихъ зимнихъ заработковъ, какъ извозный промыселъ, перевозка лѣса и т. п. Между тѣмъ, помощь нуждающемуся населенію ни откуда не приходила. Администрація, недостаточно, повидимому, освѣдомленная о степени крестьянской нужды, не принимала соотвѣтствующихъ мѣръ къ ея облегченію. Земство продовольственной помощи не оказывало, а ссуды изъ запасныхъ магазиновъ выдавались далеко не всегда и при томъ лишь на обсѣмененіе полей, крестьянамъ оставалось одно — обратиться къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, помѣщикамъ. Но здѣсь они встрѣтили безучастное къ себѣ отношеніе, большинство землевладѣльцевъ отказывало крестьянамъ въ помощи; только немногіе давали имъ незначительные ссуды зерновымъ хлѣбомъ, безусловно отказываясь подѣлиться съ ними своими запасами корма для скота. По убѣжденію крестьянъ, быть можетъ, и не лишенному основанія, дѣлалось это съ цѣлью искусственно возвысить цѣны на сельскохозяйственные продукты.

Всѣ приведенныя выше свѣдѣнія о тягостномъ экономическомъ положеніи крестьянскаго населенія тѣхъ мѣстностей, гдѣ происходили безпорядки, находятъ себѣ подтвержденіе какъ въ данныхъ предварительнаго слѣдствія, производившагося при Полтавскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи дознанія, такъ и въ отзывахъ высшихъ представителей администраціи, мѣстныхъ судебныхъ дѣятелей и даже потерпѣвшихъ отъ безпорядковъ.

Настроеніе крестьянъ, производившихъ грабежи, сказалось въ тѣхъ возгласахъ, которые слышались въ бушевавшей толпѣ: «Ѣсть нечего, дайте хлѣба», «Дѣти пухнутъ отъ голода», «У насъ нѣтъ ступни земли, пусть дастъ намъ ѣсть, а то заберемъ», «Наши

отцы работали панамъ, работаемъ и мы, пропадаемъ съ голоду, никто намъ въ нуждѣ не поможетъ» и т. д.

Одна помѣщица, тронутая видомъ голодныхъ женщинъ и дѣтей, сопровождавшихъ толпу, роздала имъ всѣ бывшіе въ ея распоряженіи печеные хлѣбы, которые тутъ же были подѣлены и съѣдены.

«Если бы», — сказалъ одинъ 75-лѣтній крестьянинъ Константиноградскому исправнику, — «ты ѣлъ такой хлѣбъ, какъ ѣдимъ мы и наши дѣти, то самъ пошелъ бы хлѣбъ забирать у тѣхъ, у кого его много». Что нужда составляла одно изъ главныхъ побужденій крестьянъ при нападеніи на помѣщичьи усадьбы, подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что изъ 78 случаевъ нападенія, только въ 5—6 подверглись разграбленію самыя усадьбы. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ крестьяне забирали лишь хлѣбъ и кормъ для скота.

Тягостное экономическое положеніе крестьянъ и безучастное отношеніе къ ихъ нуждамъ землевладѣльцевъ создали благопріятную почву для пропаганды среди населенія соціалистическихъ идей. Этимъ не замедлили воспользоваться политически-неблагонадежные комитеты, которымъ удалось вызвать открытое нападеніе крестьянъ на помѣщиковъ. Съ конца 1901 года въ народѣ стали появляться различныя революціонныя изданія, число которыхъ особенно возросло въ январѣ и феврале текущаго года. Распространялись, главнымъ образомъ, такія книжки и изданія, въ которыхъ указывалось на бѣдственное положеніе крестьянъ, на притѣсненіе ихъ помѣщиками и властями и высказывалось требованіе, чтобы земля была отобрана у помѣщиковъ и раздѣлена между крестьянами. Изложенныя въ означенныхъ книжкахъ идеи, отвѣчавшія завѣтнымъ мечтамъ крестьянина, были встрѣчены населеніемъ съ большимъ сочувствіемъ и такъ быстро усвоились, что нѣкоторые крестьяне, въ разговорѣ съ властями, повторяли наизусть цѣлыя фразы изъ прочитанныхъ изданій. Въ домахъ собирались неграмотные крестьяне и слушали съ увлеченіемъ, какъ грамотные читали имъ вслухъ брошюру «Дядько Дмитро» и подобныя ей книжки. Я не излагаю въ настоящей запискѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя касаются собственно организаціи революціонной агитаціи среди крестьянъ, и лицъ въ ней участвовавшихъ, въ виду того, что по этому предмету въ Министерствѣ имѣются подробныя донесенія прокурорскаго надзора. Но я считаю не лишнимъ остановиться на той связи, которая, повидимому, существуетъ между степенью крестьянской нужды и успѣшностью революціонной пропаганды среди сельскаго населенія. Изъ всѣхъ мѣстностей, охваченныхъ крестьянскими волненіями, въ наиболѣе бѣдственномъ положеніи находились селенія Лисичье и Максимовка, Константиноградскаго уѣзда. Отсюда именно и начались безпорядки, причемъ жители этихъ селеній являлись по преимуществу зачинщиками и главными руководителями грабежей. У нихъ и у крестьянъ ближайшихъ деревень обнаружено наиболь-

шее число революціонныхъ изданій. Наконецъ, самыми дѣятельными помощниками бывшаго студента Алексѣенко, организовавшаго преступную агитацію въ своемъ имѣніи, близь с. Лисичьяго, были крестьяне этого послѣдняго и сосѣдней съ нимъ д. Максимовки. Безпорядки среди сравнительно болѣе обезпеченнаго населенія Богодуховскаго и Валковскаго уѣздовъ, Харьковской губерніи, возникли отчасти подъ вліяніемъ примѣра полтавскихъ крестьянъ, безчинства которыхъ оставались первое время безнаказанными, отчасти же по подстрекательству жителей с.с. Лисичьяго и Максимовки, появленіе которыхъ служило обыкновенно сигналомъ для начатія грабежей. Въ какой мѣрѣ революціонная пропаганда проникла въ крестьянскую массу, судить въ настоящее время едва ли возможно. По нѣкоторымъ признакамъ слѣдуетъ, однако, предполагать, что если отдѣльные крестьяне, подъ вліяніемъ агитаціи злонамѣренныхъ лицъ и сдѣлались убѣжденными послѣдователями соціалистическихъ и даже, быть можетъ, революціонныхъ ученій, то вся прочая масса крестьянъ осталась попрежнему вѣрной своему Государю. На это указываетъ самое поведеніе крестьянъ во время безпорядковъ, которые нигдѣ не были направлены противъ Верховной власти и ея представителей. Напротивъ, крестьяне ссылались, въ свое оправданіе, на то, что «Царь разрѣшилъ» отбирать хлѣбъ и землю у помѣщиковъ, что былъ объ этомъ «Царскій Указъ» и т. п. Въ народѣ ходили слухи вродѣ, напримѣръ, того, что «Князь Михаилъ» (по видимому Наслѣдникъ) былъ среди нападавшихъ на усадьбы крестьянъ и ихъ поощрялъ, что въ толпѣ были какіе-то «панычи изъ Царской Фамиліи». Во всѣхъ приведенныхъ и имъ подобныхъ случаяхъ неизмѣнно сказывалась увѣренность крестьянъ въ сочувствіи Царя къ ихъ бѣдственному положенію. Весьма характеренъ одинъ эпизодъ, указывающій на степень уваженія крестьянъ ко всему, что исходитъ отъ Верховной власти. Во время нападенія на усадьбу помѣщика Чамары, хлѣбъ котораго былъ заложенъ въ банкѣ, крестьяне, подойдя къ амбару, увидѣли, что на двери послѣдняго наложены печати, съ изображеніемъ государственнаго герба. Этого было достаточно, чтобы они оставили хлѣбъ въ амбарѣ нетронутымъ, заявляя, что брать ничего нельзя, что это «казенное». Наконецъ, въ отношеніи крестьянъ къ должностнымъ лицамъ административнаго и судебнаго вѣдомствъ неизмѣнно оказывалось уваженіе къ власти. Случаевъ насилія, даже противъ низшихъ полицейскихъ чиновъ, почти не было. Крестьяне оказывали должностнымъ лицамъ полное уваженіе, отличались въ обращеніи съ ними вѣжливостью и безпрекословно исполняли ихъ требованія, не исключая, напримѣръ, и такихъ, какъ арестъ, по распоряженію судебной власти, виновниковъ безпорядковъ.

Членъ консультаціи Семеновъ [14]).

(т. I, л. 70—76).

19 апрѣля 1902 года.

№ 17.

Записка о причинахъ, вызвавшихъ крестьянскіе безпорядки въ мартѣ и апрѣлѣ сего 1902 года, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Харьковской и Полтавской губерній.

Секретно.

I.

Приступая къ изложенію составленной вслѣдствіе личнаго порученія Вашего Высокопревосходительства этой записки, считаю долгомъ предпослать къ ней слѣдующія объясненія. Какъ извѣстно, движеніе крестьянъ началось въ той части Константиноградскаго уѣзда (Полтавской губерніи), гдѣ расположены деревни Лисичья (Бѣлуховской волости) и Максимова (Тагамликской волости), состоящія въ одномъ церковномъ приходѣ.

Этими мѣстами безпорядковъ я намѣренъ заняться преимущественно, касаясь прочихъ дѣлъ лишь настолько, поскольку они нужны для характеристики самаго движенія крестьянскихъ массъ, памятуя при этомъ, что историческая часть событія уже извѣстна, какъ изъ моихъ донесеній, такъ равно изъ обширнаго матеріала, имѣющагося въ дѣлахъ Министерства.

Затѣмъ, при детальномъ разсмотрѣніи причинъ, вызвавшихъ названные безпорядки, какъ я ихъ разумѣю, я буду пользоваться извѣстной группировкой по заранѣе обдуманному плану добытыхъ мной на судебныхъ слѣдствіяхъ свѣдѣній, въ цѣляхъ освѣщенія правильности того, либо другого выдвигаемаго мной впередъ положенія. Кромѣ того, сознавая всю важность настоящаго обслѣдованія, я не ограничился трудами судебныхъ засѣданій, но, вникая въ существо дѣла, я привлекъ къ себѣ на помощь, путемъ частныхъ собесѣдованій, опытъ мѣстныхъ свѣдущихъ людей, мнѣнія которыхъ считалъ наиболѣе правдивыми, наиболѣе для дѣла полезными.

Эти господа были со мной совершенно откровенны и въ своемъ мѣстѣ настоящей записки я буду ссылаться на ихъ показанія, съ отмѣткой фамиліи и служебнаго положенія каждаго.

Но при этомъ дозволяю себѣ присовокупить, что нѣкоторые изъ лицъ, состоящихъ по вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, были широки въ своихъ разсказахъ только потому, что я далъ имъ слово, что ихъ прямое начальство не узнаетъ о нашихъ бесѣдахъ.

II.

Предвѣстники движенія въ Полтавской губерніи.

За два или три мѣсяца до начала безпорядковъ мѣстные владѣльцы и арендаторы въ предѣлахъ Константиноградскаго уѣзда начали замѣчать, что между крестьянами происходитъ не ладное,

слышно было о книжкахъ, газетахъ преступнаго содержанія, которыя всюду развозятся и разбрасываются, жадно читаются и комментируются крестьянами. Сельчане стали дерзки, вызывающи, работали плохо и толковали о новыхъ законахъ, о новомъ передѣлѣ имуществъ. Въ числѣ прочихъ, по дѣлу Курова, ночной сторожъ Рябоволъ, въ концѣ февраля говорилъ рабочимъ на кухнѣ: «Что книжки уже имѣются въ сельскомъ правленіи и в нихъ написано, что студенты хлопочутъ, чтобы земля пановъ перешла къ мужикамъ».

Къ арендатору Коломійцу не разъ рабочіе въ ту же пору обращались съ вопросами: «Что такое слово «революція» или «политика». Рядомъ съ этимъ начались въ началѣ марта зловѣщіе пожары, наводящіе страхъ на имущую часть населенія. Нѣкоторые даже начали получать анонимныя письма. Такъ, отъ бывшаго предсѣдателя Земской Управы, крупнаго помѣщика Гриневича, требовали, въ первой половинѣ того же мѣсяца, чтобы онъ убирался изъ имѣнія, иначе его сожгутъ, обольютъ керосиномъ, что здѣсь, говорилось далѣе въ запискѣ, будутъ другіе хозяева.

Устрашенные сельскіе обыватели, имущество которыхъ всѣмъ этимъ затрагивалось, дѣлали попытки обратить на происходящее вниманіе властей. Между прочимъ, арендаторъ Шацило ѣздилъ даже лично къ исправнику, и, по его словамъ, 2 экземпляра книжекъ и прокламацій были направлены къ земскому начальнику Старицкому, но безуспѣшно. Ни земскіе начальники, ни мѣстная полиція, ни губернскія власти, болѣе отдаленныя отъ событій, не хотѣли понять, что грядущее грозитъ опасностью, такъ были всѣ увѣрены въ спокойной покорливости массъ.

Однимъ словомъ, квіэтизмъ былъ въ полной силѣ (показанія Курова, Коломійца, Шацило, Гриневича, Чамары и др.).

Не встревожилось начальство даже и тогда, когда съ 9 марта начались систематическія хищенія картофеля и сѣна в Карловской экономіи герцоговъ Мекленбургъ-Стрелицкихъ, впослѣдствіи вошедшія въ общій циклъ движенія (Шейдеманъ). Къ сему считаю долгомъ привести и слѣдующій разсказъ Полтавскаго городского головы, статскаго совѣтника Трегубова. Къ нему еще задолго до безпорядковъ пріѣзжали арендаторы его имѣній, Водяницкій и Коломіецъ (впослѣдствіи ограбленные), заявляя, что въ деревнѣ безпокойно и опасно; онъ ходилъ съ этимъ къ губернатору Бельгарду, а тотъ успокаивалъ, говоря, что это все невѣрно. Наконецъ, послѣ 25 марта пріѣхалъ опять тотъ же Коломіецъ со словами, что ему уже крестьянами поставленъ ультиматумъ «очистить имѣніе», но тотъ же Бельгардъ сообщилъ, въ свою очередь, Трегубову, что это не такъ, что ему только что докладывалъ Константиноградскій исправникъ, что онъ ручается за спокойствіе уѣзда.

Показаніе, далѣе, брата потерпѣвшаго Константина Роговскаго, указываетъ, что и въ ближайшихъ мѣстностяхъ Полтавскаго уѣзда къ центру начала безпорядковъ дѣло обстояло также неблагополучно. Этотъ свидѣтель говоритъ, что книжки появились

зимой, а въ началѣ марта начались пожары такого опаснаго свойства, что онъ призналъ нужнымъ для огражденія экономіи учредить особый ночной дозоръ. Къ нимъ подъѣзжали крестьяне съ намѣреніемъ сжечь постройки. Но затѣмъ были слышны разговоры среди народа: «Зачѣмъ жечь, все равно все будетъ наше».

Вотъ этими послѣдними словами долженъ быть объясненъ происшедшій поворотъ въ мысляхъ массъ, перешедшихъ со второй половины марта къ инымъ послѣ поджоговъ дѣйствіямъ.

Таково въ короткихъ строкахъ изображеніе того, что предшествовало началу движенія.

А между тѣмъ буря была недалеко и при болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу могла быть если не предотвращена, то остановлена въ начальномъ еще фазисѣ безпорядковъ.

Вышло же, какъ извѣстно, совершенно иначе.

III.

Значеніе деревни Лисичьей въ движеніи.

Приступая къ развитію далѣе положеній о силѣ и значеніи самого событія, я не могу не остановиться въ первой очереди на деревнѣ Лисичьей, какъ на центральной фигурѣ всего этого, еще недавняго прошлаго.

25 марта 1902 года 50 человѣкъ Лисичанъ явились къ арендатору ближайшаго имѣнія Коломійцу и заявили ему: «Убирайся, мы и наши отцы здѣсь работали, это все наше». На предупрежденіе, что за подобное ихъ посадятъ въ тюрьму, отвѣчали: «Тюрьма не страшна, тамъ поятъ и кормятъ». Уходя, грозили подкогами ему и всѣмъ арендаторамъ, ихъ разоряющимъ. Дѣйствительно, обѣщаемый поджогъ былъ въ ту же ночь у Коломійца совершенъ. Какъ бы по сигналу, на другой же день начались общіе безпорядки, захватившіе, какъ извѣстно, своими крыльями съ одной стороны ближайшую къ нимъ часть Полтавскаго уѣзда, а съ другой — Валковскій и часть Богодуховскаго уѣздовъ, Харьковской губерніи.

Изъ данныхъ судебныхъ по дѣлу слѣдствій слѣдуетъ, что движеніе было предварительной пропагандой подготовлено въ Лисичанскомъ обществѣ, члены котораго явились дѣятельнѣйшими агитаторами, какъ въ активномъ участіи своемъ въ самыхъ безпорядкахъ, такъ и словесной проповѣдью новыхъ идей и введеніемъ въ обиходъ окрестнаго населенія книгъ и брошюръ преступнаго содержанія. По общимъ отзывамъ, крестьяне этого общества отличались прежде особымъ благонравіемъ и аккуратностью въ работахъ (показанія Коломійца и бывшаго исправника Андріевскаго). Они даже владѣли землей, купленной съ помощью Крестьянскаго Банка, но, по словамъ тѣхъ же свидѣтелей, внезапно прекратили, 3 года назадъ, платежъ %, увѣряя, что банкъ ихъ

земли отобрать не можетъ. Коломіецъ затѣмъ говорилъ, что онъ, проживая въ этой мѣстности около 6-ти лѣтъ, могъ ближайше ощутить ту перемѣну во взглядахъ и мнѣніяхъ, которыя Лисичане стали за послѣдніе годы обнаруживать, выражавшіеся, напримѣръ, въ томъ, что они постепенно ослабляли свою дѣятельность по отработкамъ въ экономіи и становились къ нему все рѣзче въ отношеніяхъ, такъ что онъ, Коломіецъ, вынужденъ былъ совершенно прекратить съ ними всякія сдѣлки по землѣ.

Установлено также, какъ я сказалъ выше, что часть литературы, наводнившая всю данную мѣстность, шла именно изъ Лисичьей. Такія лица, какъ Коркишко, Буцкій, Стороженко и Левенко, да они ли одни, передвигались изъ села въ село, подымая толпы на грабежъ своими зажигательными рѣчами, прибѣгая иногда, какъ къ побудительной мѣрѣ, и къ угрозамъ.

Чтобы не быть голословнымъ, перехожу къ фактамъ.

1. По дѣлу Костырко и Гриневича свидѣтели Кордоновскій и Дзюба и др. установили, что крестьянинъ Левенко, прибывъ въ деревню Смородщину (Полтавскаго уѣзда), тотчасъ послѣ отъѣзда исправника, говорилъ: «Что вы его слушаете, у насъ такіе были и мы ихъ выгнали (намекъ на случай, дѣйствительно, имѣвшій мѣсто, о чемъ ниже), «ихъ такая должность, чтобы гавкать (лаять), поѣдемъ за сѣномъ».

Свидѣтели Бовкунъ и Биндасъ, по дѣлу Коломійца, показываютъ, что крестьянинъ Стороженко говорилъ въ деревнѣ Максимовкѣ колеблющимся крестьянамъ: «Не бойтесь. 1 мая начнется и скоро кончится, всѣмъ будетъ по 8 десятинъ на душу». Объ арендаторахъ же говорилъ: «За ними намъ ѣсть нечего». Крестьянинъ Черный разсказывалъ, что, когда пріѣзжала комиссія въ Лисичью (объ этой комиссіи особо), онъ, Черный, было выскочилъ изъ избы, но потомъ вспомнилъ, что у него подъ скатертью 2 книжки, и вернулся. Нужно здѣсь замѣтить, что всѣ эти разговоры происходили въ то самое время, когда исправникъ Андріевскій докладывалъ губернатору, что онъ отвѣчаетъ за спокойствіе и что Максимовцы и Смородщина дали слово не трогать и тѣмъ еще болѣе усугубили инертность и спокойствіе власти (пок. Раисы Базилевской, Сергѣя Скрыпника и б. исправника Андріевскаго по д. Чеботарева и др.). Умѣстнымъ считаю упомянуть и о слѣдующемъ еще разговорѣ съ Трегубовымъ: нынче лѣтомъ Максимовцы разсказывали о томъ же случаѣ такъ: «У насъ былъ въ деревнѣ исправникъ и становой, уговаривали не грабить, а черезъ 2 избы отъ мѣста, гдѣ были эти чины, состоялось собраніе, на которомъ наши и Лисичане рѣшали одновременно, къ кому ѣхать на завтра за сѣномъ». Кстати, чтобы не забыть объ упомянутомъ Стороженкѣ. О немъ въ своемъ показаніи еще говоритъ и учитель села Максимовки, Сергѣй Скрыпкинъ. Когда случился пожаръ у Коломійца (приблизительно 26 марта), туда явились Лисичане. А Тарасъ Стороженко говорилъ, между прочимъ, арендатору Водяницкому: «Какая между нами разница, что ты пьешь чай, ѣшь бѣлый

хлѣбъ и мясо, ѣздишь въ фаэтонахъ и спишь до 8 часовъ, а я нуждаюсь; мы ведь одинаковы и душа у насъ одинакова». Свидѣтель добавляетъ, что онъ зналъ прежде Стороженко за человѣка неразвитого и видѣлъ, что онъ говоритъ словами изъ преступныхъ книгъ.

По дѣлу Чеботарева (Полтавскаго уѣзда), какъ то установлено потерпѣвшимъ и свидѣтелемъ, сельскимъ старостой Клименко, Федоромъ Карабутъ и др., миролюбивая Федоровка пропагандировалась сначала книжками изъ Лисичьей, которыя доставлялъ, по словамъ обвиняемаго Василія Гречки, сельскій староста дер. Смородщины, имѣвшій въ Лисичьей связь, Иванъ Гладкій, а затѣмъ, за подписью «Лисичье общество», получилась записка, которая читалась громогласно на сходѣ: «Федоровцы. Ступайте къ Чеботареву, а не пойдете, мы васъ сожжемъ». Федоровцы пошли къ Чеботареву, но ихъ тамъ склонили уйти, они было послушались, но тутъ нахлынули Лисичане и начали всѣмъ распоряжаться. Замѣчательно при этомъ, что кромѣ зерновыхъ, пищевыхъ и кормовыхъ продуктовъ, Лисичане не позволяли ничего брать, говоря: «Не по закону, нельзя». (Къ этимъ послѣднимъ словамъ я въ своемъ мѣстѣ еще возвращусь).

По дѣлу Филимонова, того же уѣзда, видно, какъ то показываетъ свидѣтель Колесникъ, что Лисичане проѣздомъ черезъ село съ базара кричали крестьянамъ: «Что вы смотрите, Чутова уже разграблена». Въ объясненіи же самого потерпѣвшаго проскользнули еще и слѣдующія свѣдѣнія. Когда разграбленіе его экономіи кончилось, всѣ уже разъѣхались, къ нему въ домъ вошли внезапно 3 Лисичанъ: «Откройте амбары, — говорили они, — мы хотимъ видѣть, исполнили ли Федоровцы нашъ приказъ». (Послѣднее сообщено мнѣ Старшимъ Предсѣдателемъ Ф. Ф. Арнольдомъ и Губернскимъ Предводителемъ Бразоль, такъ какъ въ моментъ этого показанія я былъ по дѣлу въ сосѣдней совѣщательной комнатѣ).

Почти по всѣмъ дѣламъ этого рода всѣ сходятся во мнѣніи, что пропаганда и книжки шли преимущественно изъ Лисичьей. Напримѣръ:

1. Это утверждали всѣ обвиняемые по дѣлу Чамара, Костырко и Гриневича въ своемъ послѣднемъ словѣ.

2. То же утверждаетъ бывшій исправникъ Андріевскій, сожалѣя, что онъ объ этомъ узналъ только послѣ событія.

3. Это же говорятъ и Чеботаревъ и учитель Скрыпкинъ изъ села Максимовки.

4. По дѣлу Роговскаго это устанавливается и обвиняемыми и свидѣтелями.

5. Въ томъ же смыслѣ высказывается и священникъ деревни Сторожевой Базилевскій.

И однихъ сказанныхъ указаній, какъ кажется, достаточно, въ связи съ остальнымъ, чтобы признать, что крестьяне деревни

Лисичьей имѣли въ дѣлѣ о безпорядкахъ совершенно исключительную и рѣшающую роль.

Но, кромѣ того, извѣстная группировка свидѣтельскихъ показаній даетъ еще основаніе заключить, что между крестьянами этой деревни существовала и извѣстная сплоченная организація. Такъ, напримѣръ, Чеботаревъ говоритъ, что ходили слухи, что Лисичане совершенно сплочены, собираются на сходки по звонку и тамъ рѣшаютъ дѣла о грабежахъ, не допуская къ себѣ постороннихъ. Священникъ Базилевскій къ этому прибавляетъ: «Все гнѣздо было въ Лисичьей, они даже до безпорядковъ выгнали безнаказанно станового».

На нѣкоторую неясность вопроса о неповиновеніи полицейскому чиновнику со стороны Лисичанъ проливаетъ свѣтъ допрошенная на предварительномъ слѣдствіи, но почему-то на судъ не вызванная, сельская учительница Раиса Базилевская. Она говоритъ, что послѣ Масляной (значитъ, приблизительно, въ концѣ февраля) пріѣзжалъ становой приставъ производить обыски по поводу запрещенныхъ книгъ, но Лисичане обошлись съ приставомъ грубо, причемъ не дали ему арестовать намѣченныхъ 3-хъ человѣкъ. Вотъ, слѣдовательно, на что намекалъ крестьянинъ Левенко, приглашая Смородщанъ на грабежъ.

По дѣлу Роговскаго обвиняемые говорили: «Вся пропаганда шла из Лисичьей, слыхали, что туда начальство пріѣхало, думали имъ бѣда будетъ. Но узнали, что комиссія сказала, что всего у пановъ брать нельзя, а только половину. Тогда пошли и мы грабить».

Для объясненія вопроса о той комиссіи, о которой говорятъ крестьяне, необходимо возвратиться къ показаніямъ: 1) учителя Скрыпкина, по дѣлу Водяницкаго (Константиноградскаго уѣзда). Изъ этого показанія видно, что свидѣтель доносилъ о нахожденіи въ селѣ запрещенныхъ книгъ, за что Максимовка была на него очень недовольна. Вслѣдствіе этого, въ началѣ марта, пріѣзжалъ жандармскій офицеръ, но ничего не сдѣлалъ, и 2) учительницы въ дер. Лисичьей Базилевской: 27 марта, — говоритъ она,—въ деревню пріѣзжала комиссія (очевидно, тоже жандармы), производить дознаніе о распространеніи книгъ преступнаго содержанія, тогда же казакъ Василецъ подалъ жалобу за расхищеніе у него сѣна, комиссія отвѣчала, что это не ея дѣло, что она касается только пропаганды. Крестьяне же истолковали этотъ отвѣтъ, какъ подтвержденіе ихъ правъ грабить.

Выше мной отмѣчено, какъ обвиняемые по дѣлу Роговскаго пояснили это же обстоятельство и, какъ видимо, зорко слѣдили крестьяне за тѣмъ, что совершалось въ дер. Лисичьей.

Изъ дальнѣйшаго показанія Базилевской выясняется, что Лисичане дѣйствовали сговорившейся массой и участвовали во всѣхъ окрестныхъ грабежахъ. Лисичане были очень озабочены узнать, кто донесъ о книжкахъ, обѣщая раздѣлаться съ доносчикомъ по-своему.

Изъ нихъ крестьянинъ Власъ Коркишка, между прочимъ, высказывался въ томъ смыслѣ, что земля должна быть раздѣлена между всѣми, что по смерти кого-либо земля отбирается.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, какъ, видимо, много содѣйствовали развитію безпорядковъ и преступное бездѣйствіе и невѣжество не только общей, но и жандармской полиціи.

Такимъ образомъ, какъ мнѣ кажется, я успѣлъ доказать, что ко дню открытія безпорядковъ въ деревнѣ Лисичьей Константиноградскаго уѣзда, были вполнѣ организованные кадры умѣлыхъ агитаторовъ изъ мѣстныхъ же крестьянъ, рѣшающее вліяніе которыхъ проходитъ красной нитью во всѣхъ дѣлахъ по Полтавской губерніи.

Откуда явилась пропаганда, какимъ путемъ она дошла до Лисичанъ?

IV.

Пропаганда въ деревнѣ Лисичьей и политическое дознаніе.

Чтобы отвѣтить на эти вопросы мнѣ было недостаточно данныхъ, добытыхъ на судебныхъ слѣдствіяхъ, я искалъ ц иныхъ источниковъ.

Благодаря любезности прокурора Полтавскаго окружного суда, барона Тизенгаузена, мнѣ были сообщены данныя и политическія дознанія. Кардинальная фигура, по мнѣнію моему, въ этомъ дѣлѣ, Алексѣенко, весьма слабо очерчена. Несомнѣнно, добыты онемъ такія косвенныя улики, на основаніи которыхъ получается впечатлѣніе, что дѣло пропаганды безъ его участія не обошлось, но самая дѣятельность Алексѣенко въ деревнѣ Лисичьей осталась совершенно открытымъ вопросомъ. Товарищъ прокурора Хаецкій говорилъ мнѣ, что всѣ нити, съ какой бы стороны ни смотрѣть на дѣло, ведутъ въ деревню Лисичью, а тамъ пропадаютъ, такъ какъ здѣсь дознаніе наталкивается на такую сплоченную солидарность крестьянъ въ отрицаніи, при которой никакихъ новыхъ свѣдѣній добыть нельзя. Далѣе, въ качествѣ обвиняемыхъ привлекаются и тѣ 4 крестьянина-агитатора, которые, какъ я докладывалъ на предыдущихъ страницахъ этой записки, дѣйствительно въ числѣ прочихъ принимали наибольшее участіе въ организаціи безпорядка. Имѣются также строки, указывающія, что лицо, производившее дознаніе, не могло отрѣшиться отъ увлеченія таинственной стороной дѣла. Это тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о какихъ-то господахъ, совѣщавшихся на опушкѣ лѣса, и о коробейникахъ, разносящихъ прокламаціи. Все это остается на почвѣ разсказовъ и ничѣмъ не доказано. Обращаясь засимъ къ ряду лицъ, еще привлекаемыхъ по этому дознанію къ отвѣту, я не могъ себѣ уяснить, какую связь они имѣютъ съ Алексѣенко и деревней Лисичьей.

Безспорными данными, однако, установлено, что малорусская литература преступнаго содержанія могла быть введена въ населеніе не ранѣе самаго конца 1901 г. (выяснилось на судѣ). Но рядомъ съ этимъ въ извѣстной части настоящей записки установлено также неоспоримыми фактами, что безъ дѣятельной агитаціи Лисичанъ, имѣвшихъ уже и выработанную, очевидно, гораздо ранѣе опредѣленную, сплоченную организацію, вліяніе названной литературы не могло само по себѣ произвести тѣхъ безпорядковъ, размѣръ которыхъ опредѣляется именно этимъ участіемъ Лисичанъ.

Такимъ образомъ, дознаніе, что не противорѣчитъ и мнѣнію товарища прокурора Хаецкаго, не давая положительнаго отвѣта на вопросы, поставленные мною въ началѣ этой главы: откуда явилась пропаганда, какимъ путемъ и какъ она дошла до Лисичанъ, представляетъ въ моихъ цѣляхъ матеріалъ малоцѣнный, и своей расплывчатостью и хаотичнымъ собраніемъ большей частью всякихъ слуховъ, но не убѣдительныхъ фактовъ, проливаетъ мало свѣта на дѣло, въ томъ направленіи, какъ это было бы желательно.

Меня интересовалъ вопросъ, почему такъ слаба по результатамъ въ этомъ случаѣ дѣятельность жандармской полиціи.

Изъ разговоровъ съ лицами прокурорскаго надзора и чинами мѣстнаго жандармскаго управленія (полковникомъ Преферанскимъ, подполковникомъ Александровымъ и ротмистромъ Ивановымъ), я пришелъ къ слѣдующему выводу:

1. Чины жандармскаго корпуса своей многолѣтней службой приспособлены къ дѣятельности на известной опредѣленной почвѣ, при наличности притомъ объектовъ или изъ среды интеллигентовъ-одиночекъ или полуинтеллигентныхъ рабочихъ. Къ сему приспособлена вся жандармская техника. Стороны другъ друга изучили и хорошо другъ друга знаютъ. Отношенія жандармскаго офицера къ такого рода обвиняемымъ опредѣленно выработаны практикой. Даже циклъ вопросовъ обвиняемому извѣстенъ, какъ по трафарету. Скажу болѣе, по такимъ дѣламъ имѣются даже опредѣленнаго типа свидѣтели.

И вдругъ безъ всякой предварительной подготовки, съ такимъ багажемъ были призваны эти чины разобраться въ совершенно новомъ явленіи, по дѣлу, быть можетъ, весьма простому по формѣ, но очень сложному по существу. Пришлось, кромѣ того, имѣть дѣло съ людьми, которые по своей внутренней психологіи и по нравамъ и обычаямъ совершенно имъ чужды.

Здѣсь слѣдователю нуженъ былъ иной кругозоръ, иное знаніе жизни, иную привычку къ пониманію значенія и характера дѣйствовавшихъ въ дѣлѣ лицъ.

Нельзя еще упускать изъ вида, что крестьяне давно извѣрились во всякое начальство и, послѣ бывшихъ надъ ними весной сего года экзекуцій, еще болѣе ушли въ себя и замкнулись.

Что же тутъ удивительнаго, что чины жандармскаго корпуса не справились съ широтой задачи, въ чемъ, впрочемъ, они мнѣ и лично въ разговорахъ сознавались, признавая свое въ этомъ дѣлѣ безсиліе. Была тутъ и другая сторона, которая равнымъ образомъ внесла и свою лепту вреда. Производство о крестьянскихъ безпорядкахъ было поручено ротмистру Беклемишеву. Почти одновременно начальникомъ управленія назначенъ полковникъ Преферанскій, оба изъ Кіева, оба другъ къ другу давно не расположенные. При этомъ Беклемишевъ былъ поставленъ въ независимое отъ управленія положеніе.

Получилась поэтому картина наличности въ предѣлахъ Полтавской губерніи двухъ жандармскихъ властей, да еще въ такое смутное время.

На фонѣ провинціальной жизни и ея узкихъ интересовъ создалась почва для всякихъ контръ и сплетенъ. Бывая у Преферанскаго, я слышалъ много въ этомъ смыслѣ разговоровъ.

При совокупности всѣхъ вышеизложенныхъ фактовъ, данное дѣло было поставлено, какъ видно, въ весьма невыгодныя условія.

Беклемишева я лично не знаю, но слышалъ, что онъ очень способный и дѣльный офицеръ.

Изъ частныхъ же разговоровъ съ Полтавскимъ городскимъ головой Трегубовымъ, дядей Алексѣенко, я извлекъ свѣдѣнія, что послѣдній, будучи сыномъ сестры жены Трегубова, владѣющей 550 д. земли при деревнѣ Лисичьей, чуть ли не со старшихъ гимназическихъ классовъ все свободное свое время проводилъ въ деревнѣ. Такое пристрастіе, особенно развившееся въ смыслѣ постояннаго общенія съ крестьянами, въ послѣдніе годы удивляло Трегубова. Онъ не разъ говорилъ Алексѣенко: «охота тебѣ съ ними возиться, устраивать елки, ходить по избамъ, ихъ лѣчить». Къ сему Трегубовъ, видимо желая обѣлить родственника, прибавлялъ: «Алексѣенко полуумный, такъ мы его въ семьѣ и считали, онъ не могъ быть пропагандистомъ». Губернскій же предводитель Бразоль къ сему въ свою очередь разсказывалъ, что въ Лисичью часто ѣздилъ и нѣкій студентъ Губаревъ (сынъ служащаго въ Полтавскомъ земельномъ банкѣ), человѣкъ также политически неблагонадежный. Куда дѣвался Губаревъ, не знаю, вѣроятно, противъ него не собрано уликъ, достаточныхъ для привлеченія.

Затѣмъ въ моемъ распоряженіи имѣются еще и показанія Коломійца, арендатора, живущаго уже давно въ той мѣстности, который прямо указываетъ, что Лисичане стали измѣняться къ худшему именно за послѣдніе 3 года, т.-е. съ тѣхъ поръ, какъ Алексѣенко особенно часто пріѣзжалъ къ себѣ въ имѣніе. Коломіецъ еще говорилъ, что одинъ изъ рабочихъ, фамилію котораго не помнитъ, посвящалъ его въ то, что въ Лисичьей Алексѣенко собираетъ сходки молодежи, читаетъ имъ книжки и о чемъ-то съ крестьянами толкуетъ.

Если этому всему повѣрить, то дѣло гораздо проще, чѣмъ могло казаться сначала.

Алексѣенко вѣдь былъ не чужой среди Лисичанъ, у него тамъ было много и товарищей дѣтскихъ игръ въ деревнѣ. А рядомъ съ этимъ онъ не могъ не быть освѣдомленъ о тяжкомъ экономическомъ положеніи этихъ сельчанъ и о благопріятной для пропаганды почвѣ. По мнѣнію моему, эффектъ этой случайно, повидимому, зародившейся въ с. Лисичьей пропаганды былъ неожиданностью какъ для правительства, такъ и для самой революціонной партіи, въ ней ближайшаго участія не принимавшей.

Я бы считалъ этотъ отдѣлъ не законченнымъ, если не поставилъ бы себѣ къ разрѣшенію еще и слѣдующаго вопроса: что же случилось съ нашимъ народомъ, что такъ отрицательно на него подѣйствовало?

Вѣдь еще такъ недавно, 10-ть или 12-ть лѣтъ тому назадъ, всякаго сюртучника, являющагося съ пропагандой на село, влекли немедленно къ становому.

Еще чернила не обсохли на перьяхъ представителей всѣхъ фракцій революціонной партіи, печатно въ заграничныхъ своихъ изданіяхъ заявлявшихъ, что, къ сожалѣнію, русское населеніе деревни совершенно не доступно ихъ вліянію.

Если не ошибаюсь, въ 1892 г. на моихъ глазахъ произошелъ разгромъ горнозаводскими рабочими, сбѣжавшимися со всѣхъ сторонъ, мѣстечка Юзовки (Бахмутскаго уѣзда). Всѣ лавки были разграблены, кабаки разбиты, рядъ домовъ обливался керосиномъ и поджигался. Буйство длилось, кажется, около 2 дней, такъ какъ стоявшая тамъ казачья сотня должна была отступить, а войска изъ Екатеринослава еще не поспѣли. Надо сказать при этомъ, что вся окрестная мѣстность сравнительно густо заселена крестьянскими деревнями и хуторами. Буйствующіе, а вѣрнѣе, ихъ руководители, сдѣлали было попытку привлечь къ себѣ эти массы. Но крестьяне спокойно выставили на границахъ караулы и никого къ себѣ не пустили.

Я помню, какъ всѣ мы, встревожившіеся событіемъ, скоро успокоились, узнавъ, какой для насъ надежный оплотъ крестьянство.

Что же произошло съ тѣхъ поръ, что измѣнилось?

Вѣдь десять лѣтъ въ жизни цѣлаго народа—это весьма малая величина.

Въ прошломъ году, за границей, мнѣ случилось встрѣтиться съ однимъ извѣстнымъ иностраннымъ ученымъ по соціальнымъ вопросамъ: «Знаете ли, говорилъ онъ мнѣ, ваша страна представляетъ мнѣ наибольшій интересъ для наблюденій изъ всѣхъ почти странъ міра». Такой изумительный, быстрый ростъ въ экономическомъ и культурномъ отношеніи, какими-то неудержимыми скачками впередъ. Вѣдь это совершенно противорѣчитъ всѣмъ выводамъ науки и опыту. То, что Европѣ доставалось упорнымъ, вѣковымъ трудомъ, вами достигается въ нѣсколько лѣтъ. А что говорятъ ваши мужики!».

Прощаясь, этотъ мой знакомый прибавилъ: «Во всякомъ

случаѣ, это явленіе очень интересное, но послѣднее слово о немъ сказать еще рано».

А что дѣйствительно наша родина пережила небывалое экономическое за это время переустройство, это не секретъ ни для кого, развивать здѣсь то, что всѣмъ извѣстно, и не надлежитъ.

Мы даже, скажу въ частности, за послѣдніе годы сумѣли создать въ числѣ прочаго, напримѣръ, металлургическую промышленность, стоившую намъ чуть ли не сотню милліоновъ, и успѣли уже ее и разорить.

Сдѣлали мы много, дѣйствительно много. Но спѣша жить, мы совершенно забыли попутно заглянуть въ нашу стомилліонную же крестьянскую массу, справиться, какъ на ней все это отражается, достаточно ли она мощна перенести искусъ. Соотвѣтствуютъ ли рядомъ съ этимъ охраняемыя нами условія жизни и быта крестьянъ съ тѣмъ напряженіемъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, которыя отъ нихъ потребовались для исполненія такой огромной задачи.

Вотъ я на послѣдующихъ страницахъ и дозволю себѣ обслѣдовать эту область и, быть можетъ, въ конечномъ выводѣ смогу дать на эти вопросы нѣсколько болѣе компетентный отвѣтъ.

V.

Экономическое положеніе.

Въ Полтавской губерніи на 1 января 1900 г. значится жителей 2.936.579 д. о. п., площадь же земли равна 4.144.875 д.

Въ частности сельское населеніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Казаковъ	1.151.398
Каз. крестьянъ	306.244
Госуд. крестьянъ	88.265
Крестьянъ собствен.	895.998
Всего	2.443.905

Земли на это количество населенія причитается:

Казакамъ	1.358.126 д.
Товариществамъ	76.666 д.
Помѣстн. влад. каз. и крестьянъ	40.009 д.
Купл. крестьянск. обществами	23.948 д.
Кр. собств. др. губерній	4.387 д.
Кр. собственникамъ	886.623 д.
Всего	2.370.759 д.

ПРИМѢЧАНІЕ. Ссылаясь на цифры о населеніи, я принимаю за исходную точку наличное число душъ о. п., а не мужскаго отдѣльно, потому что всѣ разсужденія въ источникахъ, на которые я опираюсь основаны на томъ же.

т.-е. при самомъ широкомъ счетѣ всѣхъ земель, безъ остатка, получается на душу нѣсколько менѣе 1½ десятины (Статистическій Ежегодникъ Полтавскаго Губернскаго Земства за 1901 г., стр. 213, 214 и 267).

Принимая, далѣе, за исходную точку лучшій за послѣдніе 13 л.—1899 г., получается, что на хозяйство крестьянъ и казаковъ нехватаетъ отъ своихъ посѣвовъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей 10.483.740 п. хлѣба (считая по 18 п. на наличную душу хлѣба въ годъ). Площадь земли, могущая поступить путемъ найма сельскому населенію, пополняетъ недостатокъ въ размѣрѣ около 3½ милліоновъ. Изъ сего слѣдуетъ, что люди эти вынуждены куплей добыть еще около 7 м. пудовъ хлѣба, считая по 50 к. за 1 п. ржи, на сумму около 3½ милліоновъ рубл. А такъ какъ у населенія денегъ нѣтъ, то ему приходится ихъ получать съ прибавкой значительныхъ % въ видѣ займовъ или тяжкой работы. Изъ имѣющагося, далѣе, въ распоряженіи моемъ матерьяла, видно, что работа поденная въ губерніи оплачивается весьма скудно, промышленность развита слабо, кустарныхъ промысловъ также нѣтъ. Площадь отхожихъ заработковъ съ развитіемъ изъ года въ годъ производства сельскохозяйственныхъ машинъ равно уменьшается. Нѣкогда благословенный Кавказъ скоро будетъ совсѣмъ закрытъ, по отсутствію потребности къ приливу внѣшняго элемента въ его предѣлы. Въ Кубанской области, кромѣ казаковъ и горцевъ, имѣется свое, такъ называемое иногороднее населеніе, около 800.000 человѣкъ, притомъ въ земельномъ отношеніи совершенно не устроенное.

Между тѣмъ изъ статистическихъ же данныхъ видно, что въ Полтавской губерніи уже въ 1900 году было 16,9% населенія безземельнаго. Какъ наглядный примѣръ формъ этого безземелья, я указываю, въ числѣ прочихъ, на селеніе Максимовку Константиноградскаго уѣзда, жители которой принимали наиболѣе дѣятельное участіе въ безпорядкахъ. Въ первой части этого селенія на 657 душъ обоего пола полагается 28 дес. 184 кв. саж. земли, во второй части на 413 душъ—32 дес. 650 кв. саж. (т.-е. владѣніе только одними усадьбами). Кромѣ того, изъ свѣдѣній, доставленныхъ мнѣ Полтавскимъ губернскимъ присутствіемъ, по распоряженію губернатора, еще въ 15-ти обществахъ волостей, принимавшихъ участіе въ безпорядкахъ, нѣтъ земельныхъ надѣловъ. Въ частности же въ деревнѣ Лисичьей на 445 д. о. п.—земли 245 дес. 1.792 кв. саж., въ деревнѣ Смородищинѣ, какъ то показалъ Полтавскій исправникъ Коваленко, по дѣлу Роговскаго, на 470 д. о. п.—175 дес. земли.

Обращясь затѣмъ къ уѣздамъ, пораженнымъ безпорядками, видно, что въ Константиноградскомъ уѣздѣ нехватаетъ хлѣба отъ урожая на собственныхъ поляхъ, 75% всѣхъ хозяйствъ, а въ Полтавскомъ уѣздѣ—54%.

Съемочныя цѣны въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ съ 1886 г. по 1900 г., т.-е. за 14 лѣтъ, поднялись подъ яровой хлѣбъ на

123%, подъ озимый—на 92%, во второмъ уѣздѣ—на 32% и 38%. Особенно рѣзкій подъемъ цѣнъ воспослѣдовалъ съ 1897 г.

При этомъ нужно замѣтить, что площадь отдаваемыхъ въ наемъ земель и по такимъ цѣнамъ съ каждымъ годомъ сужи-вается. Въ нынѣшнемъ урожайномъ 1902 г. арендныя цѣны, какъ мнѣ извѣстно, возросли еще выше.

Тяжесть положенія крестьянскаго населенія данной мѣстности вырисовывается ярче, если принять во вниманіе то обстоятельство, что землевладѣльцы и арендаторы, преслѣдуя экономическія свои выгоды, отдаютъ землю въ наймы крестьянамъ. преимущественно, подъ уборку хлѣба. Въ Константиноградскомъ уѣздѣ за одну деся-тину полевой подъ хлѣбъ требуется уборка, часто с возкой, по 2 дес. экономическаго хлѣба. Въ Полтавскомъ уѣздѣ, крестьяне убираютъ за 1 дес. до 3-х. Выпасы для скота даютъ, но не всегда и за тяжкія отработки въ полѣ. Въ иныхъ мѣстахъ крестьяне вовсе не имѣютъ, гдѣ пасти, лишены коровъ или должны дер-жать свой скотъ на привязи.

Если разсчитать то количество времени, которое крестья-нинъ долженъ употребить для исполненія экономическихъ работъ за нанимаемую имъ землю, а врядъ ли можно оспаривать то по-ложеніе, что только площадь в 6 дес. обезпечиваетъ при налич-ности элементарныхъ пріемовъ хозяйства крестьянскій домъ хлѣбомъ на круглый годъ, то, такимъ образомъ, получится, что когда иной крестьянинъ обратится къ своей нивѣ, то тамъ пере-спѣлый колосъ уже успѣетъ потерять часть зерна, и правы тѣ обвиняемые, которые въ своихъ рѣчахъ, жалуясь на тяжесть по-ложенія, указываютъ и на это обстоятельство, какъ его усугуб-ляющее.

Статистическія свѣдѣнія этой части записки извлечены изъ изданія Губернскаго Земства о переселеніи изъ Полтавской гу-берніи, выпускъ II (1894—1901 г., стр. 78 и 79 и др.).

Обращаясь засимъ къ экономическому положенію пораже-ныхъ безпорядками уѣздовъ Харьковской губерніи, усматривается, что условія жизни тамошнихъ крестьянъ врядъ ли лучше Кон-стантиноградскихъ. Во-первыхъ, изъ сборника журналовъ Вал-ковскаго уѣзднаго земскаго собранія, очередной сессіи за 1901 г. и чрезвычайныхъ въ февралѣ и мартѣ 1902 г. усматривается, на стран. 44, что управа признавала недородъ хлѣба в 1901 г. въ одной трети уѣзда, но зато почти полный и повсемѣстный не-урожай огородныхъ овощей, картофеля и капусты, что значи-тельно ухудшало положеніе. По отношенію урожая сѣна и со-ломы, т.-е. корма для рабочаго скота, весь уѣздъ опредѣлился въ неблагопріятномъ положеніи. Рядомъ съ этимъ, по мнѣнію мѣстнаго земскаго начальника Глушкова, съ постройкой въ пре-дѣлахъ Валковскаго и Богодуховскаго уѣздовъ 2-хъ сахарныхъ заводовъ площадь земель, отдаваемыхъ крестьянамъ, значи-тельно сузилась, и поднялись арендныя на землю цѣны.

Не имѣя въ своемъ распоряженіи точнаго статистическаго сборника по данной губерніи, обращусь исключительно къ матерьяламъ судебныхъ слѣдствій, могущихъ освѣтить условія экономическаго быта крестьянъ. Такъ, напримѣръ, по дѣлу Яхонтовой выяснилось, что у крестьянъ по 1 десятинѣ земли на наличную мужскую душу, арендная плата подъ хлѣбъ до 12 р., отработокъ же требуется въ видѣ уборки и возки до 2-хъ десятинъ. Пастьбу для коровы 10 р. за лѣто, при чемъ на 1 десятину пускается 10 коровъ. По дѣлу Богаевскаго выяснилось, что крестьяне имѣютъ своей земли по 1½ десятины на мужскую душу, но зато окружены помѣщиками, которые имъ почти не даютъ земли. По дѣлу Заболотнаго, по показанію свидѣтеля Григорія Буряка, установлено, что здѣсь земля подъ хлѣбомъ доходитъ до 15 р. за десятину. Земскій начальникъ Глушковъ присовокупилъ, что требуютъ до 3-хъ десятинъ уборки за 1 десятину, а за деньги давать отказываютъ. По дѣлу Лингарта, изъ разговоровъ съ обвиняемыми, выяснилось, что земли въ ихъ селѣ по ¼ дес. усадьбы и ¼ дес. полевой по наличному числу мужскихъ душъ на каждаго. Лингартъ допускаетъ попасъ только коровъ, остальной скотъ держатъ крестьяне на привязи.

Земля подъ уборку 3-хъ д. за 1 десятину. Новоселовскій старшина говоритъ, что его волость считается земельной, и тамъ на наличную мужскую душу 1,12 д. земли причитается.

По дѣлу Корсуна выяснилось, что у крестьянъ ⁸/₁₀ дес. на наличную мужскую душу. Въ Валковской волости также ⁸/₁₀ дес.

Къ сему считаю долгомъ присовокупить нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ какъ настроеніе толпы и отдѣльныхъ лицъ во время и послѣ грабежа, а равно устанавливающихъ еще рельефнѣй экономическое положеніе крестьянъ этой мѣстности.

Валковскій уѣздъ.

Когда потерпѣвшій Фесенко обратился къ толпѣ, пришедшей его грабить, съ вопросомъ, за что они хотятъ его разорить, обвиняемый Зайцевъ сказалъ: «У тебя на одного 100 дес., а у насъ по 1 д. на семью. Попробовалъ бы ты прожить на 1 д. земли, тогда бы посмотрѣлъ, какъ мы бы тебя кормили». Когда свидѣтель Козенецъ обратился къ одному изъ подсудимыхъ, уже въ послѣдней стадіи грабежа въ экономіи Яхонтовой съ увѣщаніемъ прекратить буйство, тотъ отвѣчалъ: «Какъ ты думаешь, могу ли я жить на ¾ д.?», и спокойно увезъ, засимъ, цѣлый возъ награбленнаго добра домой. По дѣлу же Яхонтовой, крестьянинъ Кіянъ сказалъ на судѣ приблизительно слѣдующее: «Позвольте разсказать Вамъ о нашей несчастной мужичьей жизни. У меня отецъ и 6-ть малолѣтнихъ, безъ матери, дѣтей. Надо жить — на усадьбѣ ¾ десятины, полевой ¼ дес. земли. За пастьбу коровы мы платимъ по 12 р. за штуку арендатору Кузьминову, а за десятину подъ хлѣбъ работать 3 д. уборки. И это все вотъ этими 2-мя

мужичьими руками! Теперь даже и за такую цѣну земли съ трудомъ найдешь. Жить намъ такъ нельзя, продолжалъ Кіянъ, мы въ петлѣ! Что же намъ дѣлать? Обращались мы, мужики, всюду. И у земскаго начальника были, ходили и въ земскую управу, нигдѣ насъ не принимаютъ, нигдѣ намъ нѣтъ помощи».

Свое слово Кіянъ сказалъ сильнымъ, страстнымъ голосомъ, въ которомъ вмѣстѣ съ нотами отчаянія, слышались еще большія, озлобленія.

Обращаюсь къ Полтавской губерніи.

Константиноградскій уѣздъ.

По дѣлу Трепке, обвиняемый Шамайда говоритъ, что крестьяне всюду обращались съ просьбой не назначать такихъ тяжкихъ отработковъ и давать землю за деньги, но слышали только отказъ. Крестьяне бѣдны и экономіи этимъ пользуются. Приходится работать только на нихъ, а своего хлѣба убирать некогда. Волостной старшина Шкатъ говоритъ, что изъ 400 дворовъ въ Базилевщинѣ, 70-ть не имѣютъ никакой движимости. Въ 1901 г. кормили скотъ крышами. Старшина Угаровъ, по дѣлу Чамары, говоритъ, если бы народу жилось лучше, не поѣхали бы грабить. Свидѣтели Перцовой и Вербицкій показали по дѣлу Костырко и Гриневича, что когда спрашивали у грабителей, почему они берутъ сѣно, они говорили: «потому, что наша скотина дохнетъ съ голоду».

Обвиняемый Максимъ Гречка по тому же дѣлу объясняетъ, что у него 6 дѣтей, жена и ¾ десятины земли.

Загородній: «земли нѣтъ, одна усадьба, 4 дѣтей»,—сказалъ и заплакалъ.

Бывшій исправникъ Андріевскій о Лодыженцахъ показалъ, что положеніе ихъ плохое, даже скотъ свой держатъ на привязи. Свидѣтели по дѣлу Воликова, Семеренько и Попель показали, что обвиняемый Глустъ во время грабежа говорилъ: «Вотъ я не пью, работаю усердно, а у меня ничего нѣтъ». Когда ему предлагали возвратить захваченный хлѣбъ, отвѣчалъ: «Мнѣ ѣсть нечего, мнѣ сѣять нечего».

Шавырчевъ, управляющій Павлова, свидѣтельствовалъ, что крестьяне ту зиму готовы были работать по 5 к. въ день, лишь бы давали имъ ѣсть. Экономія, изъ жалости, платила 15 коп.

Установлено, что у обвиняемаго Маслянкина слѣдующій составъ семьи: ихъ 3 брата съ женами, дѣтей 17—23 души, земли 2¾ дес. Рядъ свидѣтелей доказываетъ, что Ольховатцы грабили потому, что ѣсть нечего.

Полтавскій уѣздъ.

По дѣлу Ковалевки свидѣтель Пастернацкій говоритъ, что, когда онъ увидѣлъ бабу, несущую только что родившагося поро-

сенка, спросилъ: «Куда несешь, все равно сдохнетъ», — она отвѣчала: «Пускай сдохнетъ, лишь бы не пану». Обвиняемый Антонъ Задой кричалъ: «Въ тюрьму всѣхъ не возьмете, а Сибирь нашего Царя, тамъ землю даютъ».

Убитый старикъ Шанда говорилъ земскому начальнику: «Какъ мнѣ не грабить, у меня земли ступни нѣтъ». Позенко кричалъ, что онъ 2 раза былъ въ тюрьмѣ и ничего не боится. Свидѣтель Коваленко, по дѣлу Трепке, показалъ, что когда крестьяне собирались на грабежъ, они говорили: «У насъ нѣтъ ничего, ни хлѣба, ни пастьбы для скота». Въ этомъ селѣ, по показанію Борчакова, на 130 дворовъ—38 коровъ. Учитель Свѣтловъ, по дѣлу Старицкаго, удостовѣрилъ, что нѣкоторые крестьяне ту зиму пекли хлѣбъ изъ подсыпки для скота. Въ Степановкѣ ¼ д. на душу и нѣтъ ни одной коровы.

Если при этомъ вспомнить представленныя мной особо показанія контръ-адмирала Старицкаго, старостъ Гайдука и Гладкаго, надо признать, что эта часть грустной картины дѣла надлежаще освѣщена.

Таковы экономическія условія жизни крестьянъ, участвовавшихъ въ безпорядкахъ весной сего года, и таково ихъ было настроеніе.

Ясно, что постепенно увеличивается въ предѣлахъ губерніи такимъ путемъ сельскій пролетаріатъ, т.-е. контингентъ людей, которымъ терять нечего, людей, доведенныхъ хроническимъ недоѣданіемъ и проистекающими изъ сего болѣзнями до отчаянія. Наличность такого порядка вещей развиваетъ собой естественную почву озлобленія все болѣе и болѣе увеличивающагося класса неимущихъ къ имущимъ. Это готовые кадры къ воспріятію всякихъ ложныхъ слуховъ, самыхъ нелѣпыхъ по существу, лишь бы лица, ихъ распространяющія, сулили путь къ выходу изъ невозможно тяжкаго положенія.

Что же тутъ удивительнаго, если народъ, усталый до изнеможенія отъ хроническихъ и тяжкихъ лишеній, не только въ матерьяльной, но, какъ я то ниже постараюсь доказать, и въ гражданско-духовной своей жизни, начинаетъ вывѣтривать традиціонный свой духъ, бывшій доселѣ благополучіемъ всей совокупности нашей русской государственной жизни.

VI.

Переселеніе и Крестьянскій Поземельный Банкъ.

И губернскій предводитель Бразоль и предсѣдатель Полтавской губернской земской управы Лизогубъ обращали мое вниманіе на то обстоятельство, что нансущественнѣйшія причины, препятствующія правильному развитію экономической жизни въ губерніи, суть ложная постановка дѣла переселенія и дѣятельности

Крестьянскаго Поземельнаго Банка, такъ какъ правительство и въ томъ и другомъ случаѣ идетъ навстрѣчу запросамъ лишь болѣе состоятельной части населенія, а сельскій пролетаріатъ остается безъ помощи и служитъ опасной тяготой въ губерніи, во всѣхъ отношеніяхъ.

Приступивъ къ изслѣдованію затронутыхъ вопросовъ, я обратился въ части, касающейся переселенія, къ изданію губернскаго земства. «Переселеніе изъ Полтавской губерніи, выпускъ II (1894—1901 г.)» ко 2-ой его главѣ: Объ отношеніи законодательства и администраціи къ переселенческому вопросу (стр. 7—48).

Вотъ что говоритъ, между прочимъ, составитель названнаго изданія: Основной взглядъ правительства на переселеніе остался и теперь тотъ же, что и прежде. Переселеніе допускается только по необходимости, при чемъ изобрѣтаются различные способы ограничить населеніе въ его стремленіяхъ найти выходъ изъ тяжелаго экономическаго и соціальнаго положенія путемъ эмиграціи, поставить переселенческое движеніе въ границы, не выходящія изъ предѣловъ административнаго контроля, опеки и воздѣйствія.

Самые разнорѣчивые циркуляры, одинъ другому противорѣчащіе, тайна, въ которую почему-то облекаются всѣ распоряженія центральной власти по этому дѣлу, внесли большой хаосъ въ эту область, реагируя на населеніе, рядомъ съ этимъ, въ сторону возбужденія его недовольства за тѣ препятствія, которыя оно встрѣчаетъ въ этомъ своемъ естественномъ стремленіи къ выходу изъ тяжкой экономической среды, а равно создаетъ почву для всякаго усмотрѣнія и притѣсненія мѣстныхъ ближайшихъ къ крестьянамъ властей.

Правительство никогда не смотрѣло на вопросъ о переселеніи какъ на вопросъ, имѣющій за собой важное политическое значеніе; его также, видимо, не тревожило, что напримѣръ, въ 1898 г., въ разгаръ дѣйствія закона о ходачествахъ, число самовольныхъ переселеній изъ Полтавской губ. достигло 44%, не взирая на всякія запретительныя мѣры и дѣйствія властей.

Правительство, видимо, все это дѣло ставитъ на почву чисто экономическую, т.-е. взаимной выгоды договаривающихся сторонъ. До 1895 г., напримѣръ, для переселенія въ Южно-Уссурійскій край требовалось отъ лицъ 1-й категоріи, для права выхода, кромѣ денегъ на проѣздъ, еще и наличность 600 р. для каждой семьи, для 2-й категоріи — 300 р., т.-е. для тѣхъ, кои идутъ только за восполненіемъ желанія первыхъ, Съ 1895 г. требуютъ, правда, уже для первой очереди всего лишь 300 р. Тѣ же, кои, кромѣ платы за проѣздъ, имѣютъ не менѣе 150 р., идутъ только какъ резервъ, въ крайнемъ случаѣ.

Такимъ образомъ, доступъ къ переселенію фактически получается для состоятельныхъ, а обездоленные остаются на мѣстахъ (Переселеніе из Полтавской губ., выпускъ I, стр. 183, 184).

Одинъ законъ о ходакахъ чего стоитъ населенію.

Въ Полтавской губ. неудачныя ходачества только за 1900 г. унесли около 150.000 рубл.

Въ теченіе 1896 до 1900 года, т.-е. за 4 года, всему крестьянству Европейской Россіи безрезультатныя ходачества стоили около 6½ мил. руб. А, между тѣмъ, вѣдь есть и другіе, болѣе дешевые и раціональные способы предупрежденія неудачныхъ и разоряющихъ выселеній; таковы: устройство особыхъ переселенческихъ бюро, своевременное изданіе и широкое распространеніе вполнѣ для населенія доступныхъ и по языку и по содержанію книгъ и брошюръ, въ которыхъ были бы излагаемы всѣ свѣдѣнія, дѣйствительно необходимыя и полезныя для желающихъ переселиться, предоставленіе болѣе широкаго простора дѣятельности частныхъ лицъ, обществъ и земства, и проч. и проч.

Далѣе г.г. Бразоль и Лизогубъ говорятъ, что дѣятельность Крестьянскаго Поземельнаго Банка, въ примѣненіи на практикѣ, равнымъ образомъ преслѣдуетъ только свои особливыя экономическія цѣли, но не обще-государственныя.

Крестьянскій Банкъ поддерживаетъ развитіе типа крестьянина-землевладѣльца. Выдачей ему 90% ссуды онъ облегчаетъ нарожденіе новаго помѣщика-эксплоататора нацъ бѣднѣйшей частью населенія, но отнюдь не даетъ возможности безземельному получить право на обезпеченный насущный хлѣбъ. Покупка земли съ помощью Крестьянскаго Банка требуетъ наличности у покупателя денегъ, по рыночной цѣнѣ, а не по оцѣнкѣ Земельнаго Банка, которая несравненно ниже существующей, но если даже считать, что покупатель долженъ довнести только недостающіе даже противъ оцѣнки Земельнаго Банка 10%, то и тогда окажется, что онъ можетъ быть только состоятельный человѣкъ.

Замѣчаемый же столь рѣзкій подъемъ покупныхъ и арендныхъ цѣнъ въ степномъ Константиноградскомъ уѣздѣ, произошелъ равно не безъ участія Крестьянскаго Банка. Мелкій землевладѣлецъ-крестьянинъ или казакъ, хотя бы Кобелякскаго уѣзда, продавъ свою землю тамъ по 300—350 р. за десятину, являлся уже сильнымъ покупателемъ въ Константиноградскомъ уѣздѣ, съ помощью того же Банка и владѣльцевъ за тѣ же деньги, въ двойномъ противъ прежняго количествѣ земли, чѣмъ и подымалъ цѣны на земли какъ покупныя, такъ и арендныя.

Я счелъ своею обязанностью представить во всей полнотѣ эти мнѣнія двухъ старшихъ представителей населенія губерніи, какъ лицъ, наиболѣе освѣдомленныхъ о мѣстныхъ условіяхъ.

Съ своей стороны, совершенно устраняя себя отъ обсужденія общихъ вопросовъ, столь широко затронутыхъ въ органѣ Полтавскаго земства, я все же не могу пройти молчаніемъ, что если даже признать законъ о ходакахъ соотвѣтствующимъ пользѣ дѣла, то та громадная цифра, которую населеніе не только Полтавской губерніи, но и Европейской Россіи вынуждено затрачивать на безрезультатныя ходачества, что съ точностью видно изъ предпосланнаго статистическаго матерьяла, то послѣднее заставляетъ пред-

положить, что, вѣроятно, въ организаціи самаго дѣла существуютъ стороны, подлежащія исправленію и видоизмѣненію.

Затѣмъ, нельзя не отмѣтить, что условія экономическаго быта разсматриваемой мѣстности таковы, что въ этихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ постепенное разрѣженіе населенія является давно насущной необходимостью.

Между тѣмъ изъ цифровыхъ же данныхъ по Полтавской губерніи видно, что за время съ 1897—1900 годы ходатайствъ о переселеніи было отъ лица 24.597 семей или отъ 184.716 д. о. п., выселилось же только 7.178 д. о. п., т.-е. около $^1/_3$.

Изъ сего слѣдуетъ, что остальные по тѣмъ или инымъ причинамъ были на мѣстахъ задержаны.

Относительно особыхъ соображеній, на предшествующихъ страницахъ разсмотрѣнныхъ, о цѣлесообразности измѣненія нѣкоторыхъ пунктовъ устава Крестьянскаго Поземельнаго Банка, въ цѣляхъ облегченія покупки земель, не только состоятельной, но и неимущей части населенія, я въ полномъ объемѣ присоединяюсь къ мнѣніямъ г.г. Бразоль и Лизогуба.

VII.

Неприспособленность сельскаго населенія къ самостоятельному развитію своихъ экономическихъ средствъ къ жизни.

Но если даже допустить, что сказанныя пожеланія губернскаго земства во всей ихъ широтѣ осуществятся, что государственное казначейство широко откроетъ свои кассы и одной частью нуждающагося населенія будутъ покупаться интенсивно земли, а другую начнетъ казна безостановочно развозить по всѣмъ не заселеннымъ еще окраинамъ нашего обширнаго отечества, то этими единственными мѣрами, если онѣ были бы введены, какъ принципъ дальнѣйшей государственной дѣятельности правительства, по мнѣнію моему, не только недугъ народа не излѣчился бы радикально, но еще болѣе была бы ослаблена его самодѣятельность, его личное энергичное участіе въ борьбѣ со всякими жизненными невзгодами.

Не въ одномъ малоземельи немощь крестьянъ Полтавской губерніи. Не менѣе важную, если даже не большую роль въ этомъ дѣлѣ играетъ и полнѣйшая неприспособленность нашихъ сельчанъ къ самостоятельному развитію своихъ экономическихъ средствъ.

Вѣдь если сосчитать по минимальной даже цѣнѣ стоимость рабочихъ дней по тому количеству времени, которое нашъ крестьянинъ проводитъ въ праздности, за окончаніемъ полевыхъ работъ, то по подсчету даже за одинъ годъ образуется грандіозная сумма денегъ.

Кромѣ какъ сѣять изъ мѣшка, пахать плохимъ плугомъ на еще худшихъ лошаденкахъ, махать косой, да молотить каткомъ,

сельскій обыватель въ громадномъ большинствѣ ничего и дѣлать-то не умѣетъ.

Что даетъ ему школа установленнаго у насъ типа? Мнѣ случалось въ качествѣ члена училищнаго совѣта бывать на экзаменахъ въ этихъ школахъ. Какимъ только балластомъ, совершенно ненужныхъ для него свѣдѣній, не наполняется голова ученика. Онъ знаетъ и Парижъ, и Берлинъ, и чуть ли не всѣ хребты Швейцарскихъ горъ. А что онъ приноситъ по окончаніи ученья къ себѣ, въ семью, по части свѣдѣній для той обстановки, въ которой ему приходится жить и дѣйствовать? Да ровно ничего.

Знаетъ ли, напримѣръ, нашъ крестьянинъ что-либо по части полезности разведенія сада, улучшеннаго огорода. Имѣетъ ли онъ понятіе не только объ интенсивномъ, но хотя бы немножко о болѣе правильномъ хозяйствѣ.

Много ли у насъ въ селахъ найдется хорошихъ столяровъ, плотниковъ, кузнецовъ, портныхъ, сапожниковъ и т. д.

Кто знаетъ строеніе хотя бы ближайшихъ къ полевымъ работамъ улучшенныхъ сельскохозяйственныхъ орудій. Имѣетъ ли, наконецъ, крестьянинъ понятіе о правильномъ уходѣ за скотомъ и лошадьми.

Много ли у насъ вотъ такихъ-то школъ, гдѣ этому всему, хотя бы отчасти, учили.

Потерпѣвшій Костырко даже говоритъ, что въ настоящую школу и ходить не стоитъ, все равно потомъ читать нечего.

Я съ этимъ не согласенъ. Въ школу все-таки ходить надо, а вотъ насчетъ книги, она дѣйствительно въ деревнѣ такъ же рѣдка, какъ и мясо за обѣденнымъ столомъ у крестьянина.

Если бы бельгійца или нѣмца поставить в тѣ же условія жизни, по земельному довольствію, въ какихъ нынѣ живетъ Полтавскій крестьянинъ, то онъ не только будетъ жить, но еще и наживать. А почему? Потому, что этотъ иностранецъ сейчасъ же сможетъ приспособиться, такъ какъ у него имѣется къ тому и весь нужный запасъ знаній и надлежащая энергія, связанная съ предпріимчивостью.

Нашъ же крестьянинъ, какъ то видно изъ предыдущаго, глубоко несчастенъ и почти умираетъ съ голоду.

Органъ губернскаго земства видитъ какъ причину недостатка у крестьянъ и казаковъ Полтавской губ. отъ площадей, засѣваемыхъ ими, хлѣба, 7 милл. пудовъ, исключительно отъ малоземелья и тяжести отработковъ.

Я же не могу съ этимъ безусловно согласиться, такъ какъ меня приводитъ въ нѣкоторое смущеніе нижеслѣдующая таблица по Константиноградскому уѣзду, показывающая разницу между урожаемъ 1901 г. и среднимъ урожаемъ за 15 лѣтъ въ % отношеніяхъ къ послѣднему:

	Въ экономіяхъ.	Въ мелкихъ хозяйствахъ.
Рожь	+ 23	— 14
Оз. пшеница . . .	+ 2	— 20
Яровая	— 5	— 24
Ячмень	— 2	— 28
Овесъ	— 5	— 34
Просо	— 2	— 49

Какъ объяснить такое несоотвѣтствіе результатовъ урожая въ экономіяхъ и у крестьянъ и не слѣдуетъ ли изъ сего, что малоземелье и тяжесть работъ должны быть разсматриваемы въ связи и съ иными соображеніями, дурно вліяющими на экономическую сторону жизни крестьянъ, а въ числѣ прочаго и съ тѣми, кои включены въ настоящую часть моего доклада.

VIII.

Отсутствіе дворянскаго элемента на мѣстахъ, какъ нѣкоторое подспорье въ экономической жизни и гражданско-административномъ бытѣ крестьянъ.

Здѣсь будетъ умѣстнымъ коснуться, заканчивая обзоръ экономической жизни крестьянъ и переходя къ гражданскому ихъ быту, одного важнѣйшаго обстоятельства, весьма дурно, по мнѣнію моему, реагирующаго на обѣ стороны жизни сельчанъ, это — почти полный абсентизмъ дворянъ, т.-е. тѣхъ дворянъ, которые когда-то вліяли на сельскую жизнь и ею руководили.

Думается мнѣ, что не одни матеріальныя невзгоды увлекли и увлекаютъ ихъ въ города, имѣются налицо причины, вероятно, и иного характера, дѣлающія жизнь дворянъ на мѣстахъ безынтересной. Оставаясь даже въ сферѣ дѣлъ, числомъ 68, подлежащихъ разсмотрѣнію Харьковской и Кіевской судебныхъ палатъ, по которымъ имѣются въ моемъ распоряженіи обвинительные акты, такой абсентизмъ равнымъ образомъ усматривается. Дѣла эти касаются разграбленія экономій 60 лицъ (сокращеніе произошло потому, что нѣсколько производствъ относится къ однимъ и тѣмъ же лицамъ). По сословіямъ они распредѣляются такимъ образомъ: 1) разночинцевъ собственниковъ и арендаторовъ — болѣе 60%, 2) дворянъ, не живущихъ и дѣйствующихъ чрезъ довѣренныхъ лицъ, около 10% и 3) дворянъ налицо, въ имѣніяхъ, менѣе 30%.

Если же принять въ соображеніе, что въ это послѣднее число вошли всѣ мелкопомѣстные, кои и по наружному виду и по способу хозяйства совершенно подходятъ къ новому типу владѣльцевъ, три дамы, эксплоатирующія свои владѣнія также черезъ управляющихъ, то въ остаткѣ получится лицъ нужного направленія такъ мало, что о значеніи ихъ вліянія въ широкомъ смыслѣ этого слова въ пораженныхъ безпорядками мѣстностяхъ и рѣчи быть не можетъ.

Какъ показатель правильности моего взгляда, скажу, что изъ трехъ дворянъ, оказавшихся налицо въ Константиноградскомъ уѣздѣ, только г. Гриневичъ принималъ участіе въ общественной жизни въ качествѣ предсѣдателя земской управы, г.г. же Чамара и Костырко представляютъ собой и по мелкопомѣстности и по наружному своему виду типъ людей мѣщанской складки.

Въ Полтавской губерніи я встрѣтился на судѣ съ двумя дворянами, потомственными: г. Филимоновымъ, живущимъ постоянно въ деревнѣ, и весьма почтеннымъ по образу мыслей, и отставнымъ контръ-адмираломъ Старицкимъ, но, къ сожалѣнію, послѣдній проводитъ только лѣтніе мѣсяцы въ своей усадьбѣ.

Вышесказанныя сопоставленія цифръ о томъ, съ кѣмъ имѣло дѣло населеніе въ пораженныхъ безпорядками раіонахъ, говорятъ сами за себя.

IX.

Гражданско-административный бытъ крестьянъ и лица сельскаго управленія.

Посмотримъ далѣе, какъ живется крестьянину въ его гражданскомъ быту, кто помогаетъ ему правильно разобраться въ его духовныхъ запросахъ, кто пришелъ на смѣну безвозвратно ушедшему барину, кто имъ руководитъ, кто имъ управляетъ. Что сдѣлано со времени освобожденія отъ крѣпостной зависимости для дальнѣйшаго устроенія быта крестьянъ, для постепеннаго сліянія этихъ массъ съ обще-государственной жизнью Россіи.

Сельскіе старосты, опеки, волостные и сельскіе писаря, сельская полиція,—все это давно признавалось и признается всѣми никуда не годнымъ, а живетъ, однако, и по днесь, разоряя и угнетая деревню.

Надлежитъ еще нѣсколько остановиться на особой характеристикѣ сельскихъ старостъ и сельской полиціи, какъ то выяснилось на судебныхъ слѣдствіяхъ только что разсмотрѣнныхъ дѣлъ о крестьянскихъ безпорядкахъ.

1. По дѣлу казака Дегтяря вполнѣ доказано, что свидѣтель, староста Козерогъ, привезъ изъ погостнаго правленія прокламацію и предложилъ ее къ чтенію подвѣдомственному ему обществу, что видимо и послужило толчкомъ къ ограбленію потерпѣвшаго.

Засимъ всѣмъ своимъ поведеніемъ во время преступленія онъ даетъ основаніе быть заподозрѣннымъ и въ прямомъ сочувствіи къ грабежу.

2. По дѣлу генерала Богаевскаго, мѣстный староста не могъ на судѣ произнести ни слова, съ нимъ сдѣлалось дурно, его вывели подъ руки изъ залы засѣданій. Обвиняемые же объяснили, что староста этотъ самъ съ ними грабилъ и хотя у слѣдователя ихъ изобличалъ, но здѣсь, подъ присягой, почувствовалъ совѣсть и не можетъ продолжать свидѣтельствовать противъ тѣхъ, кто можетъ его уличить.

3. По дѣлу Корсуна обвиняемый Степаненко доказывалъ, что сотскій Заря сначала вмѣстѣ съ нимъ грабилъ, а когда услыхалъ, что за это сѣкутъ, надѣлъ знакъ и сталъ обличать его и другихъ.

4. Потерпѣвшій Шацило утверждалъ, что бывшій староста Попель сначала гналъ народъ на грабежъ, а потомъ, когда пріѣхалъ урядникъ, такимъ же порядкомъ приглашалъ подчиненное ему общество къ возвращенію взятаго.

5. Присяжный повѣренный Соколовъ просилъ дать ему право доказать свидѣтелями, что обличитель по дѣлу, староста Трирогъ, былъ жестоко наказанъ розгами за участіе въ томъ же грабежѣ (предсѣдатель палаты просимаго разрѣшенія не далъ).

6. Обвиняемый Позенко по Ковалевскому дѣлу Трепке, увѣрялъ, что староста Коваленко грабилъ вмѣстѣ съ нимъ.

7. Старшина Угаровъ, по двумъ дѣламъ Старицкаго, показывалъ, что крестьяне ему говорили, что они никогда не тронули бы экономіи, если бы староста въ знакѣ не поднялъ бы ихъ самъ на грабежъ (осужденъ палатой).

8. По дѣлу Роговскаго установлено, что обвиняемый, бывшій десятскій Марченко, въ знакѣ гналъ народъ на грабежъ, а кто не шелъ, тому грозилъ.

9. Относительно старосты деревни Смородщины, Гладкаго, объясненіями обвиняемыхъ Левенко и Василія Гречки устанавливалось, что преступнаго содержанія книги Гладкій черезъ своего тестя привозилъ и въ Смородщину и въ Федоровку. Сказанный староста опровергнуть этихъ обстоятельствъ не смогъ.

Рѣдкая группа обвиняемыхъ не включала въ своихъ рядахъ или сотскаго или десятскаго.

Это ли не показатель полной дезорганизаціи въ деревнѣ.

И что больнѣй всего, это, что то положеніе вещей, которое вылилось въ столь острую форму во время весеннихъ событій въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, было не новостью.

Всѣмъ издавна извѣстно, какой негодный контингентъ пополнялъ ряды сельской администраціи. Сотскимъ, старостой и десятскимъ служатъ только тѣ, кои не могли отпроситься или у избирателей откупиться, такъ непопулярны эти должности въ народѣ.

Всякій, вновь выбранный въ одно изъ этихъ званій, чуть не со слезами въ голосѣ обыкновенно говоритъ: «Меня общество наказало, выбрало старостой или десятскимъ».

О причинахъ, установившихъ такую практику, говорить здѣсь не смѣю. Но съ фактомъ нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, давно не считаться и не признавать, что это не типы надлежащихъ руководителей деревни, ни съ какой стороны.

Трудно себѣ представить, каковъ наружный видъ всѣхъ этихъ лицъ, проходившихъ длинными рядами черезъ судъ, будь то обвиняемый или свидѣтель поневолѣ. Всѣ они, эти старосты, ужъ не говорю о полицейскихъ, по Полтавской губерніи въ особенности,

имѣютъ какой-то исключительно несчастный и обшарпанный видъ. Какая-то забитость, растерянность читалась на этихъ лицахъ.

Какъ сейчасъ помню Гайдука (свидѣтель) изъ Максимовки (Константиноградскаго уѣзда), по виду это какой-то нищій, просящій милостыню. Когда его предсѣдатель спросилъ, между прочимъ, почему онъ теперь нѣсколько измѣняетъ показанія, Гайдукъ отвѣчалъ какимъ-то нервнымъ, обездоленнымъ голосомъ: «Мало ли что я тогда говорилъ, я былъ сильно побитый человѣкъ».

Н. Н. Крестьяновъ сдѣлалъ перерывъ, чтобы, какъ онъ выразился, нѣсколько привести свои нервы въ порядокъ послѣ такой сцены. Изъ разспросовъ, сдѣланныхъ внѣ суда, оказалось, что Гайдукъ получилъ около 150 розогъ за то, что не во время явился по требованію губернатора Бельгарда въ Карловку. Бывшій исправникъ Андріевскій говорилъ мнѣ, что будто бы потерпѣвшій это наказаніе намѣренно уклонялся отъ явки. Гайдукъ же объясняетъ, что у него была тяжко больна жена и ему нужно было пристроить дѣтей, почему нѣсколько и задержался этой явкой къ начальству.

Если же заглянуть въ тѣ положенія, которыя опредѣляютъ нормы быта крестьянъ, то надо сознаться, что здѣсь такая область самыхъ неопредѣленныхъ и туманныхъ узаконеній, правилъ, постановленій, разъясненій и дополненій, что въ нихъ не разобраться не только крестьянину, но и человѣку и посолиднѣе его, образованному и опытному.

При этомъ нельзя не замѣтить, что и взгляды Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на многіе вопросы изъ жизни крестьянъ не всегда отличались устойчивостью и подвергались частымъ колебаніямъ. Столь даже важная часть, какъ форма владѣнія общиннымъ или подворнымъ порядкомъ, вѣдь до сихъ поръ въ сознаніи правительства далеко не вырѣшена. Около этого, фактически много лѣтъ уже на очереди вопроса, создалась даже уже и цѣлая литература. Такое слишкомъ долго продолжающееся неопредѣленное положеніе, какъ по этому, такъ и по инымъ вопросамъ высшихъ органовъ власти, несомнѣнно, неблагопріятно отзывается и на низшихъ, при проведеніи въ жизнь тѣхъ или иныхъ распоряженій, которыя равнымъ образомъ не надлежаще усваиваются крестьянскими массами, именно по этой же своей неопредѣленности и неустойчивости.

Обращаясь къ такъ называемымъ правовымъ порядкамъ жизни сельчанъ, въ первой очереди наталкиваешься на всеобнимающій собой «обычай». Въ это единое слово включены вѣдь всѣ гражданскіе законы о крестьянахъ.

Думается мнѣ, что охраненіе административнымъ порядкомъ во что бы то ни стало этого уже фактически давно не существующаго «обычая» усугубляетъ только безпорядокъ въ деревнѣ.

Какъ можно согласовать привлеченіе народныхъ массъ къ участію во всѣхъ нашихъ за послѣднее время совершающихся грандіозныхъ экономическихъ переустройствахъ, требовать отъ нихъ особой напряженности, нравственныхъ и матерьяльныхъ силъ

для удовлѣтворенія столь быстро растущихъ государственныхъ потребностей, а рядомъ съ этимъ и ожиданіе, что наше крестьянство продолжаетъ жить въ патріархальныхъ формахъ давно минувшихъ дней.

Вѣдь въ какіе-нибудь два—три года, подъ вліяніемъ даннаго импульса, не только уѣзды, но цѣлыя губерніи измѣняютъ свой внѣшній и внутренній характеръ, и можно ли при этомъ устранить отъ себя увѣренность въ томъ, что все это не коснулось давно и крестьянъ и радикально не видоизмѣнило всѣ экономическіе, бытовые и духовные ихъ запросы.

Для того, чтобы обычай имѣлъ за собой почву хотя бы подобія закономѣрности, нужно же въ самомъ дѣлѣ, чтобы онъ жилъ въ сознаніи массъ и отвѣчалъ бы его бытовымъ условіямъ жизни. Такой обычай прежде всего доступенъ всеобщему свѣдѣнію и не можетъ вызвать сомнѣній въ своей достовѣрности. Но разъ обычай на практикѣ является какой-то формой, а не существомъ, то можно ли его охранять и гдѣ его искать?

Земскій начальникъ Валковскаго уѣзда Глушковъ получилъ бумагу изъ уѣзднаго съѣзда, коей требуется отъ него установить обычай, по какому-то частному дѣлу. А такъ какъ слова, что подъ понятіемъ «обычай» нужно разумѣть тѣ неписанные законы, которые живутъ въ народномъ самосознаніи, при данныхъ обстоятельствахъ усваиваются только фигурально, то обязанность установленія «обычая» на практикѣ осуществляется приговорами подлежащихъ сельскихъ сходовъ, коимъ, такимъ образомъ, и принадлежитъ на дѣлѣ законодательная власть. Изъ сего прежде всего получается, что на 10-верстномъ разстояніи, на 2-хъ разныхъ сходкахъ, могутъ быть объявлены по однородному дѣлу разные обычаи.

Глушковъ мнѣ говорилъ, что сельскій сходъ, къ которому онъ обращался, отвѣчалъ, что «обычая» нѣтъ, а между тѣмъ съѣздъ настаиваетъ. Но что же дѣлать съѣзду, когда для разрѣшенія подобнаго рода дѣлъ законовъ нѣтъ, какъ же не искать такимъ хотя бы путемъ возможности рѣшить дѣло...

Трудно себѣ представить, какіе могутъ на этомъ фонѣ возникать конфликты во всей обстановкѣ сельской жизни и какое поле тутъ для всякихъ злоупотребленій.

Что же тутъ удивительнаго, что при такихъ условіяхъ крестьяне начинаютъ терять элементарныя понятія различія между своимъ и чужимъ имуществомъ.

X.

Земскіе начальники, волостные старшины и волостные суды.

Обращаясь же къ тѣмъ должностнымъ лицамъ, кои съ той или иной стороны призваны участвовать въ ближайшемъ управленіи населеніемъ и надзорѣ за крестьянской администраціей, из-

слѣдователю приходится въ первой очереди встрѣтиться съ земскимъ начальникомъ, который и судья, и администраторъ, и высшій полицейскій чинъ участка, когда на мѣстѣ отсутствуетъ полиція.

Изъ производившихся дѣлъ усматривается, что г.г. земскіе начальники въ пораженномъ безпорядкомъ раіонѣ не были своевременно освѣдомлены ни о томъ, что въ ихъ участкахъ творится неладное, что крестьяне толкуютъ о новыхъ законахъ, что крестьяне читаютъ книжки, ни о томъ, что за мѣсяцъ до безпорядковъ начались систематическіе поджоги. Все это было внѣ ихъ вниманія и распоряженія, чѣмъ, несомнѣнно, усугубилась возможность начала движенія.

Въ виду сего и сознавая всю важность существованія такого порядка вещей, я счелъ себя обязаннымъ изучить причины, могущія создать почву для такой поразившей меня бездѣятельности этихъ ближайшихъ руководителей и попечителей народа.

Сопоставляя добытый на судебныхъ слѣдствіяхъ матерьялъ со свѣдѣніями, полученными мной негласнымъ путемъ, я установилъ слѣдующее: 1) Земскій начальникъ Старицкій (Константиноградскаго уѣзда) совсѣмъ не двигался по участку, въ селѣ Максимовкѣ, наиболѣе скомпрометированной въ дѣлахъ о безпорядкахъ, не былъ 7 лѣтъ. Вышеизложенное подтверждается показаніемъ на судѣ бывшаго сельскаго старосты д. Максимовки, Гайдука, частнымъ сообщеніемъ предводителя дворянства Джунковскаго, что крестьяне названной деревни лично доносили о такомъ невниманіи къ нимъ земскаго начальника даже бывшему губернатору Бельгарду, въ бытность его тамъ, съ войсками, а равно и секретнымъ донесеніемъ жандармскаго ротмистра Якубова отъ 20/IX—1902 г. № 193 (въ извлеченіи мной особо представленномъ). Объ этомъ же обстоятельствѣ мнѣ лично передавалъ и нынѣшній Полтавскій губернаторъ князь Урусовъ.

Тотъ же г. Старицкій, согласно показанію на судѣ потерпѣвшаго Шацило, до начала безпорядковъ получилъ двѣ книжки или прокламаціи, какъ показатель пропаганды въ народѣ, но, видимо, не признавалъ нужнымъ сдѣлать по сему дѣлу подобающихъ распоряженій.

О г. Черненко староста д. Смородщина Иванъ Гладкій рѣшился дать такое показаніе: Земскій начальникъ на наши нужды вниманія не обращаетъ, живетъ за 45 верстъ, въ г. Полтавѣ, всего одинъ разъ показывался въ нашей деревнѣ и то по просьбѣ владѣльца. Ходить намъ за 45 верстъ и заявлять наши просьбы далеко, къ тому же его рѣдко можно застать дома, а въ камерѣ этого земскаго начальника, въ селѣ Крутой Берегъ, возлѣ Полтавы, всѣми дѣлами орудуетъ письмоводитель.

Ужъ если забитый староста дозволяетъ себѣ, состоя на службѣ, произносить такую обвинительную рѣчь о своемъ начальникѣ, вооруженномъ 62 ст. пол. о земск. нач., то не есть ли это

показатель, сколько горечи накопилось у населенія противъ начальства.

Но, быть можетъ, это показаніе грѣшитъ односторонностью, здѣсь отведено много мѣста для инсинуаціи?

Къ сожалѣнію, показаніе это совершенно вѣрно, такъ какъ, и вышеупомянутый жандармскій ротмистръ Якубовъ въ своемъ донесеніи говоритъ о Черненко: «Со дня назначенія 2 года ни разу не былъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ участка, живя постоянно въ имѣніи подъ Полтавой».

Изъ объясненія обвиняемаго Курочки и другихъ по дѣлу Шацило видно, что лица эти ѣздили къ земскому начальнику, Чеснокову (Полтавскаго уѣзда), узнать, можно ли грабить или нѣтъ. Но не застали дома, а говорили только съ его матерью. Обвиняемые даже просили вызвать Чеснокова на судъ, дабы установить этотъ фактъ.

Дѣлалъ ли какія-либо распоряженія г. Чесноковъ по этому дѣлу по должности, изъ дѣлъ не усматривается.

Земскій начальникъ Валковскаго уѣзда, Фюнеръ, на вопросы, зналъ ли онъ, что въ его участкѣ готовятся безпорядки, по всѣмъ дѣламъ однообразно отвѣчалъ: «Мнѣ объ этомъ ничего старшины не докладывали».

Порядокъ управленія чрезъ старшинъ вырисовывается изъ всѣхъ объясненій г.г. земскихъ начальниковъ. которые, припертые къ стѣнѣ перекрестными допросами суда и защитниковъ, ссылаются на эти доклады, какъ на оправдательный для нихъ пунктъ.

Есть и еще одна сторона въ дѣятельности г.г. земскихъ начальниковъ по этому дѣлу, которая производитъ весьма грустное впечатлѣніе. Это то, что эти высшіе чины крестьянской администраціи не сдѣлали ни единой попытки личнымъ участіемъ и вліяніемъ на населеніе предупредить развитіе безпорядковъ въ первоначальномъ ихъ фазисѣ.

Ни одинъ изъ этихъ господъ не рѣшился стать лицомъ къ лицу съ населеніемъ иначе, какъ во главѣ воинскихъ или экзекуціонныхъ командъ и только этимъ путемъ названные земскіе начальники возстановили свое общеніе съ народомъ.

Константиноградскій исправникъ Кравчинскій говорилъ мнѣ, что какъ только возникли безпорядки, земскіе начальники уѣзда были объяты какимъ-то непонятнымъ паническимъ страхомъ, они буквально, до прибытія губернатора съ войскомъ, никуда не показывались. Въ частности же, Кравчинскій сообщилъ мнѣ, что земскій начальникъ, имѣвшій камеру въ городѣ (къ сожалѣнію, утратилъ замѣтку о его фамиліи), когда какой-то шутникъ подбросилъ на порогъ его квартиры курицу съ отрѣзанной головой, до того заволновался, что слегъ въ постель.

Бывшій же исправникъ Андріевскій, все это подтверждая, еще присовокупилъ, что при такомъ преступномъ бездѣйствіи земскихъ начальниковъ нужно пожалѣть, что полиція послѣдними

узаконеніями устранена отъ жизни крестьянъ и тѣмъ потеряла свое вліяніе на народъ.

А что можно было много сдѣлать, будь земскіе начальники на высотѣ своего положенія, доказывается слѣдующими примѣрами: по дѣлу Павлова, совершенно незначительный полицейскій чинъ, надзиратель г. Константинограда Лутовиновъ, сумѣлъ тамъ, гдѣ участвовали въ грабежѣ 5 деревень, его остановить, несмотря на то, что дѣйствовалъ при этомъ совершенно одиноко, такъ какъ волостныя и сельскія власти были стянуты распоряженіемъ губернатора въ имѣніе Карловку герцоговъ Мекленбургъ-Стрѣлицкихъ.

Интересенъ, по словамъ Лутовинова на судѣ, разговоръ съ нимъ крестьянъ; они говорили, что совсѣмъ не знаютъ начальства, что никто къ нимъ не пріѣзжаетъ, не наставляетъ ихъ, не указываетъ имъ на ложность того, что кругомъ дѣлается и пишется въ книжкахъ. Крестьяне просили Лутовинова не уѣзжать, такъ какъ, если его здѣсь не будетъ, то можетъ явиться другая шайка грабителей и тогда они за себя не отвѣчаютъ. Крестьяне затѣмъ просили побудить помѣщика, чтобы онъ за землю такъ дорого не бралъ и тогда обѣщали никогда не грабить. Крестьяне далѣе жаловались на свою горькую долю и просили Лутовинова походить по ихъ домамъ и посмотрѣть на ихъ бѣдность.

Лутовинову не только удалось прекратить безпорядокъ, но онъ даже успѣлъ снарядить изъ тѣхъ же крестьянъ 100 подводъ для подвоза войскъ.

Волостной старшина Осипъ Конюшенко, въ Валковскомъ уѣздѣ, въ экономіи Лингарта, сумѣлъ заставить мѣстныхъ крестьянъ только тѣмъ, что явился съ бѣлымъ листомъ для переписи виновныхъ, не только уйти, но и позволить чуть ли не съ ихъ помощью забить коломъ раскрытые двери амбара (экономія была впослѣдствіи разграблена другими толпами).

Волостной старшина Валковской волости, Андрей Соболевскій, сумѣлъ удерживать грабителей... и на полдня въ наиболѣе острую пору развитія уже тамъ разбойнаго характера движенія безпорядковъ.

Зато земскій начальникъ Фюнеръ, чего не отрицалъ и самъ, когда сынъ Корсуна слезно его молилъ поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ экономію, гдѣ начинается грабежъ, объявилъ, не принявъ даже во вниманіе, что усадьба Корсуна, всего въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ города Валокъ, гдѣ происходилъ разговоръ, что онъ ѣхать не можетъ, такъ какъ ждетъ губернатора.

По дѣлу Трепке (Константиноградскаго уѣзда) показаніемъ управляющаго Федоренко установлено, что одинъ пріѣздъ урядника побудилъ крестьянъ немедленно начать возвращать награбленное.

Чтобы выяснить еще рельефнѣй, какъ были въ ту пору безпризорны крестьяне, считаю долгомъ привести нѣкоторыя выраженія ихъ о томъ скорби. По дѣлу Павлова всѣ обвиняемые за-

являли: если бы кто насъ предупреждалъ изъ начальства, хотя бы священники, мы бы никогда не рѣшились бы грабить.

Учитель Свѣтловъ, по дѣлу Старицкаго, говоритъ, что не видѣлъ въ селѣ никакого начальства. Крестьяне же ему, свидѣтелю, передавали, что, если бы кто ихъ предупреждалъ, они никогда не совершили бы преступленія.

Какими же чувствами руководствовались земскіе начальники, когда они воздерживались отъ посѣщенія населенія во время безпорядковъ, если не дѣйствительно, какъ говоритъ Кравчинскій, чувствами боязни за себя? Какъ много нужно было имѣть сознанія, что у населенія должны были быть причины озлобленія для того, чтобы рѣшиться въ дѣлѣ службы выказать менѣе мужества при исполненіи долга, чѣмъ какой-нибудь чиновникъ Лутовиновъ или любой волостной старшина.

Князь Урусовъ, признавая наличность всѣхъ этихъ данныхъ, говорилъ мнѣ, что онъ принципіально сторонникъ реформы 1889 года, но признаетъ, что составъ земскихъ начальниковъ въ губерніи отвратительный.

Я съ послѣдними словами заключенія губернатора не могу согласиться; по крайней мѣрѣ, относительно тѣхъ земскихъ начальниковъ, въ участкахъ которыхъ происходили безпорядки, такъ какъ я не ограничилъ свои свѣдѣнія и наблюденія засѣданіями суда, а искалъ и въ ближайшемъ личномъ знакомствѣ съ названными лицами, изучить вопросъ.

Валковскій уѣздъ.

1. Глушковъ, весьма просвѣщенный и интересный человѣкъ, состоитъ на службѣ 12 лѣтъ.

2. Фюнеръ, хотя изъ управляющихъ, но человѣкъ вполнѣ благообразный и порядочный.

3. Косовичъ, докторъ по спеціальности, много пишетъ и печатаетъ по крестьянскимъ вопросамъ.

Константиноградскій уѣздъ.

Г. Старицкій, окончилъ университетъ по математическому факультету, пользуется репутаціей добраго и хорошаго человѣка.

Полтавскій уѣздъ.

Г. Черненко, окончилъ университетъ, бывшій чиновникъ для порученій при губернаторѣ.

Считаю умѣстнымъ упомянуть, что г. Черненко во время безпорядковъ былъ въ отпуску.

Изложенный перечень г.г. земскихъ начальниковъ разсматриваемаго раіона, доказываетъ, что никоимъ образомъ этотъ составъ ни по образованію, ни по личнымъ ихъ каждаго качествамъ не можетъ быть признаваемъ негоднымъ.

Вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, что эти господа не могутъ быть причислены къ типу того помѣстнаго дворянства, о которомъ мечталъ законодатель. Это не люди, тѣсно связанные и по имуществу и по личнымъ интересамъ съ мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ. Это, говоря вульгарно, «двадцатники», т.-е. тѣ, кои вполнѣ зависятъ отъ получаемаго ими по должности содержанія и главнѣйше исчерпываютъ всѣ внутренніе свои интересы охраной должности и исполненіемъ той громадной письменной работы, которая на нихъ возложена. Какъ вѣрно высказалъ въ своемъ донесеніи ротмистръ Якубовъ, «Такіе земскіе начальники не близки крестьянамъ, и не понимаютъ ни ихъ жизни, ни ихъ обстановки», — самое пребываніе въ должности, прибавлю я къ этому, случайно и не вытекаетъ изъ неразрывныхъ съ крестьянами связей и давней совместной жизни.

Но гдѣ же взять иныхъ?

На предшествующихъ страницахъ мною уже затронутъ вопросъ о томъ, что настоящій баринъ изъ деревни ушелъ и его, какъ видно, уже туда не воротить.

Дѣло здѣсь не въ личномъ составѣ, какъ говоритъ князь Урусовъ, а, быть можетъ, гораздо глубже и въ организаціи, и въ постановкѣ самаго дѣла.

Изъ сего само собой вытекаетъ, что волостные старшины поставлены бездѣйствіемъ земскихъ начальниковъ въ совершенно исключительное и полновластное положеніе, что также не могло вредно не отразиться на настроеніи массъ.

Отсюда понятна та отчужденность, которая во всѣхъ дѣлахъ проглядывала между селомъ и старшиной, выразившаяся въ полномъ невѣдѣніи послѣдняго о готовящихся событіяхъ. Крестьяне со старостами во главѣ обошли старшинъ, отъ нихъ скрывались, считая ихъ чуждыми себѣ, полу-чиновниками. И совѣта у нихъ никто не спрашивалъ, имъ просто не вѣрили.

Въ этомъ положеніи и въ особой властной роли ихъ по управленію, я вижу большую опасность и почву для накопленія озлобленія со стороны крестьянъ и для всяческихъ осложненій.

Реформа 1889 года предполагала, расширивъ компетенцію волостного суда и подчинивъ его особому надзору земскихъ начальниковъ, дать сельскому населенію типъ суда, упрощеннаго по формѣ, но скораго по существу.

Изъ предыдущаго видно, въ чемъ выражалась дѣятельность г.г. земскихъ начальниковъ данной мѣстности. А слѣдовательно ясно, что этотъ судъ находился и находится въ безконтрольномъ распоряженіи того же опороченнаго волостного писаря, тѣхъ же полуграмотныхъ судей.

Кляузы и сутяжничество, какъ говорили мнѣ и уѣздный членъ Валковскаго съѣзда Абрамовъ, Константиноградскаго — Перевозниковъ и городской судья Сошальскій, развились въ деревнѣ до небывалыхъ размѣровъ. Какъ эти лица, такъ и прокуроръ Полтавскаго окружнаго суда, баронъ Тизенгаузенъ сообщали затѣмъ,

что судебныя засѣданія съѣздовъ длятся отъ 7 до 10 дней въ мѣсяцъ.

Надежда, что уѣздные съѣзды могутъ быть надлежащимъ коррективомъ для волостныхъ судовъ, не оправдались,—во-первыхъ, потому, что съѣзды эти, по отсутствію какихъ бы то ни было законовъ о крестьянахъ, по гражданскимъ дѣламъ поставлены, какъ то видно изъ части этой записки, относящейся до «обычая», въ крайне затруднительное положеніе при разсмотрѣніи этихъ дѣлъ, а, во-вторыхъ, при такомъ значительномъ поступленіи, съѣзды не успѣваютъ справиться съ задачей.

Баронъ Тизенгаузенъ говорилъ далѣе, что уѣздные съѣзды Полтавской губерніи заняты разсмотрѣніемъ дѣлъ только за 1900 годъ.

Если же принять во вниманіе, что крестьяне идутъ съ своими жалобами и въ губернское присутствіе, то получается картина самая безотрадная.

По мнѣнію компетентныхъ лицъ, тяжущіеся въ среднемъ ранѣе двухъ съ половиною лѣтъ окончательныхъ отвѣтовъ по своимъ претензіямъ не получаютъ.

XI.

Уѣздная полиція.

Уѣздная полиція была также не на высотѣ своего положенія и совершенно не знала, по крайней мѣрѣ въ части, касающейся до высшихъ чиновъ, объ опасности готовящихся событій. Удивляться этому нельзя, во-первыхъ, потому, что составъ полиціи былъ крайне малъ, сравнительно съ пространствами уѣздовъ и населеніемъ, а, во-вторыхъ, и вслѣдствіе постановки самаго дѣла.

Незначительное содержаніе и неустойчивость служебнаго положенія полицейскаго чиновника ограничиваетъ контингентъ лицъ, ищущихъ помѣщенія въ ея штатъ. Отъ этого, несомнѣнно, страдаетъ самое качество службы. Затѣмъ исправники и становые буквально завалены всякой письменной работой при фактически совершенно недостаточныхъ канцелярскихъ средствахъ. На практикѣ чины полиціи наиболѣе отвѣтственны за несвоевременное исполненіе бумаги, особенно же по взысканіямъ. Изъ сего слѣдуетъ, что основная дѣятельность полиціи ограничивается этой отпиской или исполненіемъ отдѣльныхъ и при томъ самыхъ разнообразныхъ порученій.

Вся же наружная часть, такъ называемое «наблюденіе» на отвѣтственности и заботѣ полицейскихъ урядниковъ, на донесеніяхъ коихъ она на практикѣ, а не въ теоріи, только и держится.

Такимъ образомъ охрана государственнаго спокойствія, личной безопасности и имущества частныхъ лицъ фактически на рукахъ, какъ сказано выше, полицейскихъ урядниковъ. А между тѣмъ лица эти комплектуются случайными и подчасъ весьма неблагонадежными элементами.

Населеніе относится къ уряднику безъ уваженія и за глаза называетъ его «курятникъ».

На 420 р. уряднику, при обязательствѣ содержать лошадь, жить нельзя. И въ деревнѣ теперь все вздорожало.

Въ общество уже не разъ проникали слухи неблагопріятные по поводу служебной дѣятельности этихъ низшихъ чиновъ уѣздной полиціи.

Я потому останавливаюсь такъ долго на вопросѣ объ урядникахъ, что ихъ роль по надзору за полицейскими, сотскими и десятскими, а равно въ несвоевременныхъ донесеніяхъ о готовящихся безпорядкахъ, мнѣ не совсѣмъ ясна по фактическимъ условіямъ жизни и дѣятельности этихъ чиновъ, которая давала имъ несомнѣнную возможность быть болѣе освѣдомленными, чѣмъ какъ это оказалось въ дѣйствительности.

По дѣлу Васильца (Полтавскаго уѣзда) обвиняемый Губенко пытался было установить, что во время происшествія исправникъ Коваленко, будучи на мѣстѣ, поручилъ городовымъ приглашать толпу возвратить награбленное, а рядомъ съ этимъ урядникъ Цубенко говорилъ тѣмъ же нижнимъ чинамъ: «Не трогайте», а крестьянамъ: «Несите домой».

Къ сожалѣнію, Губенко не могъ продолжать, такъ какъ былъ остановленъ предсѣдателемъ.

Выраженіе лица Цубенко выказывало въ это время сильное смущеніе.

Конечно, этотъ штрихъ, схваченный на-лету, самъ по себѣ ничего не стоитъ.

Но опять повторяю, дѣятельность г.г. урядниковъ по дѣлу о безпорядкахъ мало еще обслѣдована.

Заканчивая эту главу, я долженъ изъ чувства справедливости отмѣтить, что вся уѣздная полиція во время безпорядковъ не стѣснялась показываться въ деревню, не стѣснялась и бывать среди народа.

XII.

Духовенство.

Совершенное безучастіе духовенства Полтавской и Харьковской губерніи во время происходившихъ тамъ безпорядковъ сознается всѣми на мѣстѣ, отмѣчается и въ судебныхъ производствахъ.

Но изученіе причинъ такого поведенія священниковъ ожидаетъ еще своего внимательнаго и безпристрастнаго изслѣдованія.

Намѣченный же мной матерьялъ даетъ лишь отрывочные факты, но не объясняетъ причинъ.

Константиноградскій исправникъ Кравчинскій въ бесѣдѣ со мной выразился такъ: «Духовенство. если не сочувствовало движенію, то, во всякомъ случаѣ, относилось къ нему совершенно пассивно».

Прошедшіе черезъ судъ, въ качествѣ свидѣтелей, священники своими показаніями освѣщаютъ свою дѣятельность въ неблагопріятномъ свѣтѣ: «Священникъ Плахотинъ, по дѣлу Чеботарева, въ приходъ котораго входятъ и дер. Лисичья и дер. Максимовка (Константиноградскаго уѣзда), говоритъ: «О пропагандѣ слышалъ и о книжкахъ имѣлъ свѣдѣнія, но мнѣ этимъ некогда было заниматься, у меня двѣ школы и церковь». Далѣе, на вопросы предсѣдателя, извѣстенъ ли ему въ подробностяхъ случай, когда во время происходившей въ селѣ Максимовкѣ (мѣсто его жительства) экзекуціи, обвиняемый Ткаченко, подозрѣваемый въ ненормальныхъ умственныхъ способностяхъ, будучи въ крайне возбужденномъ состояніи, кричалъ солдатамъ: «Какому Царю служите, развѣ можно такъ истязать народъ, какъ вы это допускаете» [(за эти рѣчи Ткаченко, говорятъ, получил 250 ударовъ розогъ)—показ. Константиноградскаго исправника Кравчинскаго, уѣзднаго члена окружнаго суда Перевозникова (частно)], — Плахотин отвѣчалъ, что у него была больна жена, и ему было не до того.

Потерпѣвшій Поповъ показывалъ суду, что крестьяне деревни Васильевки нѣкоторое время колебались, производить ли разграбленіе у него или нѣтъ. Но такъ какъ никакое начальство ими не интересовалось, то рѣшили пойти въ церковь (было воскресенье). Думали крестьяне, что, быть можетъ, услышатъ отъ батюшки, съ церковнаго амвона, что-либо касающееся совершавшихся кругомъ нихъ событій. Священникъ о. Нилъ Власенко вышелъ къ народу, раскрылъ книгу на указанной страницѣ и сказалъ проповѣдь объ «Іерусалимѣ».

Священникъ Роговенко, по дѣлу Юхимца, разсказываетъ, что слыхалъ о пропагандѣ, грабежи происходили на его глазахъ, но думалъ, что грабятъ не свои, а, какъ онъ образно выразился, «иноземцы».

Группа обвиняемыхъ (кажется, по дѣлу Заболотнаго) Валковскаго уѣзда, въ одинъ изъ перерывовъ засѣданій, отвѣчая на мои укоры за совершеніе преступленія, сказала: «Мы сознаемъ, что поступили плохо, но какъ намъ было не грабить, когда все наше начальство грабило вмѣстѣ съ нами». Даже такая особа, какъ Снѣжковскій священникъ, и тотъ посылалъ своего работника, во время дѣйствія у Яхонтовой, за картофелемъ, цѣлый возъ котораго ему и доставленъ на домъ.

Крайне удивленный подобнымъ заявленіемъ, я обратился за свѣдѣніями къ Валковскому исправнику Войцеховскому, который передалъ мнѣ, что по этому дѣлу даже производилось особое дознаніе. Но какъ только сказанный священникъ узналъ объ этомъ, точасъ принялъ мѣры для полученія изъ экономіи удостовѣренія въ томъ, что, якобы, этотъ картофель взятъ съ разрѣшенія садовника. Сначала ни управляющій Груберъ, ни садовникъ такого удостовѣренія давать ему не желали. Но засимъ обвиняемому удалось таки получить записку отъ сына садовника. Если бы это потребовалось, говорилъ мнѣ Войцеховскій, то возстановить истину

легко. Снѣжковскій священникъ не привлеченъ къ отвѣту потому, что въ его приходѣ много штундистовъ, и это казалось не тактичнымъ. Къ сему названный исправникъ присовокупилъ, что будто бы тотъ же священникъ подъѣзжалъ къ грабителямъ въ экономіи Задонской и кричалъ имъ при дѣлежѣ: «Меня не забудьте»!

Въ Харьковѣ Войцеховскій меня опять посѣтилъ и передалъ свою визитную карточку съ слѣдующей надписью: «Дознаніе о св. А. представлено Валк. тов. прок. 11-го іюля, № 38, отъ пристава Хорвата».

Я предупреждалъ Войцеховскаго о важности его сообщенія и о томъ, что донесу Вашему Высокопревосходительству.

Я счелъ своей обязанностью поставить въ извѣстность объ вышеизложенномъ и прокурора Харьковской судебной палаты, Ст. Ст. Хрулева.

Не комментируя этотъ случай, пока его достовѣрность официально еще не установлена, не могу, однако, не сказать: сколько же еще въ этой полной глубокаго трагизма драмѣ не разъясненнаго, не разслѣдованнаго!

XIII.

Губернскія власти.

Что сказать о значеніи губернскихъ властей вообще и дѣятельности во время безпорядковъ самого бывшаго Полтавскаго губернатора Бельгарда.

На только-что мной выше представленномъ фонѣ сельской жизни крестьянъ и должностныхъ лицъ, коимъ населеніе это подчинено, ясно, что губернскія власти, съ губернаторомъ во главѣ, дальше формальной переписки и итти не могутъ.

Бельгардъ, конечно, виновенъ въ своей особой медленности, въ своей растерянности, въ своемъ непониманіи значенія событія во время его зарожденія.

Но какъ трудно губернатору быть на высотѣ своего назначенія при той обстановкѣ, въ которой ему приходится дѣйствовать!

Условія административной жизни въ губерніи таковы, что губернатору приходится опираться въ обширнѣйшей области, съ ея многоразличными запросами административной, экономической и духовной жизни, преимущественно на чиновъ полиціи и тѣхъ должностныхъ лицъ въ уѣздахъ, которые привыкли въ своевременной отпискѣ видѣть отличіе по службѣ.

Если даже только остановиться на части, касающейся управленія крестьянъ, то нужно признаться, что губернаторъ врядъ ли можетъ фактически лично направлять гражданскую жизнь крестьянъ съ многоразличными ея запросами.

Органъ, чрезъ который губернаторъ могъ бы наблюдать за крестьянскимъ населеніемъ, Губернское Присутствіе, по словамъ освѣдомленныхъ лицъ, каковыми по Полтавской губерніи являются: предсѣдатель окружнаго суда Мордухай-Болтовской и прокуроръ баронъ Тизенгаузенъ, затруднено такимъ громаднымъ поступленіемъ всякихъ дѣлъ и переписокъ, что члены Присутствія принуждены по большинству назначенныхъ къ слушанію дѣлъ ограничивать свое участіе подписью заранѣе заготовленныхъ опредѣленій и обсуждать только тѣ дѣла, кои мнѣніемъ г.г. непремѣнныхъ членовъ признаются наиболѣе серьезными.

Если же ввести иную практику, то Губернское Присутствіе перестанетъ вовсе функціонировать.

Изъ сего слѣдуетъ, что при такой обремененности этого и всякихъ иныхъ учрежденій, ему подвѣдомственныхъ, губернаторъ за массой бумажнаго дѣла поневолѣ теряетъ изъ виду самую жизнь.

Замѣтное же пониженіе какъ умственнаго развитія, такъ равно и альтруистическихъ чувствъ представителей органовъ власти мѣстнаго самоуправленія и неустойчивость, за послѣднее время въ особенности, законоположеній, касающихся земствъ, совершенно видоизмѣнила направленіе и этихъ лицъ и учрежденій. Основной принципъ разсматриваемой части управленія можетъ быть выраженъ слѣдующими словами: «Не нашъ отвѣтъ, не наше дѣло».

Я бы могъ представить нѣсколько примѣровъ изъ моихъ наблюденій надъ мѣстами и лицами, во время настоящей моей командировки, въ подтвержденіе того, что я въ настоящемъ случаѣ не голословенъ.

Общество вообще, а все, что живетъ и дѣйствуетъ въ губерніи не суть ли и сами члены этого общества, пало духомъ, живетъ сплетней и злословіемъ, не видя почвы для развитія самодѣятельности на мѣстахъ, его ряды въ лучшей его части все болѣе и болѣе рѣдѣютъ.

Вѣдь, общеизвѣстный фактъ, что самая трудная задача дворянскихъ и земскихъ собраній найти людей, желающихъ занять должность предводителей дворянства и предсѣдателей земскихъ управъ. Не лица эти нынѣ просятъ и ищутъ избранія, а ихъ приглашаютъ скорѣе заполнить пустующее мѣсто.

Отсюда ясно, какъ палъ контингентъ лицъ, носящихъ званіе представителей мѣстныхъ учрежденій.

Вотъ съ кѣмъ приходится разбираться крестьянину въ его экономической и гражданской жизни, въ его духовныхъ запросахъ. И кѣмъ замѣнена образовавшаяся пустота за уходомъ барина изъ деревни?

Вотъ на какую почву во всей совокупности представленной мной картины сельской жизни пала пропаганда въ среду крестьянскаго населенія Харьковской и Полтавской губерній.

XIV.

Психологія крестьянъ до начала движенія и во время безпорядковъ и степень вліянія на нихъ пропаганды.

Такимъ образомъ, при наличности всѣхъ этихъ данныхъ, колоссальное экономическое переустройство, совершавшееся за послѣднее десятилѣтіе въ Россіи, видимо, не соотвѣтствовало ни матеріальнымъ, ни нравственнымъ силамъ сельской части нашего населенія.

Чѣмъ болѣе потребовалось отъ крестьянскихъ массъ напряженія, тѣмъ ощутительнѣй чувствовалась ими и ихъ тѣснота, и ихъ одиночество, и ихъ неприспособленность въ этихъ, вновѣ слагающихся обстоятельствахъ жизни.

Крестьяне начали озираться, ища выхода. Та тупая, ноющая отъ всякихъ деревенскихъ безпорядковъ боль, которая еще такъ недавно казалась терпимой, внезапно перешла въ острый процессъ, отъ котораго впору уже кричать.

Вотъ на какой почвѣ создалась, по моему мнѣнію, эта новая психологія, та психологія, которая, быть можетъ, незамѣтно даже для нихъ самихъ, толкала крестьянъ къ выходу во что бы то ни стало.

Процессъ этотъ назрѣвалъ постепенно, вызывая у крестьянъ воспріимчивость ко всему тому, что говорилось или слышалось въ ихъ, бывшей доселѣ недоступной къ внешнимъ звукамъ, жизни.

Случившійся же послѣдніе годы промышленный кризисъ, несомнѣнно, усугубилъ положеніе въ этомъ направленіи.

Толпы рабочихъ обратились, за недостаткомъ занятій на заводахъ, въ деревню. Эти недовольные событіями люди, успѣвшіе притомъ тамъ, въ этой спеціальной, заводской обстановкѣ набраться новыхъ идей, новыхъ мыслей, часто весьма вреднаго направленія, внесли въ деревню много такого, что жаднымъ ухомъ крестьянами слушалось и комментировалось на свой ладъ.

Ясно, что достаточно было малѣйшей искры, попавшей на эту полную уже горючаго материала почву, чтобы произвести пожаръ.

Выходя изъ всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, я и полагаю, что пропаганда въ предѣлахъ Полтавской и Харьковской губерній, въ уѣздахъ, охваченныхъ безпорядками, имѣла значеніе только ланцета, вскрывшаго нарывъ, созрѣвающій на самобытной почвѣ условій деревенской жизни, почему ей въ этомъ вопросѣ должно быть отведено совершенно второстепенное мѣсто.

Далѣе необходимо обратиться къ самосознанію крестьянъ во время самихъ безпорядковъ.

Въ моемъ мнѣніи не подлежитъ сомнѣнію, что крестьяне знали, что они совершаютъ актъ, недозволенный ихъ совѣстью, а только болѣзненно искали почвы для оправданія себя въ собственныхъ глазахъ.

Такое положеніе вытекаетъ отчасти и изъ обстоятельствъ разсмотрѣнныхъ дѣлъ.

Разграбленіе экономіи Коломійца (Константиноградскаго уѣзда), какъ извѣстно, произведено преимущественно крестьянами дер. Лисичьей. Общество это было наиболѣе смѣлое въ своихъ дѣйствіяхъ, находилось наиболѣе подъ вліяніемъ пропаганды.

А между тѣмъ, какъ выяснилось изъ показаній Коломійца и его прикащика Тимченко, 29 марта дѣйствіе началось съ появленія толпы бабъ и дѣтей подъ предводительствомъ нѣкоего старика Войта. И только черезъ часъ, когда бабы въ усадьбѣ успѣли освоиться, явились мужики, и начался уже формальный грабежъ.

То же явленіе наблюдалось и въ имѣніи Трепке (Ковалевка, Полтавскаго уѣзда). Управляющій Пастернацкій говоритъ, что сначала явились бабы и занялись мелкимъ хищеніемъ, а мужчины прятались, выглядывая по временамъ изъ-за изгороди, и вошли въ дѣло лишь тогда, когда убѣдились въ безнаказанности бабъ.

Я нарочно взялъ эти два примѣра, какъ касающіеся наиболѣе выдающихся случаевъ центра и конца движенія по Полтавской губерніи.

Въ Валковскомъ уѣздѣ дѣйствія крестьянъ ощупью, выступаютъ еще рельефнѣй. Крестьяне трогались только тогда, когда узнавали, что сосѣдняя экономія уже разграблена, или видѣли людей, бывшихъ на грабежахъ.

Первый приступъ въ исполненіи замысла начинался обыкновенно переговорами съ мѣстнымъ владѣльцемъ: его пытались склонить къ добровольной выдачѣ имущества, а особенно ключей отъ запертыхъ хранилищъ.

Сначала говорили собственникамъ: «отдайте лучше намъ, своимъ, а то все равно прійдутъ чужіе и заберутъ». (Послѣднее на практикѣ бывало не разъ). Когда же эти слова не дѣйствовали, то пускались и угрозы: что вотъ, молъ, пріѣдетъ самъ князь Михаилъ со студентами и велитъ разбирать.

Но и далѣе, за неуспѣхомъ просьбъ и угрозъ, крестьяне продолжали занимать еще выжидательное положеніе. Ихъ смущали замки.

Тотъ, кто жилъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ, что запертый замокъ крестьянами считается чѣмъ-то священнымъ. (Что это такъ, служитъ наглядньмъ примѣромъ поведеніе обвиняемыхъ на судѣ: всѣ они почти всегда сознавались въ участіи въ грабежѣ, но энергично отказывались въ своемъ участіи въ разбитіи замковъ, считая это преступленіемъ чрезвычайнымъ.)

Крестьяне ждали до тѣхъ поръ, пока являлся бывалый человѣкъ, который видалъ лично, какъ бьютъ безнаказанно замки, онъ бралъ палку или что иное и наносилъ первый ударъ. Это и было то нарушеніе запрета, котораго ждали крестьяне (показ. Дехтяря, Богаевскаго, Грубе, земск. нач. Глушкова, ст. пристава Хорвата).

Г.г. прокуроры палатъ Ст. Ст. Хрулевъ и А. А. Лопухинъ, въ своихъ талантливыхъ рѣчахъ высказывали тожественные съ моими

мысли о сознательности крестьянъ при совершеніи преступленія. Кромѣ всего вышеизложеннаго, еще и рядъ приведенныхъ мной показаній, въ части этого труда, касающейся до экономическаго положенія крестьянъ, указываетъ, что многіе изъ обвиняемыхъ оправдывали свои дѣйствія своей крайней бѣдностью.

Дѣйствуя подъ впечатлѣніемъ продолжительной безнаказанности, вызвавшей подражательность, а равно и въ силу чувствъ озлобленія толпы, по мѣрѣ развитія безпорядковъ, все болѣе и болѣе стремились увѣрить себя, что рѣчи чудной сказки, подсказываемой пропагандой, указываютъ крестьянамъ давно ими желанный и искомый путь къ выходу изъ тяжкаго ихъ положенія.

Разстроенное же воображеніе заглушало укоры совѣсти, создавая не только формы оправданія, но какъ бы стройное начало будущей жизни массъ.

Таковымъ представляется мнѣ самосознаніе крестьянъ во время безпорядковъ.

XV.

Значеніе движенія и его опасность.

Обращаясь засимъ къ опредѣленію политической стороны дѣла, какъ она выяснилась на судебныхъ слѣдствіяхъ, по дѣламъ о крестьянскихъ безпорядкахъ въ мартѣ и апрѣлѣ сего года, въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, нахожу, что событіе это имѣетъ огромное, по своей обстановкѣ, обще-государственное значеніе и представляетъ собой чрезвычайную опасность.

1. Прежде всего, крестьянскія массы выказали свою готовность къ организаціи и быстрому передвиженію.

2. Затѣмъ событія указали, что въ деревнѣ уже нарождается типъ умѣлыхъ своихъ собственныхъ агитаторовъ.

3. Толпами дѣлались также попытки выдѣлить изъ себя руководителей преступленіемъ, правда, къ счастью, только попытки, еще не въ обобщенной формѣ, но самые эти попытки показываютъ нездоровое настроеніе массъ.

Не упоминая здѣсь о спеціальной дѣятельности общества дер. Лисичьей, въ своемъ мѣстѣ разобранной, я остановлюсь еще на трехъ иныхъ рельефныхъ, по мнѣнію моему, частныхъ случаяхъ: 1) по дѣлу Шидловскаго (Валковскаго уѣзда), свидѣтельскими показаніями станового пристава Бѣлянчева, урядника Ермоленко и др. установлено, что запасный рядовой Цацько (27 л.), въ полной солдатской формѣ, съ фуражкой на головѣ, руководилъ толпой и кричалъ, несмотря на усилія полиціи: «Идите. Другіе разбираютъ экономіи и мы будемъ разбирать».

Когда его хотѣли задержать, онъ отмахивался палкой. А будучи арестованъ, продолжалъ: «Чего вы смотрите». Цацько, между прочимъ, обращаясь къ толпѣ, говорилъ: «Дайте мнѣ выпить водки, я тогда раздѣлаюсь съ властями, которые задерживаютъ

указъ, разрѣшающій грабить. Я въ военной службѣ служилъ, я знаю».

По дѣлу Трепке (Ковалевка, Полтавскаго уѣзда), налицо два руководителя безпорядками, и, къ сожалѣнію, оба носившіе воинское званіе.

Въ первой очереди меня смущаетъ фигура запаснаго унтеръ-офицера Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка Павла Шанда.

Нужно замѣтить, что по показанію Пастернацкаго, управляющаго экономіей, названный унтеръ-офицеръ прибылъ только въ 1901 г. со службы изъ С.-Петербурга, слѣдовательно, онъ не могъ быть причисленъ къ лицамъ, успѣвшимъ утратить тотъ духъ дисциплины, который долженъ, казалось, быть имъ усвоенъ, въ гвардейской части въ особенности.

А, между тѣмъ, этотъ Павелъ Шанда (26 л.) сталъ во главѣ толпы и повелъ ее съ кольями въ рукахъ на отрядъ войскъ. Онъ кричалъ: «Я унтеръ-офицеръ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка, знаю, что они не смѣютъ стрѣлять». Предварительно онъ же пытался уговорить солдатъ не стрѣлять, обращаясь къ нимъ: «Не стрѣляйте въ крестьянъ, имъ ѣсть нечего, у нихъ земли нѣтъ» (показаніе Шпака и др.). Результатомъ сего было то, что толпа безумно бросилась съ криками «ура!» впередъ, а войска вынуждены были дать залпъ, отъ котораго были убитые и раненые.

Павелъ Драчъ, какъ военный, послѣ команды три, предвидя послѣдствія, спрятался за амбаръ, почему и остался внѣ сферы огня (пок. Пастернацкаго и др.).

На другой день, когда мрачная, озлобленная тысячная толпа, несмотря ни на вчерашнія жертвы, ни на присутствіе еще отряда, явилась требовать отчета у начальства за ихъ дѣйствія, во главѣ этой толпы стоялъ запасный артиллеристъ Иванъ Мирошниченко (27 лѣтъ).

Скопище никого не слушало, а, наоборотъ, видимо, стремилось сойтись вплотную съ фронтомъ солдатъ. Командующій офицеръ, опасаясь осложненій, приказалъ готовиться къ огню, но буяны не устрашились, а требовали выдачи по 5 п. зерна на человѣка. Только команда «три» отрезвила безумцевъ. Съ ругательствами разошлись они, грозя разграбить усадьбу земск. нач. Кованько и др. (пок. свидѣтеля Пастернацкаго и др.).

Вотъ эти три фигуры людей, только что почти вышедшихъ изъ рядовъ войскъ, меня смущаютъ. Что же вносятъ собой послѣ этого запасные нижніе чины въ деревню?

Нужно знать, какое впечатлѣніе всякія слова бывалаго служилаго производятъ на массы, чтобы не сознавать, что появленіе въ сферѣ безпорядковъ красавца гвардейскаго унтеръ-офицера Павла Шанды имѣло на толпу рѣшающее значеніе. А его заявленія, какъ лица, служившаго въ Царской гвардіи, были особенно для крестьянъ знаменательны.

Я считалъ долгомъ остановиться на этихъ обстоятельствахъ

особенно еще и потому, что изъ дѣлъ видно, что, вообще, запасные нижніе чины отъ участія въ грабежахъ не уклонялись.

Рядомъ съ этимъ, совершенно я отрицаю въ настоящемъ движеніи восприятіе крестьянами данной мѣстности принциповъ соціальнаго ученія въ широкомъ, антиправительственномъ смыслѣ, примѣры тому весьма убѣдительны. Никто изъ чиновниковъ и иныхъ представителей власти не былъ во врѣмя безпорядковъ даже въ Валковскомъ уѣздѣ Харьковской губ., гдѣ характеръ безпорядковъ былъ чисто разбойный, оскорбляемъ крестьянами, ни одна винная лавка не была разорена. Останавливаюсь я на этомъ послѣднемъ фактѣ преимущественно, такъ какъ нужно было со стороны крестьянъ много мужества, чтобы лишить себя наслажденія выпить всласть даромъ водки. Крестьяне, памятуя, что винныя лавки казенныя, значитъ, Царскія, ихъ въ своемъ движеніи обошли. Далѣе, ни одно правительственное зданіе также не тронуто. Такимъ образомъ, можно съ увѣренностью сказать, что въ крестьянахъ живетъ до сихъ поръ исконная, русская ихъ преданность *Монарху* и принципамъ *Самодержавія*.

Опасность пока не въ этомъ, а въ томъ, что крестьяне, извѣрившись въ окружающее ихъ начальство, стали въ своемъ воображеніи и въ исканіи путей къ выходу изъ тяжкаго своего положенія искать какое-то новое начальство, которое имъ будетъ удобнѣй, доступнѣй.

Жаднымъ ухомъ стали крестьяне прислушиваться къ льстивымъ рѣчамъ предложенныхъ имъ для чтенія книжекъ и брошюръ преступнаго содержанія. Книжки эти,—а кто не знаетъ, какъ крестьянинъ уважаетъ, какъ онъ вѣритъ всякому печатному слову,—сулили имъ самые заманчивые горизонты, но рядомъ съ этимъ призывали ихъ и къ бунту противъ правительства.

Несмотря на то, что книжки и брошюры не только всѣми жадно читались и даже нѣкоторыми выучивались наизусть (неграмотными), они не произвели на крестьянъ того впечатлѣнія, которое отъ нихъ ожидали революціонеры.

Крестьяне не отошли ни одной черточкой своего внутренняго міросозерцанія отъ подножія Трона. Нѣтъ. Туда и теперь устремлены ихъ глаза и всѣ ихъ лучшія чувства.

Считая же, что ихъ бѣда не доходитъ до Царя, они примирили въ своемъ полу-дѣтскомъ самосознаніи и заманчивыя картины, сулимыя имъ въ книжкахъ, и свою непоколебимую вѣру въ то, что въ ихъ жизни все должно исходить только отъ Царя.

Населеніе приблизило Царя мысленно къ себѣ, перескочивъ черезъ преграду властей, мѣшающихъ, по его мнѣнію, исполненію Царской воли, но за то-въ формѣ, крайне опасной, могущей имѣть неисчислимо вредныя послѣдствія, при оставленіи въ силѣ почвы, которая, продолжая реагировать въ сторону раздраженія воображенія массъ, будетъ этимъ способствовать сохраненію и укрѣпленію въ ихъ сознаніи этихъ нижеслѣдующихъ вредныхъ мыслей.

Крестьяне выбродили возможность замѣстительства Царя другимъ лицомъ.

Чѣмъ ближе къ мѣсту пропаганды, тѣмъ неопредѣленнѣе сознаніе о томъ, кто тотъ замѣститель Царской власти, который, дѣйствуя по его указу въ воображеніи крестьянъ, его замѣняетъ.

Здѣсь усматривается борьба чувствъ крестьянъ, въ какую форму облечь эту народившуюся въ ихъ воображеніи фигуру.

Въ Константиноградскомъ уѣздѣ, по дѣлу Шацило, по показанію свидѣтеля Вербоваго, обвиняемый Чмель говоритъ: «Царя нѣтъ, онъ выѣхалъ къ тещѣ, а нанялъ за себя управляющаго, который раздѣлываетъ пановъ».

По дѣлу Роговскаго (Полтавскаго уѣзда), потерпѣвшій показываетъ, что Василій Гречка заявлялъ: «Теперь одна натура — природа. Бога нѣтъ. Царь уѣхалъ къ тещѣ, здѣсь для крестьянъ будетъ лучше, чѣмъ на Амурѣ».

По дѣлу Полѣя, того же уѣзда, прикащикъ Свергунъ показалъ, что среди крестьянъ ходила молва, будто Царь спрашивалъ у Синода: «Кто у васъ хозяинъ, когда вы уѣзжаете?». Синодъ отвѣчалъ: «Управляющій». «Можно мнѣ назначить?». «Можно». Самъ Царь уѣхалъ къ тещѣ, назначилъ управляющаго, а этотъ пановъ разбираетъ». (Такъ говорилъ не привлеченный къ суду кр. Коваленко.)

Эти примѣры взяты мною изъ трехъ дѣлъ, какъ болѣе рельефные, но подобныя мысли слышатся во всѣхъ почти дѣлахъ Полтавскаго и Константиноградскаго уѣздовъ.

Чѣмъ дальше идетъ движеніе отъ центра, тѣмъ болѣе движеніе принимаетъ стихійный характеръ, и безпорядки возникаютъ на почвѣ подражательности, тѣмъ сильнѣй крѣпнетъ возникшая въ крестьянскомъ міросозерцаніи идея возможности созданія замѣстителя Царской власти, оправдывающаго ихъ дѣйствія.

Уже въ дѣлѣ Ковалевки, 1 апрѣля, однимъ изъ послѣднихъ дѣйствій толпы въ Полтавской губерніи, слышно было, по показанію служащаго въ экономіи Трепке, Барановича, что крестьяне говорили, что в. кн. Михаилъ идетъ и раздаетъ земли. Староста же Трирогъ утверждаетъ по тому же дѣлу, что шла молва, что Царь уѣхалъ за границу, а управляющій и сынъ в. кн. Михаила позволяютъ грабить.

Сознаніе это, въ предѣлахъ Валковскаго уѣзда, принимаетъ уже совершенно реальную форму: замѣститель Царя, разрѣшающій грабежи, одинъ только: князь Михаилъ.

Самое имя «Михаилъ» указываетъ, что крестьяне держатся вблизи трона. Какъ извѣстно, двѣ особы Царскаго дома носятъ имя «Михаилъ».

Воображеніе крестьянъ облекаетъ «Князя Михаила» и въ особую одежду. Онъ сіяетъ. По показанію дворянина Еглевскаго, по дѣлу Яхонтовой, крестьяне говорили, что земскій начальникъ Глушковъ, который не вѣрилъ князю Михаилу при видѣ его сіянія, былъ разорванъ на части.

По дѣлу Фесенко (Валковскаго уѣзда), обвиняемые говорили, что князя Михаила не видали, но слыхали разсказы, что онъ ходитъ въ пальто, а подъ пальто Царскія медали.

Я останавливаюсь на этомъ послѣднемъ выраженіи мечтаній крестьянъ, какъ на выраженіи облеченія уже фигуры князя Михаила въ какой-то таинственный, скрытый отъ непосвященныхъ, обликъ.

Къ управляющему Грубе, по дѣлу Яхонтовой, являлись крестьяне и предлагали раздать имущество добровольно, иначе прійдутъ кн. Михаилъ и студенты и отберутъ.

По дѣлу же Яхонтовой, свидѣтель Арсеньевъ говоритъ, что обвиняемый Супруновъ заявлялъ, что у него есть даже пакетъ, что можно грабить, но никому его не показывалъ.

По этому же дѣлу и по другимъ показаніямъ станового Бѣльчева и земскаго начальника Глушкова, выяснилось, что всюду было во врѣмя безпорядковъ слышно среди крестьянъ о кн. Михаилѣ.

Я считаю нужнымъ далѣе остановиться еще на вопросѣ о студентахъ, которые являются по многимъ дѣламъ, по словамъ крестьянъ, либо какъ лица, о нихъ хлопочащія, либо спутниками того же князя Михаила.

Чтобы показать, насколько званіе «студентъ» стало между массами популярно, я укажу на слѣдующій случай: нѣкій крестьянинъ Иванъ Марченко, былъ въ экономіи Трепке (Полтавскаго уѣзда) во время грабежа, въ пиджакѣ и бѣлой фуражкѣ и самъ себя называлъ студентомъ. Крестьяне же, собираясь освободить арестованныхъ, на первыхъ порахъ лицъ, въ числѣ коихъ былъ и Марченко, кричали, говоря о немъ: «Надо и студента освободить» (пок. Пастернацкаго).

Понятіе о студентахъ въ такой формѣ, какъ о лицахъ, даже достойныхъ подражанія, несомнѣнно, выросло подъ вліяніемъ пропаганды, но роль, которая придана студентамъ въ воображеніи самихъ крестьянъ, приспособлена къ личному ихъ міросозерцанію.

Изъ обстоятельствъ дѣла видно, что крестьяне мечтали объ упраздненій нынѣшняго своего ближайшаго начальства. По дѣлу Яичнаго (Полтавскаго уѣзда), потерпѣвшій говоритъ, что крестьяне кричали въ толпѣ: «Теперь мы панами будемъ, да и суды надо упразднить, чтобы не было». По дѣлу Шацило (Константиноградскаго уѣзда), прикащикъ Михалькевичъ показываетъ, что крестьяне заявляли: «Пановъ теперь нѣтъ, мы сами паны» (подъ словомъ «панъ» народъ часто подразумѣваетъ и чиновника). По дѣлу Карловки, того же уѣзда, свидѣтель Полѣй говоритъ, что ходила молва, что будто въ книжкахъ написано: «Мужики будутъ брать, а паны будутъ дивиться. Годи панамъ съ насъ кожу тягты». Свидѣтель Лодонъ, по дѣлу Чеботарева (Полтавскаго уѣзда), показывалъ, что обвиняемый Буцкій говорилъ: «Здѣсь начальства нѣтъ, начальство въ городѣ». Упразднивъ, такимъ образомъ, начальство, крестьяне признавали рядомъ съ этимъ невозможнымъ не заполнить эту образовавшуюся пустоту между ними и созданнымъ

же ихъ воображеніемъ замѣстителемъ Царской власти. Пустоту эту и заняли студенты, которые въ мнѣніи крестьянъ и представляютъ упраздненное начальство.

Вотъ причина, почему слово «студентъ» проходитъ красной нитью во всѣхъ проявленіяхъ мечтаній крестьянъ.

Обращаясь къ самому движенію, при извѣстной группировкѣ случаевъ разграбленія экономій на всемъ пространствѣ пораженныхъ мѣстностей, получается довольно интересный выводъ. (При этомъ исключаются дѣла о картофельныхъ безпорядкахъ въ Карловкѣ, не имѣющихъ, по мнѣнію моему, общаго значенія съ остальными).

Полтавская губернія.

25 марта крестьяне деревни Лисичьей, какъ извѣстно, предъявили Коломійцу требованіе очистить имѣніе и съ угрозами ушли.

27 марта дѣлаются нападенія на экономіи Чамары, Костырко, Гриневича, Курова и Водяницкаго (3 д.), каковыя частями продолжались до 30 марта.

28 марта разграбленъ ненавистный крестьянамъ Роговской.

29 марта уже 5 экономій разграблены.

30 марта тоже число случаевъ.

А уже 31 марта крестьяне, почувствовавъ за собой почву, разносятъ 14 экономій.

1 апреля, хотя уже войска принимаютъ участіе въ дѣлѣ, но разгоряченныя страсти крестьянъ обрушиваютъ ихъ еще на 8 усадебъ.

2 апрѣля конецъ движенія задѣлъ лишь 3 экономіи.

Харьковская губернія.

31 марта разграблены 2 экономіи, при участіи Полтавскихъ крестьянъ.

1 апрѣля — уже 13 экономій.

2 апрѣля разграблено 9 экономій.

И съ прибытіемъ князя Оболенскаго движеніе было подавлено.

Такимъ образомъ, оказывается, что на двухъ крайнихъ и другъ другу противоположныхъ участкахъ безпорядки прекращены почти одновременно.

Интересно также, что послѣдніе прибои этихъ волнъ движенія остановились у входа въ города, съ одной стороны въ 8 верстахъ отъ Полтавы, съ другой — въ 3-хъ верстахъ отъ Валокъ. Но характеръ этихъ двухъ дѣйствій толпы получился совершенно разный. Въ деревнѣ Ковалевкѣ, имѣніи Трепке, хотя толпа, подъ вліяніемъ унтеръ-офицера Павла Шанды, и пыталась оказать сопротивленіе войскамъ, окончившееся нѣсколькими человѣками убитыхъ и раненыхъ огнемъ отряда, но самая форма разграбленія была общая со всѣми дѣлами этого района: похищали только зерно, муку и кормъ для скота. (Здѣсь оказывалась сила пропа-

ганды Лисичанъ, которые указывали ничего иного, кромѣ сказаннаго, не брать). (См. дѣло Неботарева).

Въ Валковскомъ же уѣздѣ, по дѣлу Корсуна, также были пущены казаки, которые силою холоднаго оружія разогнали толпу.

Но здѣсь скопомъ не только было все разграблено и въ экономическихъ постройкахъ и въ жиломъ домѣ, и сожжена усадьба, но, сверхъ того, толпа, что явствуетъ изъ показаній самого Корсуна и его семьи, нѣкоторое время не выпускала потерпѣвшаго, напирая на него и, видимо, дѣлая попытки уронить на землю. Если бы это случилось, то, несомнѣнно, онъ былъ бы убитъ.

Къ счастью, Корсунъ успѣлъ вскочить въ сосѣднюю комнату, а буйствующіе, занявшись грабежомъ, о немъ забыли, и онъ впослѣдствіи скрылся.

Не надо упускать изъ вида, что, какъ это установлено на судѣ, того же числа утромъ толпа дѣлала попытку уже собраться въ г. Валкахъ, съ цѣлью разграбить казначейство и лавки.

Полиция, пользуясь сравнительной еще малочисленностью крестьянъ, успѣла ихъ во-время оттѣснить. Но при этомъ слышались въ скопѣ голоса о томъ, что исправника надо бы убить за то, что не даетъ грабить, а также надо убить всѣхъ пановъ. «Теперь воля наша», — говорилъ обвиняемый Колайгорода.

Ограбленіе Корсуна случилось уже послѣ этого происшествія (пок. Іевенко и др.).

Что было бы, если Харьковскій губернаторъ опоздалъ въ Валки на сутки, даже предвидѣть трудно.

Земскій начальникъ Глушковъ увѣрялъ меня, что въ народѣ ходятъ теперь толки, что для слѣдующихъ экономій заготовлялись будто бы уже висѣлицы и что при разграбленіи г. Валокъ предположено было участіе многихъ крестьянъ Полтавской губерніи, которые, частью, уже тогда и пріѣхали.

Заканчивая эту часть моей записки, мнѣ остается только опредѣлить существо самого движенія.

По мнѣнію моему, движеніе это — явленіе совершенно новое. Основанія его не связаны ни съ предыдущимъ теченіемъ мыслей крестьянъ, ни съ прежними формами выраженій ихъ частныхъ неудовольствій.

Движеніе это имѣетъ за собой почву чисто соціальную. Крестьянскія массы этими своими дѣйствіями выразили протестъ на неудовлетворительность всей совокупности своихъ условій жизни, которыя они находятъ, видимо, уже нестерпимыми. Форма этого протеста груба и безсмысленна, какъ груба и самая жизнь и вся обстановка крестьянъ.

Безсмертныя слова поэта: «Русскій бунтъ, безсмысленный, безпощадный», невольно просятся подъ перо.

Разсматривая этотъ вопросъ, никоимъ образомъ нельзя ограничить свои разсужденія только пораженными безпорядками уѣздами, такъ какъ, безъ всякаго сомнѣнія, событія эти имѣли значительный откликъ на большемъ разстояніи отъ происшествій, въ

сердцахъ и прочихъ крестьянскихъ массъ. И то, что случилось здѣсь, можетъ легко повториться и въ иныхъ мѣстахъ, если къ тому не будутъ приняты своевременно надлежащія мѣры, которыя одними административными репрессіями ограничиться не могутъ. Данные безпорядки показали, что крестьяне наши, вообще, переживаютъ въ настоящую минуту очень нездоровый психологическій моментъ, и я считалъ своимъ священнымъ долгомъ, какъ умѣлъ, установить это на предыдущихъ страницахъ.

XVI.

Административныя наказанія крестьянъ и ихъ послѣдствія. Теперешнее настроеніе массъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ.

Я не могу считать мой трудъ оконченнымъ, если не коснусь еще обстоятельствъ, вытекающихъ изъ самыхъ судебныхъ дѣлъ, имѣющихъ притомъ неразрывную связь съ событіемъ: я говорю о тѣхъ предупредительныхъ наказаніяхъ, къ которымъ администрація признала нужнымъ прибѣгнуть, въ виду важности самого преступленія, а равно и о томъ впечатлѣніи, которое наказанія эти произвели на населеніе.

Харьковскій губернаторъ князь Оболенскій, только что передъ тѣмъ вступившій въ должность, не успѣвъ ознакомиться ни съ обстановкой губерніи, ни съ свойствами личнаго состава подчиненныхъ ему по службѣ лицъ, былъ поставленъ въ необходимость начать свое управленіе съ усмиренія крестьянскаго бунта.

Только благодаря особой энергіи, проявленной Харьковскимъ губернаторомъ, безпорядки, начавшіеся въ Валковскомъ уѣздѣ 31 марта, къ 3 апрѣля были совершенно прекращены.

Какія бы тогда мѣры ни принимала администрація, какъ бы жестоки ни были репрессіи во время этихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, всѣ они были умѣстны, потому что преслѣдовали одну цѣль: спасти другія части губерніи отъ столь остро разыгравшагося натиска крестьянъ.

Не нужно, при томъ, упускать изъ виду, что власти были застигнуты событіемъ врасплохъ и растерялись до чрезвычайности.

Тѣ нѣсколько дней, пока продолжались безпорядки, можно назвать, въ полномъ смыслѣ этого слова, смутными днями.

Я не буду здѣсь касаться свѣдѣній—ни о какихъ проявленіяхъ разнузданности казаковъ, ни о той паникѣ, которой было населеніе охвачено до такой степени, что, по словамъ земскаго начальника Глушкова, былъ случай, когда одинъ крестьянинъ, не подлежащій даже тѣлесному наказанію, отъ одного вида истязаній пришелъ въ такое нервное состояніе, что его пришлось два раза снимать съ петли; и, наконецъ, о томъ, что, по словамъ уѣзднаго члена Абрамова, кучеръ какой-то помѣщицы, пріѣхавшій за сѣномъ, по ея же приказанію, несмотря на всякіе протесты, былъ

высѣченъ казаками, какъ грабитель; не буду касаться по этому предмету и многаго другого.

Повторяю, время тогда было такое. Надо было бунтъ усмирить, а разбираться, кто правъ, кто виноватъ, было некогда, да и некому.

На этомъ фонѣ все же интересны слѣдующія два лица, игравшія, повидимому, значительную роль въ дѣлѣ обнаруженія на первыхъ порахъ виновныхъ, и на нихъ прошу разрѣшенія нѣсколько остановиться.

По дѣлу Корсуна, въ первой очереди, выступилъ свидѣтель, крестьянинъ Валковской волости Федоръ Іевенко, мужчина огромнаго роста, съ громогласнымъ, не терпящимъ возраженій голосомъ, мясникъ по профессіи.

Узнавъ, что кругомъ безпорядки, Іевенко говоритъ, что онъ рѣшилъ принять на себя роль защитника правды. Сначала ограничивался только тѣмъ, что ходилъ по базару и объявлялъ «слово и дѣло».

Какъ только до его слуха доходили съ чьей-либо стороны подозрительныя слова, Іевенко тотчасъ же собственноручно влекъ виновнаго въ полицію.

Такъ крѣпъ Іевенко и крѣпла его благонадежность въ глазахъ уѣздной администраціи.

Затѣмъ, повѣствуетъ Іевенко, слыхалъ я, что какіе-то новые Цари съ студентами собираются итти на городъ Валки, и что есть приказъ убивать пановъ. Рѣшилъ я защищать Валки. Собралъ еще 5 товарищей, стали мы на плотинѣ (въѣздъ въ городъ). Посмотрю, думаю я, какіе это Цари. Если настоящій Царь, пусть голову снесетъ. А если фальшивый, «то лови Царей».

Когда, по образному выраженію Іевенко, «штурма» съ пріѣздомъ губернатора кончилась, онъ направилъ себя и свою команду на другія занятія.

Засѣлъ онъ при дорогѣ, ведущей въ городъ, и при малѣйшемъ сомнѣніи хваталъ всякаго проходящаго и велъ куда слѣдуетъ, за полученіемъ по заслугамъ.

Сколько времени продолжалось это сидѣнье, Іевенко не объяснилъ, но зато подробно остановился на томъ, какъ его потребовали къ губернатору и тотъ его цѣловалъ, почему-то въ каждый високъ по три раза, и обѣщалъ наградить.

Правда, обвиняемый Калайгорода пытался уличить Іевенко въ томъ, что онъ пьяница и подстрекатель, что ему были даны какія-то особыя права, на основаніи которыхъ Іевенко его, невиннаго, привлекъ къ отвѣту, «а теперь, — говорилъ далѣе Калайгорода, — я просидѣлъ 5 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, а несчастная семья моя пропадаетъ съ голоду, подъ заборомъ».

Обвиняемый Тупица, въ свою очередь, заявлялъ, что Іевенко будто бы требовалъ 5 рублей, чтобы на него не показывать.

Свидѣтели защиты говорили, что Іевенко и его команда непробудно пили водку и хватали всякаго безъ разбору, и что отъ нихъ много невинныхъ пострадало.

Но можно ли вѣрить такимъ свидѣтелямъ, когда они, быть можетъ, сами участвовали въ грабежахъ.

Однимъ словомъ, никому не удалось затемнить великолѣпную фигуру Іевенко.

Другой типъ, Рапота, дѣятель того же направленія, но уже въ предѣлахъ окрестныхъ селъ. Ему не повезло, потому что обвиняемые по дѣлу Степаненки гдѣ-то настигли его во время дѣйствія и жестоко избили.

Свидѣтель защиты Разумовскій говорилъ о Рапотѣ, что онъ безъ устали скакалъ на сѣрой лошади по деревнямъ, за всѣми гонялся, всѣхъ билъ, хваталъ и влекъ къ отвѣту, часто и безъ должныхъ основаній. (Правда ли это?).

Допуская даже, что люди, подобные Іевенко и Рапотѣ, честные и вѣрные, но все же нельзя не признать, что только особая растерянность властей могла уполномочить ихъ силой рѣшителей судебъ населенія, въ вопросахъ о виновности тѣхъ или иныхъ участниковъ въ безпорядкахъ.

Все это было бы еще ничего, если бы князь Оболенскій не призналъ, сверхъ того, необходимымъ и далѣе терроризировать населеніе. Отбывая въ Харьковъ, онъ предоставилъ всѣмъ, кто считалъ себя начальствомъ на мѣстѣ, продолжать экзекуціи.

Нужно сожалѣть, что все это дѣло даже не было хоть какъ-нибудь организовано. Сѣкъ всякій кого хотѣлъ и какъ хотѣлъ.

Памятный циркуляръ Валковскаго предводителя дворянства Ширкова земскимъ начальникомъ — достойный показатель того, что тогда происходило.

Ненавистный крестьянамъ управляющій имѣніемъ Яхонтовой Грубе нѣсколько открылъ передъ судомъ завѣсу того, какъ въ тѣ поры опредѣлялись виновные. Онъ говорилъ, что давалъ очистительныя бумаги тѣмъ крестьянамъ, которыхъ считалъ хранителями экономическаго имущества, а не грабителями, дабы «ихъ не пороли», какъ онъ выразился.

Такимъ образомъ, судьба крестьянъ передъ лицомъ экзекуціонныхъ командъ зависѣла отъ воли и благосклонности потерпѣвшихъ, по большей части, всякихъ разночинцевъ: собственниковъ, арендаторовъ и управляющихъ.

Могу ли быть обвиненнымъ въ голословности, если скажу, что здѣсь сводились личные счеты, а не карались виновные.

Земскій начальникъ Глушковъ разсказывалъ, въ присутствіи товарища прокурора палаты Юшневскаго, что крестьянъ сѣкли безъ счета.

Бывали, по его словамъ, и такія сцены. Нѣкая казачья команда шла куда-то на экзекуцію. Черезъ часъ пріѣхавъ послѣ казаковъ, Глушковъ узналъ, что крестьяне встрѣтили воинскую часть съ

хлѣбомъ, солью и водкой. Вмѣсто экзекуціи началось повальное пьянство.

Уѣздный членъ Абрамовъ въ своихъ разсказахъ идетъ еще дальше.

Все это, вмѣстѣ взятое, произвело на населеніе данной мѣстности, по мнѣнію моему, впечатлѣніе, совершенно обратное тому, которое ожидалось властями.

Крестьяне озлобились и, какъ я ниже поясню, не даютъ себѣ труда скрывать эти свои чувства.

Такое настроеніе было даже замѣтно среди обвиняемыхъ, во время судебныхъ засѣданій.

Въ главѣ объ экономическомъ положеніи мной было уже подробно изложено показаніе подсудимаго по дѣлу Яхонтовой, Кіяна.

По дѣлу же Лингарта двадцать человѣкъ обвиняемыхъ голосомъ Петра Фесуна заявили, что всѣхъ ихъ пересѣкли, получили же они больше 200 ударовъ каждый, при чемъ, въ частности, Фесунъ увѣрялъ, что самъ нѣсколько часовъ послѣ экзекуціи былъ безъ сознанія. Далѣе Фесунъ еще спрашивалъ: «Почему ихъ изъ общаго числа всѣхъ грабителей выбрали для столь жестокаго наказанія. Кромѣ того, они же по 5 мѣсяцевъ высидѣли въ тюрьмѣ, а теперь хотятъ въ третій разъ судить».

Обвиняемые хотѣли также знать, имѣли ли право казаки забирать у нихъ даромъ всѣ съѣстные припасы.

Во время перерыва засѣданія тѣ же лица, въ присутствіи кандидатовъ на судебныя должности Горвица и Германа, говорили мнѣ, что они всѣ свою вину сознаютъ, но просятъ сказать, почему ихъ сѣкли не во время безпорядковъ, а потомъ, когда они уже все владѣльцу возвратили. Сѣкли, по ихъ словамъ, народъ кругомъ и земскіе начальники, и исправники, и становые, и офицеры.

При этомъ одинъ изъ подсудимыхъ съ глубокимъ вздохомъ сказалъ: «Пострадалъ и вѣрно еще пострадать придется».

Настроеніе крестьянъ, по словамъ земскаго начальника Глушкова, неудовлетворительное. Напримѣръ, въ вопросахъ о такъ называемыхъ «покаянныхъ приговорахъ» было много заботъ ихъ получить (частно).

Крестьяне отказывались ихъ выдать и, въ концѣ концовъ, постановили только потому, что надѣялись, что дѣло этимъ и кончится.

Земскіе начальники Глушковъ и Фюнеръ говорили мнѣ также, что распредѣленіе платежей по возмѣщенію убытковъ потерпѣвшимъ отъ преступленія проходитъ при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. Крестьяне на волостныхъ и сельскихъ сходахъ выказываютъ особую возбужденность настроенія, держатъ себя такъ, какъ будто происходитъ не серьезное дѣло, а какой-то балаганъ. Нужно дѣлать много усилій, чтобы удержать ихъ въ рамкахъ хотя бы полуприличій.

Обращаясь къ Полтавской губерніи, здѣсь приходится быть нѣсколько въ иной обстановкѣ: бывшій губернаторъ Бельгардъ,

какъ то въ своемъ мѣстѣ указано, долго не понималъ значенія событія. Медлилъ, не зная, что предпринять, чѣмъ и далъ возможность безпорядкамъ принять уже угрожающій характеръ.

Ни постоевъ войскъ, ни систематическаго сѣченія населенія въ Полтавской губерніи не было.

Но были налицо также случаи излишней жестокости, не оправдываемой обстоятельствами дѣла.

Чтобы не быть голословнымъ, укажу на слѣдующіе примѣры. По одному изъ дѣлъ Карловской экономіи, было совершено хищеніе 30 пудовъ сѣна, стоимостью 15 р. Въ это время самъ губернаторъ находился въ м. Карловкѣ. Узнавъ о случившемся, какъ то показывалъ на судѣ старшина Борицкій, онъ приказалъ разыскать виновныхъ, а зачинщиковъ наказать розгами. Несмотря на то, что уликъ налицо не было, 17 крестьянъ повинились, а такъ какъ требовались зачинщики, то было рѣшено шестерымъ лечь подъ розги. Они были жестоко наказаны.

По дѣлу Павлова крестьяне не только по прибытіи полицейскаго чиновника Лутовинова прекратили грабежъ, но даже снарядили 100 подводъ подъ войска. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что крестьяне хотѣли заграбленный хлѣбъ сложить въ волостное правленіе и ждать распоряженія губернатора, какъ съ нимъ поступить. Несмотря на наличность всего этого, розги были и здѣсь. Одинъ изъ обвиняемыхъ заявлялъ суду, что получилъ 150 ударовъ, другой, что будто бы его полицейскіе жестоко избили.

По дѣлу Шацило, изъ разговоровъ съ обвиняемыми, выяснилось, что высѣчены 10 человѣкъ, изъ нихъ Устенко (23 л.) получилъ 200 ударовъ, лежалъ, по его словамъ, 2 мѣсяца въ больницѣ и теперь еще не можетъ оправиться. Старикъ 65 лѣтъ получилъ 65 ударовъ.

Подсудимые говорили, что ихъ сѣкли черезъ двѣ недѣли после происшествія. Распоряжался экзекуціей какой-то чиновникъ, фамилію котораго они не знаютъ.

Обвиняемый Щетина, по дѣлу Филимонова и другихъ, объяснилъ суду, что сначала онъ получилъ 200 ударовъ розогъ, а когда его, безчувственнаго, принесли домой, къ нему ворвались 2 урядника и били еще плетьми.

Видъ Щетины ужасный, это какой-то полумертвый человѣкъ. Съ нимъ во время засѣданій случались припадки, нѣчто среднее между Витовой пляской и падучей; особенно одинъ былъ тяжелый, длился часа два, пришлось послать за докторомъ. Кругомъ крестьяне говорили, что до экзекуціи Щетина былъ здоровъ.

Константиноградскій исправникъ Кравчинскій, бывшій во время безпорядковъ, какъ помощникъ Полтавскаго полиціймейстера, въ распоряженіи губернатора, сообщилъ мнѣ слѣдующія свои заключенія: крестьяне, по его мнѣнію, затаили злобу и розогъ не забудутъ. Здѣсь къ такому обращенію не привыкли. Кравчинскій видѣлъ примѣры замѣчательнаго подъ розгами мужества. Онъ былъ свидѣтелемъ, въ Полтавскомъ уѣздѣ, такого, поразив-

шаго его, случая: нѣкій крестьянинъ, во время сѣченія, все огрызался, били его неистово. Когда, наконецъ, кончили, онъ всталъ и, обращаясь къ губернатору съ низкимъ поклономъ, сказалъ: «Покорно благодарю», а затѣмъ вошелъ въ толпу.

Кравчинскій разсказывалъ мнѣ еще о бабѣ лѣтъ 50-ти. Когда высѣкли ея сына, онъ возвратился домой въ растерзанномъ видѣ, мать выскочила на улицу и кричала крестьянамъ: «Что вы на нихъ смотрите, впередъ. Сѣчь нельзя, гдѣ эти законы». Съ разрѣшенія Бельгарда и эту бабу высѣкли, но въ сельскомъ правленіи.

О нынѣшнемъ настроеніи крестьянъ, Кравчинскій говорилъ мнѣ, что при обыскахъ у нихъ никакой преступной литературы не находятъ, но можно съ увѣренностью сказать, что все это ими припрятано. Крестьяне молчатъ, никакихъ свѣдѣній не даютъ и выяснить ходъ пропаганды нѣтъ возможности.

Еще приведу примѣръ, иллюстрирующій порядокъ экзекуціи въ Полтавской губерніи: судебный слѣдователь Матвѣевъ говорилъ мнѣ, что во время служебныхъ поѣздокъ имъ обнаружено слѣдующее: въ одну деревню прибылъ экзекуціонный отрядъ и потребовалъ выдачи зачинщиковъ, крестьяне указали на двухъ, ихъ положили и высѣкли. Впослѣдствіи же обнаружилось, что эти два ни въ какихъ грабежахъ не участвовали.

Князь Урусовъ мнѣ говорилъ, что и въ Полтавской губерніи потерпѣвшіе являлись единственными рѣшителями вопроса о томъ, кто являлся участникомъ въ грабежахъ.

Настроеніе крестьянъ въ Полтавской губерніи, по моему, хуже, чѣмъ въ Харьковской. Мнѣ особенно не нравится та угнетенность, та сосредоточенность, которая замѣчалась мной у всѣхъ лицъ, прошедшихъ черезъ судъ.

Населеніе пало ницъ подъ тяжестью перенесенныхъ наказаній, но прикрывъ собой всю введенную въ его среду преступную литературу, затаивъ въ себѣ всѣ внушенныя ему мысли и идеи, которымъ крестьяне, видимо, продолжаютъ вѣрить.

Поверхностно кажется,—все идетъ по старому, тѣ же земскіе начальники, тѣ же священники, старшины, старосты, полицейскіе, десятскіе...

Крестьяне молчатъ, никому ни въ чемъ не перечатъ, но за то ничего о прошломъ не говорятъ, никого не выдаютъ.

Товарищъ прокурора Хаецкій говорилъ мнѣ, что будто бы Лисичанское и Максимовское общества (Константиноградскаго уѣзда) отказываются брать землю въ наймы на будущій годъ.

Повторяю здѣсь, что сказалъ выше: не репрессіями можно надѣяться вылѣчить тяжкій недугъ нашего крестьянства.

Настоящую записку имѣю честь представить на милостивое благовоззрѣніе Вашего Высокопревосходительства.

Состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ, сверхъ комплекта, во 2-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, исполн. обязанности товарища оберъ-прокурора статскій совѣтникъ *Григорій Коваленскій.* (т. V, л. 1—67).

№ 18.

Судъ надъ крестьянами.

17-го сентября въ зданіи Валковскаго народнаго дома происходилъ судъ. Со 2-го та же судебная палата начала засѣдать въ Константиноградѣ, уѣздномъ городѣ Полтавской губерніи. И тамъ, и здѣсь судятъ крестьянъ Полтавской и Харьковской губерній, принимавшихъ участіе въ безпорядкахъ весною этого года. Что это за безпорядки—вы знаете. Крестьяне голодали—и, наконецъ, у нихъ не стало силъ: они пошли къ помѣщикамъ и взяли себѣ хлѣба. За это ихъ сѣкли, наказали постоемъ, наложили денежное взысканіе въ 800 тысячъ рублей, потомъ бросили въ тюрьму. А теперь тѣ, которые думаютъ, что они, судьи, устанавливаютъ порядокъ, судятъ ихъ за безпорядки.

Не ошибка ли это? То ли назвать безпорядкомъ, что голодный пошелъ взять себѣ пищи? Или же безпорядкомъ нужно назвать тотъ строй, въ которомъ милліоны людей нищи, голодны, безграмотны, похожи больше на австралийскихъ дикарей, чѣмъ на жителей европейскаго государства, а какой-нибудь десятокъ тысячъ живетъ полной жизнью, вкусно ѣстъ, сладко пьетъ, наслаждается всей красотой міра, всѣми радостями жизни.

Смотрите, порядокъ ли это: о томъ, какъ жилось крестьянамъ, что заставило ихъ броситься, очертя голову, въ помѣщичьи имѣнія за хлѣбомъ, объ этомъ спрашиваютъ не самихъ крестьянъ, а тѣхъ, кто разорилъ ихъ, кто довелъ ихъ до безумнаго отчаянія, спрашиваютъ помѣщиковъ. Но скажутъ ли они, что это они, помѣщики, которыхъ спрашиваютъ, да правительство, назначившее теперь судъ, надъ крестьянами, они одни виноваты въ томъ общемъ безпорядкѣ, который называется нашимъ порядкомъ? Нѣтъ, они этого не скажутъ, а скажутъ они то, что сказалъ одинъ изъ свидѣтелей, г-нъ земскій начальникъ Фюнеръ: «Нѣтъ, крестьяне не голодаютъ, не бѣдствуютъ, земли у нихъ достаточно, около десятины на душу. Не голодъ погналъ ихъ въ наши имѣнья, а жадность и зависть. И вотъ они нарушили порядокъ». Но не скажетъ земскій начальникъ объ этомъ порядкѣ того, что сказалъ одинъ изъ обвиняемыхъ крестьянъ: онъ не скажетъ, что значатъ эти три четверти десятины на душу. Это значитъ, что крестьянская семья въ 5—6 чел. совершенно голодаетъ, что нѣтъ у нея самаго меньшаго изъ необходимой человѣку пищи—хлѣба. Онъ не скажетъ, что гдѣ-нибудь въ Воронежской губ. съ одной десятины живетъ уже не 5, а 25; не скажетъ, что арендныя цѣны на помѣщичьи земли идутъ все въ гору и въ гору, а крестьянскіе урожаи съ каждымъ годомъ все подъ гору. И не можетъ онъ этого сказать, потому что такой порядокъ создаетъ онъ самъ, какъ дворянинъ и помѣщикъ.

Смотрите, не безпорядокъ ли это, что наказанныхъ уже крестьянъ наказываютъ снова, когда въ законѣ ясно сказано: «за одну вину не взыскивай дважды».

Смотрите, порядокъ ли то, что судъ волковъ надъ овцами творится втихомолку. Двери суда заперты, не значитъ ли это, что за ними вершатся темныя дѣла? Что прячутъ за этими дверьми? И отъ кого прячутъ? Прячутъ они темныя картины крестьянской жизни, которыя раскрылись на судѣ, картины того рабскаго гнета, въ которомъ живетъ нашъ несчастный народъ, покорно и робко склоняющій свою голову подъ ярмомъ неустаннаго труда... Законъ допускаетъ и за закрытыя двери родственниковъ и друзей обвиняемыхъ. Но разные бываютъ друзья. Въ числѣ друзей могутъ притти такіе, которые знаютъ, что на скамьѣ подсудимыхъ должны сидѣть не голодные крестьяне, а ихъ сытые судьи и свидѣтели, помѣщики, чиновники, попы. И отъ такихъ друзей прячетъ правительство свой неправый и немилостивый судъ. И потому особымъ распоряженіемъ закрыты двери суда также для родственниковъ.

Смотрите, не насмѣшка ли это надъ порядкомъ, что въ томъ самомъ народномъ домѣ, который призванъ пробудить въ крестьянинѣ человѣка, судятъ этого самаго крестьянина за то, что онъ разъ въ жизни почувствовалъ себя человѣкомъ.

Смотрите дальше. Смотрите, какой безпорядокъ вноситъ правительство повсюду. Смотрите, какъ оно уничтожаетъ единственное, на чемъ бы еще могъ держаться его порядокъ—законъ. Какъ въ домѣ, охваченномъ пожаромъ, люди, спасаясь отъ смерти въ огнѣ, въ безумномъ отчаяніи бросаются изъ оконъ со всей высоты дома, забывая, что ихъ ждетъ другая смерть,—такъ и русское правительство подъ заревомъ надвигающагося пожара революціи въ страхѣ ломаетъ ту единственную поддержку, на которой можетъ держаться правительство вообще,—и забываетъ, что оно готовитъ себѣ иную смерть, смерть, поражающую всякое правительство, держащееся произволомъ.

Идите же, товарищи, произнести свой судъ надъ этими неправедными судьями и надъ этимъ порядкомъ, идите въ ряды соціалъ-демократовъ бороться съ русскимъ самодержавіемъ за единственно справедливый порядокъ.

* * *

А вотъ мнѣніе о теперешнемъ порядкѣ честныхъ людей—защитниковъ осужденныхъ крестьянъ. Правительство, предавшее суду невинныхъ крестьянъ, закрываетъ дверь этого суда, кончило тѣмъ, что зажало ротъ защитникамъ. Оно запретило имъ говорить о томъ, что крестьяне были уже дважды наказаны. Тогда защитники написали то заявленіе, которое мы печатаемъ ниже *). Въ этомъ заявленіи передъ нами уже не мирные защитники не-

*) Оно приведено, см. стр. 37—38.

винно осужденныхъ людей, а судьи судей, судьи правительства, вторгшагося въ права защиты, чтобы скрыть свои преступныя дѣянія. Они бросаютъ свой протестъ этому правительству передъ лицомъ всего міра. Своимъ офиціальнымъ заявленіемъ они уличаютъ его въ его преступленіяхъ. Они свидѣтельствуютъ, что крестьяне претерпѣли страшное, несоразмѣрное съ ихъ виной наказнье, о которомъ молчали газеты, о которомъ запрещалъ говорить предсѣдатель суда. Послѣ порки крестьянъ въ деревню пустили солдатъ. И солдаты, поощряемые поддержкой своего начальника, хозяйничали въ деревняхъ, какъ въ непріятельской странѣ. Разоряя нищенское крестьянское хозяйство, они еще издѣвались надъ самимъ крестьяниномъ, били мужчинъ и позорили женщинъ. Да, этого не скроешь теперь. О совершенныхъ насиліяхъ говоритъ заявленіе защитниковъ. Этотъ важный, скрѣпленный многими подписями, документъ обойдетъ всю Россію, попадетъ въ иностранныя газеты, всюду рождая негодованіе противъ русскаго правительства. Люди, еще твердившіе о законности русскаго правительства, о преувеличеніяхъ революціонеровъ, прочтя этотъ документъ, скажутъ себѣ: «Да, по приказанію правительства, совершаются насилія и преступленія. Такое правительство преступно, и вотъ обвинительный актъ этого преступника». Но преступникъ уже самъ испугался этого акта: засѣдающая въ Полтавѣ палата разрѣшила защитникамъ говорить о тѣлесномъ наказаніи крестьянъ. Но не поздно ли это? Развѣ заявленіе не будетъ прочтено всѣмъ русскимъ обществомъ? Развѣ мы, революціонеры, не позаботимся о томъ, чтобы оно разошлось далеко въ рабочій народъ? Развѣ каждый изъ насъ не отнесетъ этотъ листокъ знакомому крестьянину? Читайте же его, товарищи, объясняйте другимъ, несите въ деревню и учите крестьянъ думать, что не царь-батюшка дастъ ему порядокъ въ жизни, не отъ него ждать крестьянину счастья и доли.

Организація «Искры» и «Группа Южнаго Рабочаго».

(т. V, л. 143).

№ 19.

Справка о количествѣ лицъ, преданныхъ суду, осужденныхъ и оправданныхъ по дѣламъ о крестьянскихъ безпорядкахъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, разрѣшенныхъ Харьковскою и Кіевскою судебными палатами.

На подлинномъ рукою Господина Министра Юстиціи написано:
«Доложено Его Величеству 18 декабря 1902 г. в Царском Селѣ».
Вѣрно: За Вице-Директора (подпись).

а) Предано суду . . . . . 960 лицъ [1]);
б) оправдано . . . . . 123 лица;

[1]) Относительно одного лица, за его смертью, дѣло дальнѣйшимъ производствомъ прекращено.

в) осуждено по ст. 269¹ улож. наказан. [1]) . 836 лицъ;

г) изъ числа осужденныхъ судебными палатами постановлено ходатайствовать объ облегченіи, въ путяхъ Монаршаго милосердія, участи . . . . . 761 лица;

д) изъ числа осужденныхъ, приговорены:

Къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе:	Присуждены.	Изъ нихъ постановлено ходатайствовать объ облегченіи участи.
1 на 4½ года	1	—
2 „ 4 года	4	—
3 „ 2½ года	7	7
4 „ 2 „	5	3
5 „ 1½ года	17	17
6 „ 1 годъ и 4 мѣсяца	22	22
7 „ 1 „ 3 „	4	4
8 „ 1 „ 2 „	1	—
9 „ 1 годъ	66	39
Итого	127	92

---

[1]) Ст. 269¹ уложен. о наказан. (по Продолженію 1902 года т. XV свода законовъ). Виновный въ участіи въ публичномъ скопищѣ, учинившемъ соединенными силами насиліе надъ личностью, похищеніе или поврежденіе чужого имущества, или вторженіе въ чужое жилище, или покушеніе на сіи преступленія вслѣдствіе побужденій, проистекшихъ изъ вражды религіозной, племенной или сословной, или изъ экономическихъ отношеній, подвергается:

лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по третьей, четвертой или пятой степени статьи 31 (по Прод.) сего Уложенія.

Если же скопище оказало сопротивление силами, насильственное противодѣйствіе вооруженной силѣ, призванной для его разсѣянія, то участвовавшій въ такомъ противодѣйствіи подвергается:

лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на время отъ шести до восьми лѣтъ, или отъ четырехъ до шести лѣтъ.

Устроившій скопище, первою частью сей статьи предусмотренное, или участникъ онаго, имъ руководившій при учиненіи насилія надъ личностью, похищенія или поврежденія чужого имущества, или вторженія въ чужое жилище, или покушенія на такія дѣйствія, а также подстрекавшій къ учиненію или продолженію оныхъ, подвергается:

лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по первой или второй степени статьи 31 (по Прод.) сего Уложенія.

	Присуждены.	Изъ нихъ постановлено ходатайствовать объ облегчении участи.
II. Къ заключенію въ тюрьмѣ, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ:		
1 на 1½ года	1	—
2 „ 1 годъ и 4 мѣсяца	67	67
3 „ 1 „	22	17
4 „ 10 мѣсяцевъ	20	20
5 „ 8 „	503	498
6 „ 4 мѣсяца	5	5
Итого	618	607
III. Къ заключенію въ тюрьмѣ, безъ лишенія правъ:		
1 на 1 годъ	1	—
2 „ 10 мѣсяцевъ	1	—
3 „ 8 „	1	—
4 „ 7 „	2	—
5 „ 4 мѣсяца	11	10
6 „ 3 „	4	1
7 „ 2 „	71	51
Итого	91	62
Всего	836	761

Справка о количествѣ лицъ, преданныхъ суду, осужденныхъ и оправданныхъ по дѣламъ о крестьянскихъ безпорядкахъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, разрѣшеннымъ Харьковскою и Кіевскою судебными палатами:

а) Предано суду . . . . . 937 лицъ [1]);
б) оправдано . . . . . 115 лицъ;

Участнику скопища, руководившему при учиненіи насильственнаго противодѣйствія вооруженной силѣ, призванной для разсѣянія сего скопища, или подстрекавшему къ учиненію или продолженію упомянутаго противодѣйствія, наказаніе можетъ, по усмотрѣнію суда, быть увеличено:

одною, двумя или тремя степенями.

[1]) Въ отношеніи одного подсудимаго дѣло прекращено за его смертью, а относительно одного производство было выдѣлено; нынѣ онъ задержанъ, преданъ суду и дѣло о немъ назначено къ слушанію въ Харьковской с. п. на 17 марта (1903 г.).

в) осуждено по ст. 269[1] улож. наказ. . . 820 лицъ;

г) изъ числа осужденныхъ судебными палатами постановлено ходатайствовать объ облегченіи, въ путяхъ Монаршаго милосердія, участи . . . . . 750 лицъ:

д) изъ числа осужденныхъ, приговорены:

	Присуждены.	Изъ нихъ постановлено ходатайствовать объ облегченіи участи.	Министерство Юстиціи въ отношеніи сихъ ходатайствъ предполагаетъ:			
			Удовлетворить.	Смягчить.	Усилить.	По закону.
I. Къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе:						
1 на 4½ года	1	—	—	—	—	—
2 „ 4 года	4	—	—	—	—	—
3 „ 2½ года	7	—	—	—	—	—
4 „ 2 года	2	—	—	—	—	—
5 „ 1 годъ	18	18	11	—	7	—
6 „ 1 годъ и 3 мѣс. .	4	4	—	—	4	—
7 „ 1 „ 2 „ .	2	—	—	—	—	—
8 „ 1 годъ	64	39	21	—	17	1
Итого . . .	102	68	32	—	33	1
II. Къ заключенію въ тюрьмѣ, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ:						
1 на 2 года	3	3	3	—	—	—
2 „ 1 годъ	1	—	—	—	—	—
3 „ 1 годъ и 4 мѣс. .	88	88	55	—	33	—
4 „ 1 годъ	23	20	9	—	9	2
5 „ 10 мѣсяцевъ	21	21	15	—	6	—
6 „ 8 „	489	483	313	27	134	9
7 „ 4 мѣсяца	9	9	7	—	2	—
Итого . . .	634	624	402	27	184	11

III. Къ заключенію въ тюрьмѣ, безъ лишенія правъ:	Присуждены.	Изъ нихъ постановлено ходатайствовать объ облегченіи участи.	Министерство Юстиціи въ отношеніи сихъ ходатайствъ предполагаетъ:			
			Удовлетворить.	Смягчить.	Усилить.	По закону.
1 на 1 годъ	1	—	—	—	—	—
2 „ 10 мѣсяцевъ . . .	1	—	—	—	—	—
3 „ 8 „	2	1	1	—	—	—
4 „ 7 „	2	—	—	—	—	—
5 „ 6 „	1	1	—	—	—	1
6 „ 4 мѣсяца.	14	14	—	—	13	1
7 „ 3 „	2	1	—	—	1	—
8 „ 2 „	61	41	1	—	5	35
Итого . . .	84	58	2	—	19	37
Всего . . .	820	750	436	27	236	51

Такимъ образомъ, из числа 750 осужденныхъ, объ облегченіи участи коихъ ходатайствуютъ Харьковская и Кіевская судебныя палаты, Министерство Юстиціи предполагаетъ:

1. Въ отношеніи 436 осужденныхъ удовлетворить ходатайства судебныхъ палатъ.

2. Въ отношеніи 51 осужденныхъ ходатайства эти отклонить и подвергнуть ихъ наказнію по закону.

3. Относительно 27 осужденныхъ смягчить назначенныя имъ по закону наказанія въ бо̀льшемъ размѣрѣ, чѣмъ это предположено судебными палатами.

4. Въ отношеніи 236 осужденныхъ испросить облегченіе ихъ участи, но съ наложеніемъ на нихъ взысканій, взамѣнъ опредѣленныхъ имъ по закону болѣе строгихъ, чѣмъ это предположено судебными палатами.

(т. V л. 364—365 и т. I л. д. 199—206).

№ 20.

Выписка изъ заключенія о дальнѣйшемъ направленіи произведеннаго отдѣльнаго корпуса жандармовъ ротмистромъ Беклемишевымъ формальнаго дознанія о преступной пропагандѣ среди крестьянъ Полтавской и Харьковской губерній, вызвавшей массовые безпорядки весною 1902 г.

Переходя къ разсмотренію доказательствъ и уликъ, добытыхъ дознаніемъ въ отношеніи каждаго изъ обвиняемыхъ, я нахожу, что совокупностью показаній цѣлаго ряда свидѣтелей уста-

новлено существованіе въ 1901 году и въ началѣ 1902 года въ деревнѣ Лисичьей, Константиноградскаго уѣзда, преступнаго кружка, организованнаго бывшимъ студентомъ Харьковскаго университета дворяниномъ Анатоліемъ Алексѣенко изъ мѣстныхъ крестьянъ: Власа Коркишки, Артема Буцкаго, Тараса Стороженко и Василія Денисько. Анатолій Алексѣенко, наѣзжая періодически въ 1900, 1901 и началѣ 1902 г.г. въ деревню Лисичью, въ имѣніе своей матери, близко сошелся съ поименованными крестьянами и путемъ бесѣдъ и чтенія нелегальныхъ изданій, успѣлъ развить ихъ въ противоправительственномъ направленіи настолько, что впослѣдствіи они уже и сами являлись пропагандистами ученій, способныхъ вызвать въ незрѣлыхъ умахъ крестьянъ только смуту. Какъ Алексѣенко, такъ и остальные обвиняемые, упорно отрицаютъ свою виновность въ предъявленныхъ имъ обвиненіяхъ, при чемъ Алексѣенко ссылается главнымъ образомъ на то, что мнѣніе о преступной дѣятельности его среди крестьянъ деревни Лисичьей сложилось благодаря вліянію священника села Максимовки, отца Іоанна Плахотина, съ которымъ онъ былъ во враждебныхъ отношеніяхъ. Но съ этимъ не возможно согласиться. Детальное разсмотрѣніе собранныхъ противъ Алексѣенко и его товарищей уликъ убѣждаетъ какъ разъ въ противномъ, ибо всѣ допрошенные свидѣтели—это лица, въ большинствѣ случаевъ незнакомыя между собою, живутъ въ разныхъ мѣстностяхъ и принадлежатъ къ разнымъ сословіямъ, такъ что предположить, что они дали свои показанія по предварительному соглашенію, не представляется возможнымъ. Указывая на какое-либо обстоятельство противъ Алексѣенко и его кружка, каждый свидѣтель въ то же время сообщаетъ, и объ источникѣ, откуда получено имъ то или другое свѣдѣніе, при чемъ ссылка на свидѣтелей изъ деревни Лисичьей почти во всѣхъ случаяхъ не находитъ себѣ дальнѣйшаго подтвержденія, такъ какъ всѣ Лисичане упорно замалчиваютъ обстоятельства, относящіяся къ преступной дѣятельности Алексѣенко и его товарищей. Наличность близкихъ сношеній Анатолія Алексѣенко съ Коркишкой, Буцкимъ, Стороженко и Денисько, передача Анатоліемъ Алексѣенко другимъ лицамъ запрещенныхъ книгъ, пропаганда Коркишкой, Буцкимъ, Стороженко и Денисько преступныхъ ученій среди населенія деревни Лисичьей и окрестныхъ селъ установлена на дознаніи показаніями свидѣтелей. Насколько трудно добиться отъ крестьянъ деревни Лисичьей правдиваго показанія, можно указать на свидѣтеля Александра Молодцова, который отрицалъ на дознаніи не только разговоръ свой со свидѣтелемъ, крестьяниномъ Сидоромъ Рябоконемъ о привозѣ Анатоліемъ Алексѣенко въ деревню Лисичью 2-хъ пудовъ книгъ, но даже вопреки категорическому утвержденію Рябоконя на очной ставкѣ и свое знакомство съ послѣднимъ. Что Александру Молодцову извѣстно о привозѣ Анатоліемъ Алексѣенко въ деревню Лисичью запрещенныхъ книгъ, это видно и изъ показанія обвиняемаго Семена Подсулы, который объяснилъ, что отъ крестья-

нина Степана Литвина и его жены онъ слышалъ, что запрещенныя книги подвозитъ Алексѣенко, причемъ Литвины знаютъ объ этомъ отъ отца Маріи Литвиной, Александра Молодцова.

На-ряду съ приведенными показаніями свидѣтелей виновность Анатолія Алексѣенко въ организаціи въ деревнѣ Лисичьей тайнаго противоправительственнаго кружка и въ преступной пропагандѣ нашла себѣ подтвержденіе и въ объясненіяхъ обвиняемаго Полторака, который чистосердечно сознавался въ приписываемомъ ему преступленіи, показалъ, что его подвели злые люди, и что Тарасъ Стороженко говорилъ ему подъ величайшимъ секретомъ о привозѣ въ деревню Лисичью запрещенныхъ книгъ и газетъ Анатоліемъ Алексѣенко и о распространеніи этихъ изданій среди населенія пріятелемъ Алексѣенко—Власомъ Коркишкой.

Участіе Стороженко, Буцкаго и Коркишки въ разграбленіи экономіи Чеботарева и Коломійцева, при чемъ Стороженко и Буцкій, какъ видно изъ показаній свидѣтелей, являлись подстрекателями и руководителями толпы, еще болѣе подтверждаютъ сдѣланный ранѣе выводъ о принадлежности этихъ лицъ къ преступному кружку, распространявшему среди населенія соціалистическія и революціонныя идеи.

На основаніи всего изложеннаго, дворянинъ Анатолій Алексѣенко 23 лѣтъ и крестьяне Тарасъ Евтихіевъ Стороженко 38 лѣтъ, Артемъ Федоровъ Буцкой 42 лѣтъ, Власъ Яковлевъ Коркишка 20 лѣтъ и Василій Назаровъ Денисько 22 лѣтъ изобличаются:

1. Анатолій Алексенко въ томъ, что въ 1901 году и началѣ 1902 года онъ организовалъ въ деревнѣ Лисичьей, Константиноградскаго уѣзда, кружокъ изъ мѣстныхъ крестьянъ съ цѣлью пропаганды среди окрестнаго населенія соціалистическихъ и революціонныхъ ученій, для чего снабжалъ членовъ этого кружка соотвѣтствующими преступными изданіями и, кромѣ того, самъ лично велъ пропаганду устно и путемъ раздачи крестьянамъ нелегальныхъ изданій, посредствомъ каковой преступной агитаціи членовъ означеннаго выше кружка было то, что крестьяне деревни Лисичьей и окрестныхъ селеній, находясь въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ и испытывая большой недостатокъ въ кормовыхъ средствахъ для себя и скота, въ мартѣ 1902 года, подъ вліяніемъ проникшихъ въ ихъ среду идей совершили цѣлый рядъ, сперва тайныхъ, а затѣмъ и открытыхъ похищеній имущества у мѣстныхъ землевладѣльцевъ, при чемъ похищенія эти въ концѣ марта и началѣ апрѣля приняли характеръ массовыхъ крестьянскихъ волненій и охватили Константиноградскій и Полтавскій уѣзды Полтавской губерніи, и Валковскій и Богодуховскій уѣзды Харьковской губерніи.

2. Тарасъ Стороженко, Артемъ Буцкой, Власъ Коркишка и Василій Денисько въ томъ, что, состоя членами орагнизованнаго въ деревнѣ Лисичьей Анатоліемъ Алексѣенко преступнаго кружка для распространенія среди мѣстнаго населенія соціалистическихъ и

революціонныхъ ученій въ началѣ 1902 года, занимались устной пропагандой этихъ ученій среди крестьянъ деревни Лисичьей и ближайшихъ селеній, а также раздавали имъ нелегальныя изданія, послѣдствіями каковой дѣятельности членовъ названнаго выше преступнаго сообщества и были массовые крестьянскіе безпорядки въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ весною 1902 года.

3. Севастьянъ Подгорный въ томъ, что читалъ крестьянамъ преступныя изданія, книжку «Дядько Дмитро» и газету «Искра», а также разъяснялъ своимъ односельцамъ прочитанное въ томъ смыслѣ, что надо грабить помѣщичьи экономіи, послѣдствіемъ каковой преступной дѣятельности Подгорнаго было то, что крестьяне деревни Рубановки, зная о происходящихъ въ окрестныхъ селеніяхъ крестьянскихъ безпорядкахъ и будучи увлечены ложными идеями, почерпнутыми изъ означенныхъ выше преступныхъ изданій и разъясненій Подгорнаго, вмѣстѣ съ послѣднимъ отправились вечеромъ 30 марта на хуторъ землевладѣльца Попова, который и разграбили.

7. Илья Кондратьевъ Полторакъ, крестьянинъ, 38 лѣтъ, въ томъ, что въ январѣ 1902 года, онъ, получивъ отъ крестьянина деревни Лисичьей Тараса Стороженко запрещенное изданіе «Рабочіе союзы», содержащее въ себѣ изложеніе соціалистическихъ идей и призывъ рабочихъ къ борьбѣ съ правительствомъ, распространялъ это изданіе среди крестьянъ села Максимовки Константиноградскаго уѣзда, передавая его для чтенія разнымъ лицамъ.

8. Семенъ Семеновъ Пацула, крестьянинъ, 32 лѣтъ, въ томъ, что на масляной недѣлѣ 1901 года, получивъ отъ крестьянина села Максимовки, Константиноградскаго уѣзда, Ильи Полтарака запрещенное изданіе «Рабочіе союзы», путемъ передачи его для прочтенія другимъ лицамъ, способствовалъ распространенію преступныхъ идей среди мѣстнаго населенія.

9. Семенъ Сильвестровъ Шалдуга, запасный старшій унтеръ-офицеръ, изъ крестьянъ, 32 лѣтъ, въ томъ, что, получивъ въ мартѣ 1902 года отъ крестьянина Семена Пацулы запрещенное изданіе «Рабочіе союзы», тогда же передалъ его для прочтенія свидѣтелю Скрыпкину.

Обращаясь къ вопросу о порядкѣ дальнѣйшаго направленія настоящаго дела, и объ опредѣленіи мѣръ отвѣтственности обвиняемымъ лицамъ, я полагалъ бы разрѣшить настоящее дознаніе въ административномъ порядкѣ съ тѣмъ, чтобы:

1) Обвиняемаго Леонтія Потапова Гомелля [1]), по вмѣненіи въ наказаніе предварительнаго ареста, выслать подъ гласный надзоръ полиціи въ Восточную Сибирь на 3 года.

2) Обвиняемыхъ Анатолія Алексѣенко, Тараса Стороженко, Артема Буцкаго, Власа Коркишку и Севастьяна Подгорнаго, по вмѣненіи первымъ четыремъ въ наказніе предварительнаго ареста,

---

[1]) О нем нет сведений в этом деле. **Пр. ред.**

выслать подъ гласный надзоръ полиціи въ одну изъ сѣверо-восточныхъ губерній Европейской Россіи на три года каждаго.

3) Обвиняемыхъ Василія Денисько, Илью Полтарака, Семена Пацула, Семена Шалдугу, Александра Наконечнаго, Никиту Калениченко, Виктора Бурдзинскаго, Емельяна Скрыпкина, Евстигнея Бѣлкина, Родіона Щербаня, Ивана Доброволенко, Евгенія Хорошина, Дмитрія Лисенко и Ивана Тюху, по вмѣненіи въ наказаніе предварительнаго ареста, тѣхъ изъ нихъ, кои по сему дѣлу содержатся подъ стражей, подчинить гласному надзору полиціи въ избранныхъ ими мѣстахъ жительства, но внѣ столичныхъ, Полтавской и Харьковской губерній, срокомъ, первыхъ семерыхъ на два года каждаго, а остальныхъ на одинъ годъ каждаго.

12. Определенное въ отношеніи обвиняемыхъ Пацулы, Шалдуги, Стороженко, Буцкаго, Коркишки, Подгорнаго и Полтарака административное взысканіе привести въ исполненіе по отбытіи названными лицами наказаній, наложенныхъ на нихъ приговорами Особаго присутствія Харьковской и Кіевской Судебныхъ палатъ по дѣламъ о разграбленіи владѣльческихъ экономій Константиноградскаго и Полтавскаго уѣздовъ.

(т. V, л. д. 230—234).

№ 21.

Письмо Директора Департамента Министерства Юстиціи Прокурору Харьковской Судебной Палаты.

Директоръ
Перваго Департамента
Министерства Юстиціи.

Довѣрительно.

Милостивый Государь,
Степанъ Степановичъ [1]).

Государь Императоръ, лично разсмотрѣвъ всеподданнѣйшій докладъ Господина Министра Юстиціи по ходатайствамъ Харьковской и Кіевской судебныхъ палатъ объ облегченіи участи осужденныхъ по дѣламъ о крестьянскихъ безпорядкахъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, въ 12 день марта сего года на означенномъ докладѣ собственноручно начертать соизволилъ: «Утверждаю докладъ съ тѣмъ, чтобы находящіеся нынѣ на свободѣ осужденные начали отбывать назначенное имъ наказаніе осенью этого года, послѣ окончанія полевыхъ работъ, въ срокъ по распоряженію Министра Юстиціи».

Въ виду сего имѣю честь просить Ваше Превосходительство по сношеніи съ подлежащими губернаторами сообщить мнѣ, для доклада Господину Министру, Ваше, Милостивый Государь, заключеніе по вопросу о томъ, когда представлялось бы своевременнымъ

---

[1]) С. С. Хрулев, прокурор Харьковской суд. палаты. Пр. ред.

за окончаніемъ полевыхъ работъ, сдѣлать распоряженіе объ отбытіи осужденными по указаннымъ выше дѣламъ назначенныхъ имъ по Высочайшему повелѣнію наказаній.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и истинной преданности.

Подписалъ: *А. Хвостовъ.*

(т. 1, л. 384).

Сентября 23 дня 1903 года.
№ 42359.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Бельгард, Александр Карлович, р. в 1854 г., воспитывался в пажеском корпусе, а в 1871 г. вступил в службу корнетом в Кавалергардский полк; в 1875 г. вышел в отставку и поступил в ведомство министерства иностранных дел; в 1877 г. переведен в ведомство министерства юстиции; после того был избран почетным мировым судьей, Ефремовским уездным предводителем дворянства, председателем съезда мировых судей; в 1893 г. назначен Харьковским вице-губернатором, а в 1896 г.—Полтавским губернатором; в 1902 г. уволен от этой должности; 1 января 1916 г. назначен к присутствованию в Правит. Сенате.

[2]) Оболенский, кн. Иван Михайлович, р. в 1856 г.; воспитывался в морском училище, 13 апреля 1875 г. произведен гардемарином, в 1881 г. лейтенантом; оставив службу во флоте, в 1882 г. избран Симбирским уездным предводителем дворянства, с 1889 г. губернский предводитель; с 1897 г.—Херсонский губернатор; с 1901 г.—Харьковский губернатор, шталмейстер высоч. двора; 25 марта 1903 г. переимен. в генер.-лейт. по адмиралтейству; в 1904—1905 г.г. был Финляндским генерал-губернатором; с 1 августа 1904 г. генерал-адъютант.

[3]) Лопухин, Алексей Александрович, р. в 1864 г.; воспитывался в Московском университете; службу начал 21 июля 1886 г. по судебному ведомству; в 1890 г. был назначен товарищем прокурора Рязанского, а 11 ноября 1893 г.—Московского окружного суда; 29 октября 1896 г. назначен прокурором Тверского окружного суда, 16 июня 1899 г. — прокурором Московского окр. суда, 29 апр. 1900 г. — прокурором Спб. окр. суда, 1 февр. 1902 г. — прокурором Харьковск. суд. палаты, а 9 мая того же года и. д. директора д-та полиции; 4 марта 1905 г. назначен Эстляндским губернатором; 8 ноября 1905 г. причислен к м-ву внутр. дел, а 13 июля 1906 г. вышел в отставку.

[4]) Манухин, Сергей Сергеевич, р. 27 сентября 1856 г., кандидат Спб. университета; службу начал 20 января 1879 г. при прокуроре Спб. окружного суда; в 1890 г. товарищ обер-прокурора уголовного кассац. д-та Сената, в 1893 г. — старший юрист консульт консультации при м-ве юстиции, учрежденной, в 1895 г. — директор 1-го д-та м-ва юстиции, в 1902 г. — сенатор, в 1905 г. — министр юстиции и член Госуд. совета. Скончался в апреле 1922 г. в Петрограде.

[5]) Муравьев, Николай Валерианович, р. в 1850 г., кандидат Спб. университета; службу начал в 1870 г. кандидатом при прокуроре Московской судебной палаты; в 1871 г.—товарищ прокурора Рязанского окр. суда; в 1878 г.—прокурор Ярославского окр. суда; в 1879 г. — товарищ прокурора Спб. суд. палаты; в 1881 г. исполнял обязанности прокурора при особом присутствии Сената по делу 1 марта 1881 г.; в том же году назначен прокурором Спб. судебной палаты; в 1884 г.—прокурор Москов. суд. палаты; в 1891 г.—обер-прокурор уголовн. кассац. д-та Сената; в 1892 г. — государственный секретарь; в январе 1894 г.—министр юстиции; в 1896 г. пожалован в статс-секретари его вел-ва; в 1905 г. — чрезвычайный и полномочный посол при короле Италии. Автор значительного количества научных исследований и статей, глав-

ным образом по уголовному судопроизводству и процессу. («Прокурорский надзор», «Кандидаты на суд. должность» и мн. др.). Скончался в 1908 г.

[6]) Фон-Плеве, Вячеслав Константинович, р. в 1846 г., кандидат Московского университета; службу начал 16 августа 1867 г. кандидатом при прокуроре Московского окр. суда; затем был прокурором в Вологде, товарищем прокурора Варшавской судебн. палаты и прокурором Спб. судебной палаты; в 1881 г. назначен директором д-та государственной полиции; в 1884 г. — сенатором и товарищем министра внутр. дел; в 1894 г. — государственным секретарем и главноуправляющим кодификационною частью при Госуд. Совете, в 1899 г. министром, статс-секретарем Великого Княжества Финляндского, 4 апреля 1902 г. — министром внутр. дел, а 15 июля 1904 г. убит брошенною Сазоновым бомбою.

[7]) Ст. 17 приложения 1-го к ст. 1 (прим. 2) т. XIV Свода законов, изд. 1890 г.

«Отъ Генералъ-Губернаторовъ,—въ губерніяхъ имъ подчиненныхъ, и отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ зависитъ:

[2]) требовать разсмотрѣнія при закрытыхъ дверяхъ всѣхъ тѣхъ судебныхъ дѣлъ, публичное разсмотрѣніе коихъ можетъ послужить поводомъ къ возбужденію умовъ и нарушенію порядка; въ судебныя засѣданія по такимъ дѣламъ, съ разрѣшенія Предсѣдателя суда, допускаются, сверхъ лицъ, указанныхъ въ статьяхъ 622 (по Прод.) и 623 Устава Уголовнаго Судопроизводства (изд. 1883 г.), должностныя лица административнаго вѣдомства, служебныя обязанности коихъ представляютъ надлежащее къ тому основаніе, и

[3]) требовать разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, или въ порядкѣ, указанномъ в п. 2 сей статьи, или съ особыми сверхъ того ограниченіями, состоящими: а) въ производствѣ всѣхъ судебныхъ дѣйствій при закрытыхъ дверяхъ присутствія, съ устраненіемъ примѣненія статей 621 (по Прод.), 622 (по Прод.), 623 и 624 (по Прод.) Устава Угол. Судопроизводства, изд. 1883 г., и б) въ недопущеніи въ залу засѣданія никого посторонняго, за исключеніемъ должностныхъ лицъ, въ пунктѣ 2 сей статьи указанныхъ, и лицъ, о допущеніи коихъ будутъ просить подсудимые и потерпѣвшіе отъ преступленія; по желанію послѣднихъ допускаются въ семъ случаѣ только ихъ супруги и родственники въ прямой линіи, восходящей и нисходящей, не болѣе, однако же, одного лица со стороны каждаго изъ подсудимыхъ или потерпѣвшихъ».

[8]) Крестьянов, Николай Николаевич, р. в 1840 г., службу начал, по окончании Спб. университета, в 1864 г., в ведомстве министерства юстиции, в 1891 г. назначен председателем департамента Харьковской судебной палаты, а 1 января 1914 г. — сенатором уголовн. кассац. департамента.

[9]) Ст. 611 Устава угол. судопр.:

«Предсѣдатель суда управляетъ ходомъ судебнаго слѣдствія, наблюдаетъ за порядкомъ объясненій, возраженій и замѣчаній, устраняя въ преніяхъ все, что не имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу, не допускаетъ ни оскорбительныхъ для чьей бы то ни было личности отзывовъ, ни нарушенія должнаго уваженія къ религіи, закону и установленнымъ властямъ».

[10]) Ст. 1035 Устава угол. судопр.

«О всякомъ злоумышленіи, заключающемъ въ себѣ признаки государственнаго преступленія, сообщается прокурору судебной палаты, когда злоумышленіе обнаружилось въ мѣстѣ его пребыванія, а въ противномъ случаѣ мѣстному прокурору окружнаго суда или его товарищу, или же полиціи, для донесенія о томъ немедленно прокурору судебной палаты».

[11]) Хрулев, Степан Степанович, р. в 1860 г.; службу начал, по окончании курса Спб. университета, в 1884 г. по ведомству министерства юстиции; в 1900 г. занял должность товарища прокурора Спб. суд. палаты, а в 1902 г. назначен прокурором Харьковской суд. палаты.

[12]) Как видно из этого решения, напечатанного в сборнике решений угол. касс. д-та Пр. Сен. за 1873 г. (первое полугодие), под № 32 (стр. 36 и 37), Тульским окр. судом был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в Сибирь в места, не столь отдаленные, крест. Василий Алимов

по обвинению в краже посредством подобранного ключа. Сенат (под председательством сенатора Стояновского, и по докладу сен. Буцковского, — оба составители Судебных уставов 1864 г.) установил, что подсудимый был наказан розгами 20 ударами по распоряжению мирового посредника и, потому, в числе кассационных нарушений, допущенных в деле, признал также и то, что подсудимый «уже понес наказание за судимое преступление».

[13]) Коваленский, Григорий Григорьевич, р. 18 ноября 1857 г.; воспитывался в императорском Александровском лицее, но курса не кончил; службу начал 9 декабря 1876 г. в канцелярии предводителя дворянства Старобельского уезда, откуда перемещен в 1878 г. в Харьковское дворянское депутатское собрание; в 1882 г. был избран в участковые мировые судьи Старобельского уезда; в 1884 г. почетный мировой судья; в 1890 г. земский начальник Славяносербского уезда, в 1893 г. правитель канцелярии начальника Кубанской области и наказного атамана кубанского казачьего войска; в 1898 г. перешел на службу в министерство внутр. дел, а в 1901 г. назначен чиновником, состоящим за обер-прокурорским столом во 2 д-те Сената, и командирован к исправлению должности товарища обер прокурора этого д-та; в сентябре 1902 г. на него было возложено присутствование в судебных заседаниях Киевской и Харьковской судебных палат при рассмотрении дел о крестьянских беспорядках, происшедших в марте и апреле 1902 г. в Богодуховском и Валковском уездах Харьковской губ. и в Константиноградском и Полтавском уездах Полтавской губ., в 1907 г. вышел в отставку.

[14]) Семенов, Владимир Николаевич, р. в 1851 г.; воспитывался в Московском университете; службу начал в 1872 г. по ведомству министерства юстиции; в 1897 г. назначен членом консультации, при м-ве юстиции учрежденной, для ревизионных поручений, а в 1902 г. сенатором уголовн. кассац. д-та Сената.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

1. От редакции . . . . . 3—4
2. Предисловие . . . . . 5—13
3. Перечень документов, вошедших в данный выпуск . . . . . 15—16
4. Материалы по истории крестьянских движений 1902 года в Харьковской и Полтавской губ. . 17—125
5. Примечания . . . . . 126—128